

А.Р. Бобров

КАК “БАТЮШКА - ЖРЕБИЙ” КАЗАКОВ ИЗ СИБИРИ НА АМУР СОСЛАЛ

роман - эпопея

Александр Романович Бобров

КАК “БАТЮШКА-ЖРЕБИЙ” КАЗАКОВ ИЗ СИБИРИ НА АМУР СОСЛАЛ

Роман-эпопея

Роман-эпопея о династии казаков Бобровых, верой и правдой послужившей своей Отчизне на берегах Амура, начало которой положено славными нашими предками, приехавшими покорять Приамурские земли в 18 веке, и положившими на алтарь Отечества судьбы свои и нас, их потомков.

Семейная история, сроком в три века, посвящается всем моим родным и близким: уже ушедшим в мир иной, живущим ныне, и тем, кто ещё придёт на эту землю продолжить славный казачий род Бобровых.

С любовью: Александр Романович Бобров, автор

A stylized handwritten signature in black ink, consisting of a large, flowing 'B' followed by a long, sweeping horizontal line that ends in a small hook.

КАК “БАТЮШКА-ЖРЕБИЙ” КАЗАКОВ ИЗ СИБИРИ НА АМУР СОСЛАЛ

*Наш век пройдёт.
Откроются архивы.
И всё, что было скрыто до сих пор,
Все тайные истории извивы
Покажут миру славу и позор.
Иных богов тогда померкнут лики,
И обнажится всякая беда,
Но то, что было истинно великим,
Останется великим навсегда!*

Н. Тихонов.

ОТ АВТОРА

В далёком детстве, длинными зимними вечерами, при свете керосиновой лампы мы, дети, затаив дыхание слушали воспоминания родителей о прошлой жизни. Они помнили многие подробности событий, произошедших более 50 лет тому назад. Из рассказов отца мы знали, что являемся потомками Амурских казаков Бобровых, что его прадедушка с семьёй переселился из Сибири в Приамурье в середине 19 века. Подробности тяжёлого переезда и точной даты, он не помнил. Не мог объяснить и причину 16 летней ссылки нашей семьи. Шли годы, мы выросли, познакомились с многочисленными родственниками: бабушками и дедушками, дядюшками и тётушками, братьями и сёстрами, разобраться в степени родства было сложно, да мы и не утруждали себя этой задачей.

В смутные девяностые годы, когда рушился Советский Союз, а новая Россия рождалась в страшных муках, был принят закон о реабилитации жертв политических репрессий, в том числе и казачества. Открылся доступ к государственным архивам, появилась

возможность работать с метрическими книгами православных приходов, существовавшие до 1929 года.

В стране возникло стихийное движение по возрождению казачества. Как потомок казаков Амурского войска, я включился в работу и, по сути, возглавил это движение в области. Образовалась группа единомышленников, появились первые казачьи организации. Всё делалось методом проб и многочисленных ошибок. Недоставало элементарных знаний, отсутствовала законодательная база. Я с головой погрузился в изучение вновь открывающихся исторических документов по освоению Сибири и Дальнего Востока, нашёл факты, подтверждающие участие наших прародителей в этих исторических событиях.

Данные пришлось по крупицам собирать в архивах Благовещенска, Хабаровска, Иркутска, Читы, Санкт-Петербурга. Большую помощь в поиске материалов оказали сотрудники института Комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения Российской Академии Наук Раиса Сторожук и Евгения Кабанцова. Привезённые ими из командировок материалы – бесценны. Весомый вклад внёс атаман Амурского казачьего войска Крюков Владимир, издав хрестоматийный четырехтомник «Освоение Юго-Восточных окраин России».

Кропотливая работа с первичными документами породила возможность воссоздать генеалогическое древо семей Бобровых и Шохиревых. Пришла мысль, описать историю семьи, кратко изложить основные события прошлых лет, при заселении Сибири и Дальнего Востока, показать условия службы и быта казачьих семей, сохранить память о героическом прошлом для настоящих и будущих поколений. Обработка материалов заняла более шести лет. Насколько интересен материал – судить вам.

НАША ФАМИЛИЯ

Фамилия Бобров достаточно распространённая в России. Где она зародилась, можно только предполагать. Одна из версий связывает происхождение фамилии с ценным пушным зверьком – бобром. Ареалом его обитания была европейская часть, южный Урал, и юг Сибири. Некоторые города, посёлки и села России носят название незаурядного лесоруба и строителя плотин. В Воронежской области районный центр – город Бобров. В Белгородской области, посёлок Бобровы дворы. В Орловской области, в Архангельской – Боброво. В Новосибирской, Омской, Самарской областях, Алтайском крае есть поселения с одинаковым названием – Бобровка. В Биробиджанском районе ЕАО правый приток реки Бирушка – Бобриха.

В книге – мартирологе «Хотелось бы всех поименно назвать», посвященной памяти дальневосточников, необоснованно подвергшихся политическим репрессиям, значится Бобров Иван Власович 1892 г. рождения из п. Боброво Кировской области. Кстати, в Белоруссии производится пиво по особой рецептуре под маркой «Бобров».

Названия поселений, скорее всего связано с промыслом зверька. Семьи, занимавшиеся его добычей, выделкой и продажей ценного меха, получили прозвище, а затем оно превратилось в фамилии: Бобров, Бобровский, Бобровник, Бобринский, Бобрищев и т.д. Наверное будет справедливым предположить, что семьи с такой фамилией появлялись в разных местах.

В новую иллюстрированную энциклопедию включены четверо известных в мире людей с фамилией Бобров.

Бобров А.А. – хирург, профессор Московского университета, основатель хирургической школы. (1850 – 1904), Бобров С.П. – русский писатель (1889 - 1971), Бобров Е.А. – философ (1867 – 1933), Бобров Всеволод Михайлович – мастер спорта, заслуженный тренер СССР, чемпион Олимпийских игр (1956), мира (1954, 1956), Европы (1954, 1956) по хоккею с шайбой.

В нашей области, по данным персонифицированного учета на 1 января 2012 года, проживало более 150 человек по фамилии Бобров.

СИБИРСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО

Достоверно известно, что история нашей семьи тесно связана с казачеством. Наши предки служили в Сибирском, Забайкальском и Амурском казачьих войсках.

О казачестве написано немало. До сих пор идут споры, кто такие казаки? Это сословие, народ или нация? Краткое определение уникального русского явления изложено в «Новой иллюстрированной энциклопедии» издательства «Мир» 2007 г. *«Казачество – военное сословие в России в 18 – начале 20 в.в. В 14 -16 веках – вольные люди, работавшие по найму лица, нёсшие службу в пограничных районах (городовые и сторожевые).*

В 15-16 в.в. за границами России и Польско-Литовского государства (на Днепре, Дону, Волге, Урале, Тереке) возникали самоуправляющиеся общины, так называемых, вольных казаков, которые являлись главной движущей силой восстаний на Украине и в России 17-18 в.в. Правительство России старалось использовать казачьи войска для охраны границ, в войнах и т.д., а в 18 в. подчинило их, превратив в привилегированное сословие.

В начале 20 в. в России существовало 11 казачьих войск. В европейской части – Донское, Кубанское, Терское, Астраханское Уральское казачьи войска. В Зауралье – Сибирское, Оренбургское, Семереченское, Забайкальское. На Дальнем Востоке – Амурское, и Уссурийское. В 1916г. казачье население России составляло 4.4 мл. человек.

В период первой мировой войны, казачьи войска поставили на фронт более 300 тыс. воинов, в основном кавалерии. В 1920 году казачество, как род войск, новой властью было упразднено, лишено всех привилегий, подверглось геноциду. В 1936 году в стране были вновь созданы донские, кубанские, терские кавалерийские соединения, участвовавшие в Великой Отечественной войне (расформированы во второй половине 40х годов). В 1990 году началось возрождение традиций, культуры, казачьего быта, появились казачьи «некоммерческие организации».

Первым воинским формированием Сибирского казачьего войска следует считать отряд казаков, под началом атамана Ермака Тимофеевича Аленина (1540-1585 г.). В 1581 году Ермак «со товарищами», по приказу царя Иоанна четвёртого, перешёл Уральский хребет и вскоре покорил Сибирское ханство (последний

осколок «Золотой орды»). С этого момента русскими охочими людьми, казаками, предпринимателями, под строгим контролем государевых людей, начинается освоение и присоединение к России необъятных просторов Сибири. В 1587 году заложен Тобольский острог, в 1593 г. – Берёзовый, в 1619г. – Енисейский, в 1632 г. – Ленский (Якутск).

В 1639 году отряд казаков, во главе с атаманом Иваном Москвитиным, вышел к Охотскому морю, заложил пост Охотск, будущий порт Тихоокеанского флота. Мелкопоместный дворянин, Василий Поярков, с отрядом из 148 казаков, в 1643 году открыл Амур. В 1648-1649 годы отряд казаков, во главе с Иваном Дежнёвым и Фёдором Алексеевым, открывают Чукотку, пролив между Азией и Америкой, полуостров Камчатка.

В течение 60 лет, после первых походов Ермака, русские казаки с охочими людьми, под зорким контролем государевых воевод, покорили северную часть Сибири до Тихого океана. Чтобы обеспечить охрану границ вновь приобретённых территорий, нужны были регулярные войска, государство не имело возможности их создать, поскольку постоянно велись военные действия с соседями на западной границе. Весьма условный контроль за охраной восточных Российских рубежей осуществляли малочисленные казачьи отряды. Разбросанные на сотни километров друг от друга, они были плохо управляемы. Было принято решение объединить разрозненные казачьи отряды в единое Сибирское казачье войско. Численность его составляла около 2500 человек, что крайне мало для надзора за 7 тысячами вёрст сухопутной границы. Граница была весьма условной, ориентирами кордона служили реки в степи, местами земляной вал, где-то сопки, большие камни и даже отдельно стоящие деревья. Остроги размещались на расстоянии 60-100, и более, вёрст друг от друга.

В справочно – энциклопедической серии «Казачьи войска России», Ю. Галушко, изданной в 1993 году в Москве, опубликована история войска. *«Датой рождения Сибирского казачьего войска нужно считать 6 декабря 1582 года. В этот день атаман Иван Кольцо, посланный Ермаком в Москву, «бил челом Царю Иоанну Грозному новым Царством Сибирским». За что Ермаку и его товарищам были прощены все старые грехи, и они были названы Царской служивой ратью».* Возможно, среди них были казаки с фамилией Бобров, но документальных подтверждений не найдено.

Как шло заселение огромных территорий, что за люди

решались связать свою судьбу с Сибирью? В монографии «Российское землепроходческое движение в Приамурье» доктор географических наук В.Г. Шведов даёт объяснение успешному продвижению «встречь солнцу». «Крепостные, кому посчастливилось, перейти Уральский хребет, оказывались в иных условиях. За Уралом крепостное право было отменено, беглый крестьянин становился свободным. Столь важная социальная льгота имела экономическое подкрепление. Налоговое бремя сибирских земледельцев ограничивалось государственной и церковной десятиной (20% от годового дохода). Итак, до Урала беглый крепостной был уголовным преступником, а за Уралом он становился государственным человеком. Это делало новые земли, хотя и труднодоступные, заманчиво привлекательными. Но первичные условия для появления здесь крестьян должны были подготовить люди другого склада. Таким образом, на острие землепроходчества оказалось казачество. Сибирское казачество, 16-17 в.в. не было идентично Донской и Запорожской «вольнице». Его представители принадлежали служивому сословию, имели срочные служебные обязательства перед государством, от которого получали снабжение продовольствием, вооружением и денежным жалованием.

В Сибири казаки вступали в пределы не пустующих земель, их отношения с коренным населением были сложными. Командиры служилых казаков, в большинстве, были трезвомыслящие. Их небольшие отряды действовали на огромном удалении от тыловых баз, в неизвестной местности. В таких условиях провоцировать местное население было безрассудно. По понятным причинам нельзя было заискивать перед аборигенами, выказывать перед ними слабость. Сдержанность служивого казачества директировалась сверху.

«Инородческий уклад» предусматривал по отношению к аборигенам:

- не закрепощение и не обращение в рабов;
- невмешательство во внутренние дела;
- свобода вероисповедания;
- неприкосновенность пахотных и охотничьих угодий;
- ограничение налогов государственной десятиной на пушнину;
- гарантия защиты от внешних угроз.

Служилые казаки обязывались руководствоваться этим положением. Их действия контролировал воевода. Таким образом,

стремительная колонизация всей Сибири до Тихого океана была не счастливой случайностью, а глубоко продуманной системой влияния на коренное население политического, экономического и военного воздействия со стороны государства».

Не всегда колонизация новых земель проходила спокойно. Жёсткое противодействие коренных народов, встретили казаки-первопроходцы на Камчатке, Чукотке. Но особенно кровопролитные столкновения с местным населением дючеров, дауров и населения соседнего государства Маньчжурии проходили на Амуре. После 45 лет упорной борьбы, в условиях огромного неравенства расстановки сил в 1689 году, Россия была вынуждена согласиться на подписание мирного договора с Маньчжурией (Нерчинский договор).

В результате тяжёлых переговоров, удалось отстоять права России на обладание Забайкальем, Якутией, побережьем Охотского моря. На северном участке, граница осталась неразмеченной, что давало возможность, вернуться к рассмотрению этого вопроса, в любое время. Владения же плодородными землями средне - амурской равнины, обширными угодьями пушного промысла были утрачены.

Русские первопроходцы Сибири

Ермак Тимофеевич

Иван Москвитин

Семён Дежнёв

Василий Поярков

Ерофей Хабаров

Владимир Атласов

ПЕРВЫЕ СВЕДЕНИЯ О НАШИХ ПРАРОДИТЕЛЯХ

После подписания Нерчинского договора в Забайкалье, на берега рек Шилка и Аргунь переселились тысячи казаков, землепашцев, охотников, мастеровых, выдворенных маньчжурами из Приамурья. Потянулись в неизведанные края безземельные крестьяне, ремесленники из центральной России. Восточная окраина России стала местом ссылки каторжан, проштрафившихся чиновников, политических ссыльных. В скором времени Нерчинск превратился в промышленный административный центр. Столицей Восточной Сибири стал город Иркутск. И сегодня южная часть Забайкальского края заселена больше, чем любой регион Дальнего Востока.

Спокойствие административно - экономического уезда нужно было защищать от беспокойных соседей. Для охраны границы Забайкалья, в конце 17 века были сформированы восемь пограничных русских команд. Первое Цурухайтуевское пограничное отделение, состоящее из 4 казачьих сотен, размещалось вдоль реки Аргунь. Первая сотня - в «крепости» Акша, в 150 верст от штаба. Вторая сотня - на реке Онон, в 100 верстах от центра пограничного отделения. Третья - в «крепости» Аргунь, в 150 верстах от «крепости» Цурухайтуйской, вниз по течению пограничной реки. Четвёртая Горбиченская - на Шилке. Эти поселения можно найти на современной карте Забайкальского края. Все сотенные штабы носили название крепостей, хотя никаких укреплений не имели. Это были обычные казачьи станицы. Промежуточные казачьи селения назывались караулами, а крестьянские селения - деревнями.

В Цурухайтуйске, в семье казака Боброва Егора, в 1790 году родился сын Иван, будущий отец моего прапрадедушки. В те далёкие времена отчество полагалось только правящему сословию, для простолюдинов только имя, позже - фамилия.

В казачьих семьях детей с малых лет приобщали к военной службе, нелёгкому крестьянскому труду. К десяти годам Иван был обучен азам верховой езды и, в меру своих возможностей, помогал родителям. Отец часто привлекался к многодневным походам по охране границы и сопровождению торговых караванов. В это

время все работы по хозяйству в семье ложились на плечи жены, пожилых родителей и детей.

Как были организованы казачий быт, служба по охране границы, отношения с жителями соседнего государства 200 лет назад в Забайкалье? Не простой вопрос, ответить на него без конкретных исторических документов невозможно. Быт простого народа не интересовал историков. Подробности обыденной жизни, передаваемые от поколения к поколению, со временем забывались.

Чтобы примерно показать условия жизни, я воспользовался воспоминаниями Амурского казака Богданова Романа Кириковича. В 1912 году по его воспоминаниям была издана книга «Воспоминания Амурского казака о прошлом с 1849 по 1880 год». Родился Роман в 1835 году, в крепости Цурухайтуйск, там же учился в казачьей школе. Его отец, Кирик Афанасьевич, командовал в третьей сотне первого Цурухайтуйского пограничного казачьего отделения в звании унтер-офицера. Служба отца и сына была тесно связана с деятельностью генерала- губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева. Они участвовали в организации сплавов и заселения Приамурья и Приморья. Роман Кирикович был писарем при губернаторе, сопровождал его во время сплавов по Амуру. По поручению губернатора описывал все происходящие события, хранил его записные книжки и дневники.

Казачьи дети, как правило, проходили обучение в церковноприходской школе. Чтобы вы представили себе, как проходило обучение, сошлюсь на воспоминания Р. К. Богданова. «Школа казачьих детей в Цурухайтуйской крепости размещалась в обычной избе. Учеников в школе было около 75 человек. Учителем был один из местных грамотных урядников, а один из учеников этой же школы был помощником учителя. Грамотный в том смысле, что умел читать, писать, считать и не более того. Школа, разделялась на три класса. В первом классе начинали учиться, т.е. он был подготовительным. Во втором начинали писать на доске грифелем, учили священную историю Ветхого и Нового заветов и арифметику. В третьем – упражнялись на бумаге чистописанию и письму «под диктант», продолжали учить арифметику до тройных правил (наверное, трёхзначных чисел), учили Новый завет, пространный катехизис, грамматику и географию (Обадовского). Все книги учили наизусть, никто ничего не разъяснял. Учитель был тихого характера, если наказывал, нерадивых учеников, то умеренно.

Школой заведовал сам пограничный пристав, чиновник девятого класса - Евграф Иванович Разгильдеев. Школу Разгильдеев посещал изредка, по субботам. Чуть свет четыре казака приносили к школе пуки розог. Около 9 часов являлся пристав сотник и священник. Вызывали по очереди учеников. Учитель развёртывал книгу и показывал пальцем, с какого места задан урок. Произносилось, как гром, слово «читай». Хорошо, кому достанется маленький урок, он его сразу скороговоркой пробормочет и по знаку, повернувшись «налево кругом», уйдёт на место. Но, случалось, попадали большие уроки по географии. Ученик бормотать устанет, и только остановится, раздаётся команда - розог. В это время, как из-под земли, выходили 4 казака с розгами. Они раздевали ученика, клали его на пол. Один садился на голову и держал руки, другой ноги. Двое других, становились по обеим сторонам и, по команде «начинай», исполняли порку аккуратно. Начальство в это время закуривало трубки. Его не трогали отчаянные вопли мальчиков 12-15 лет. Экзекуция продолжалась порой до того, что ученик лишался сознания, или был не в состоянии более кричать. Не думаю, что везде были Разгильдеевы, но детей воспитывали жёстко, такие были времена. Распускали учеников на каникулы с 10 мая по 10 сентября.

Такая система образования, основанная на зубрёжке и страхе наказания, не давала глубоких знаний, но читать, писать и считать дети казаков умели. Это ставило их на ступеньку выше крестьян. В этой школе учился и Иван Бобров. Когда ему исполнилось 17 лет, его зачислили в состав казаков - малолеток. С этого момента, его стали привлекать для исполнения станичных обязанностей: доставке почты, заготовке дров, строительству казарм. Работы исполнялись бесплатно. Жил Иван в родительском доме, обучался в группе сверстников мастерству верховой езды, джигитовке, владению холодным и огнестрельным оружием, пешему и конному строю. Занятия с молодыми казаками вёл вышедший на внутреннюю службу урядник. По достижении 20 лет молодому казаку выдавалось казённое обмундирование и оружие. Как правило, к этому возрасту казак должен был создать семью. Не стал исключением и наш Иван – в 18 лет он женился. В жёны взял Прасковью Ангарскую, 19-ти лет из соседней станицы.

С момента зачисления на полевую службу казаку полагалось годовое жалование, в зависимости от звания. Казаку - 3 р.45 к., уряднику - 4 р.80 к., ветеринарному фельдшеру - 25 р.35 к.

На ремонт одежды и обуви - 8р. Кроме денежного довольствия полагался провиант ежемесячно: муки- 28.5 кг, крупы - 3.1 кг, 500 гр. соли. За мясо, чай выплачивали деньгами, по ценам, утверждённым Военным комендантом. (Денежное довольствие, стоимость товара и услуг в ценах начала 18 века).

На каждого члена семейства мужского пола с первого года рождения, полагалась половина месячной нормы провианта казака. Для казаков, служивших на лошадях, полагался фураж:

- овса – два и четыре десятых гарнца (7 литров) ежедневно в год (2555 литров);

- сена – 20 фунтов в сутки - (8.2 кг.), семь месяцев в году;

Подковные, в размере 70 к. осенью.

Денежное содержание, продукты и фураж выдавались казаку только в период несения полевой службы. Причём, иногда с задержкой от нескольких месяцев до двух лет. Чтобы не голодать казак должен бы изыскивать возможности прокормить семью.

Не все молодые казаки привлекались для несения полевой службы. Штатным расписанием было предусмотрено 500 человек на три сотни всего Цурухайтуйского пограничного отделения. Взрослого мужского населения было значительно больше. В 20 лет Иван приступил к несению полевой службы по очереди. Служба проходила в третьей казачьей сотне первого Цурухайтуйского пограничного отделения в крепости Аргунской.

По долгу службы, пришлось изменить место жительства. Семья переселилась в станицу Ильди́канская, в 60 вёрстах от крепости, в 10 верстах от реки Аргунь. Названия посёлка, сохранилось, сегодня, его без труда можно найти на современной карте Забайкальского края.

В книге «Воспоминания Амурского казака о прошлом», в разделе «Служба и быт пограничных казаков до 1851 года», кратко описываются условия службы и быта: *«Служба на границе была размеренной и однообразной. Границей служил земляной вал, где позволяла местность, а от устья реки Аргунь – по её левому берегу. Управление находилось в крепости. Название было символическим, никаких укреплений вокруг поселения не было. В пограничных казачьих станицах размещались караулы. Караул обеспечивал контроль на отрезке границы в 50-60 вёрст. Ежедневно разъезды, от 5 до 10 человек на лошадях, посылались в обе стороны от караула для осмотра границы. Наряду давался ярлык, где были указаны год, месяц, день, список казаков*

караула, название станицы, и все нарушения выявленные при патрулировании. Казачьи дозоры двигались навстречу друг другу, при встрече, обменивались ярлыками. По возвращению, ярлык передавался начальнику караула, а он передавал его в крепость. Информация из ярлыков записывалась в прошнурованную книгу. Если на границе были обнаружены многочисленные следы животных (явный признак хищения скота), один казак возвращался в караул, двое направлялись к китайскому посту, двое оставались ждать на месте нарушения границы для проведения совместных разбирательств. Вторжений на Российскую территорию не было. Маньчжуры к русскому населению относились дружелюбно, приезжали в пограничные сёла торговать на ярмарках. Торговым караванам русских купцов в китайских городах, где размещались таможенные посты, препятствий не чинили. На российской стороне главным таможенным постом был город Кяхта».

Казачьи станицы, строились вдоль границы на расстоянии 30 - 40 вёрст друг от друга. Как правило, это была одна двусторонняя улица, длиной в версту и более. Усадьбы разные: у рачительных хозяев имеющих достаток – добротная изба с русской печью и полатями, двор с хозяйскими постройками: амбаром, сараем, для скота, баней, колодцем и навесом, где хранился хозяйственный инвентарь. Основная часть казачьих семей имела небольшие избы, входную дверь от улицы отделяли сени, служащие кладовой. Как правило, слева от входа размещалась русская печь, справа вешалка для одежды и деревянная родительская кровать, под потолком к печи примыкали полати. В середине дома размещался большой стол, окружённый скамейками, у стен широкие лавки, где спали взрослые дети и гости, закуток за печкой (залавочек) – заветное место хозяйки, отделялся занавеской. В красном углу иконы. Избы внутри не белились, по причине элементарного отсутствия извести. Не думайте, что в казачьих избах днем было светло, как в современных частных домах. Оконное стекло стоило баснословно дорого, потому использовались подручные материалы: рыбий пузырь, бычий пузырь, холст, тонкие деревянные пластинки. Зажиточные люди могли позволить слюду. По этой причине окна были маленькие. Ещё труднее было обеспечить освещение в тёмное время суток. Выбор небольшой – лучина, жирник, в редких случаях, свеча. Несколько слов о полатях: на расстоянии примерно 50 сантиметров от потолка, из прочных досок крепился настил и непременно примыкал к русской печи. Здесь находились

маленькие дети, спасаясь от холода и сквозняков. Под полатами размещалась кровать родителей, это исключало возможность детям видеть, чем они занимаются.

За усадьбой была пригорожена поскотина в несколько десятин, где пасли животных с июня по сентябрь, чтобы не потравить посевы. Пашни размещались вдали от станицы на пригодных для пахоты землях, засеивали не много, по 3-5 десятин земли. Землепашеством занимались не многие. В хозяйстве содержали по 1-2 коровы, пару лошадей да десяток овец или коз. Дополнительным доходом для казачьих семей свободных от полевой службы, были охота и рыбалка. Избыток мяса, шерсти, мороженая рыба, шкуры, рога оленей и изюбря продавались купцам, или обменивались у крестьян на муку и крупу. У китайцев обменивали на мануфактуру, чай, спирт, бижутерию, специи. Брали контрабандой соль на китайской территории, в соляных озёрах, а также обменивали на продукты у крестьян. Деньги в торговле практически не применялись, по причине их отсутствия у крестьян и казаков.

Из архивных данных известно, что в 1812 году в семье Боброва Ивана родился сын, нарекли Василием (наш прапрадедушка). Позже в семье родились две девочки и два мальчика. Василий рос послушным ребёнком, с ранних лет был приучен к труду. Успешно закончил три класса Цурухайтуйской школы, был обучен счёту, грамоте, письму, знал Закон Божий. Среди сверстников выделялся приятной внешностью, крепким телосложением – косая сажень в плечах. Говорили в народе – и мягким нравом.

В 1830 году Василий женился, на 16 летней красавице Александре из станицы Михайловская, жениху было восемнадцать. В 1831 году в семье молодожёнов родился сын, окрестили Артёмом. Молодой отец принял присягу на верность царю и Отечеству. Вскоре, в составе группы наиболее способных молодых казаков, был направлен для обучения в школу ковалей и ветеринаров в город Иркутск. Обучение продолжалось 3.5 года. После окончания обучения, в 1835 году, Василий был аттестован на фельдшера-ветеринара и направлен для прохождения службы в казачью сотню, расквартированную в крепости Аргунь. Это было далеко, в 250 вёрстах от родительского дома и семьи. Крепость считалась стратегической. Василий служил здесь безвыездно двенадцать лет, и только в 1847 году был переведён в Цурухайтуйскую сотню. За долгие годы службы, он забыл семейный уют.

Внимание встретивших родственников приводило его в

смущение. Многое изменилось за время его отсутствия в отчем доме. Родителям было уже за шестьдесят, но они ещё были полны жизненной энергии. Сестры вышли замуж и жили отдельно. Отделились после женитьбы и братья, с родителями остался только младший Касьян. Сын Артём возмужал, стал крепким, красивым юношей, унаследовав красоту матери Александры. Он совсем не помнил отца, знал о нем только из рассказов матери. Долго ждал Василий встречи, представлял, как обнимет и расцелует любимую, а когда вошёл избу и встретился взглядом со статной, сияющей от счастья Александрой, растерялся. За 15 лет казарменной жизни в отрыве от семьи, он забыл манеры общения с женщиной, семейный уют, чувствовал себя скованно.

– Аль не узнаёшь, – с улыбкой спросила жена, крепко обняла мужа и расцеловала. Василий с трудом сдержал себя от желания подхватить Александру на руки. Проявлять свои чувства на людях для казака считалось неприлично. Только ночью, наедине он дал волю своим чувствам.

Василий старался больше находиться дома, если по делам службы выезжал в отдалённые станицы, то ночевать стремился вернуться домой. Вскоре получил звание урядника. В семье Василия с 1831 по 1847 год детей не было. В 1848 году родилась дочка, нарекли Агафьей, в 1850 году – сын Фёдор, в 1852 году – Лука (наш прадедушка). Последняя дочка Ульяна родилась в 1857 году, когда жене Александре было 43 года от роду. Семья имела крепкий достаток. Денежное довольствие фельдшера-ветеринара было в несколько раз больше, чем урядового казака, определённый доход приносили ветеринарные услуги крестьянскому скоту ближайших деревень.

Для вернувшегося в родную станицу Василия Ивановича, так к нему сейчас обращались, наступили трудные времена. В Забайкалье распространились страшные болезни – сибирская язва, сап, стригущий лишай. У животных на ногах появлялись язвы, они не могли ходить, и погибали. Применяемые мази, примочки не помогали, до 30 % животных гибло. В станицах вводился карантин, павших животных сжигали, помещения дезинфицировали. Принёс Василий заразу в собственный двор. Домашние лошади издохли.

Устоявшаяся десятилетиями размеренная жизнь Забайкалья в середине 19 века начала стремительно меняться, семью Боброва, ждали новые испытания.

ОСВОЕНИЕ АМУРА

Россия готовилась к завершению колонизации Восточной Сибири, включая Приамурье. В 1847 году экспедиция в составе брига «Константин» и транспорта «Байкал» была направлена в Тихий океан, для тщательного обследования Татарского пролива и устья реки Амур. Губернатором Восточной Сибири назначен молодой энергичный, в возрасте 39 лет, генерал-лейтенант Николай Николаевич Муравьев, получивший большой опыт военных действий войны на Кавказе.

Ознакомившись с делами, он с присущей ему энергией принялся за «Амурское дело». *«Кто владеет рекою Амур, тот владеет всей Сибирью»* – считал Н. Н. Муравьев. Летом 1849 года транспорт «Байкал», под командованием Г.И. Невельского, прошёл Татарским проливом, признав его судоходным а Сахалин – островом, вошёл в устье Амура, доказав судоходность реки. На ближайшей косе заложил пост Петровский.

Об открытии немедленно доложили губернатору. Вдохновлённый ожидаемой новостью, губернатор представил на имя Государя докладную записку, где, в числе многих дел по укреплению окраин страны, предложил создать в Забайкалье отдельное казачье войско. Он предполагал использовать казачьи семьи для возможного заселения Амура. База для их формирования имела: с давних пор пограничную службу на китайской границе несли русские казачьи команды, бурятские, якутские, тунгусские казачьи полки. Семнадцатого марта 1851 года было принято Высочайше утверждённое – «Положение об образовании Забайкальского казачьего войска».

Одновременно, согласовав с Государем, Муравьев вывел из крепостного состояния 27 тысяч заводских крестьян. Сформировал из них три пеших бригады в 12 батальонов. Существующие казачьи полки: Городовой, Тунгусский и Бурятский, пограничные казачьи отряды преобразовал в конницу. Всего в состав войска было зачислено 48 тысяч человек. Муравьев хорошо знал возможности казачьих войск, во время кавказской войны они показали себя наилучшим образом. Началась кропотливая работа по обучению вновь созданного войска и перевооружение его новыми системами оружия.

Из воспоминаний казака Р.К. Богданова: *«В 1851 году в*

Забайкалье всё зашевелилось – понаехали к нам офицеры. Одним приказом у нас в бригаде было произведено в заряд – хорунжие (низший офицерский чин в казачестве) до 50 человек из урядников и сотников, достойно служивших в пограничном войске. Все закопошились: делали всем полевым и внутренним казакам очередные списки, переписывали всех людей мужского пола от 17 до 50 лет, в церквях брали метрические книги для справок. Весь народ, от 19 до 45 лет, приучали к фронту, а с 45 лет и казаки – малолетки от 17 до 19 лет, исполняли станичные повинности. В войсках стояло радостное возбуждение. Бывшие крепостные, старательно осваивали тонкости ратного мастерства, строили жильё, распахивали земли в новых станицах. Через два года они превратились в хорошо обученных воинов – патриотов России, гордящихся своим сословием».

Между тем, международная обстановка накалялась. В 1853 году России объявили войну сразу три державы: Англия, Франция и Турция. Огромная сводная эскадра вошла в Чёрное море, высадила десант в Крыму под Севастополем и на Черноморском побережье. Большая группа боевых кораблей направилась на Дальний Восток. Остро встал вопрос защиты русских территорий Камчатки, Охотска, Аяна, устья Амура. Военное положение требовало принятия неотложных мер. Времени для подготовки к обороне Тихоокеанского побережья оставалось совсем немного, 10-11 месяцев.

Н.Н. Муравьёв в это время находился в Петербурге. Губернатор, просил у Государя Николая I направить войска из Кронштадта, для защиты восточных владений, но император отказал – чтобы подготовить и переправить военную эскадру на Дальний Восток потребуется не менее полутора лет. Тогда губернатор попросил разрешения сплавить по Амуру казачьи войска из Забайкалья для защиты побережья. После некоторых колебаний, Николай согласился, но с оговоркой: «Так, чтобы порохом на Амуре не пахло».

Муравьёв, окрылённый решением Государя, срочно возвращается в Иркутск. Встречается с крупными заводчиками и купцами, сообщает им решение о строительстве сплавных средств, для сплава по Амуру весной 1854 года. Коммерсанты, движимые порывом патриотизма и ожиданием высоких барышей, приняли активное участие в подготовке важной государственной компании. К началу навигации для сплава всё было готово.

Из воспоминаний войскового старшины (подполковника) Родиона Иванова в книге «История Амурского казачьего войска»: «14 мая 1854 года от пристани Шилкинского завода, после напутственного молебна перед иконой «Албазинской Божьей Матери», при салюте из орудий флотилия, в составе почти сотни плавсредств, отвалила от берега и пустилась в дальний путь. Впереди плыла лодка Муравьева, в составе экспедиции были батальон пехоты, сотня конных казаков, всего до тысячи человек. Восемнадцатого мая флотилия вошла в Амур. Продолжая путь, экспедиция проплыла устье Зеи и Сунгари, встречавшиеся по правому берегу китайские деревни были пусты. Узнав о сплаве армады барж и баркасов, местные жители бежали от страха и прятались в лесах. Китай никакого противодействия не чинил. 14 июня все суда вошли в протоку Мариинского поста. Отправив на транспортах 350 человек пехоты в Петропавловский порт, сотню казаков и два орудия для защиты бухты Дэ – Кастри, Муравьев на шхуне «Восток» отправляется в порт Аяна, а оттуда на лошадях по тракту в Иркутск. Своевременное подкрепление Петропавловского гарнизона позволило успешно отразить десант англичан. Потерпев неудачу, Англо-Французский флот продолжал разыскивать русские суда по гаваням Сахалина и Охотского моря, не заходя в Татарский пролив, считая по своим картам, что там мели, а Сахалин полуостров. Это спасло нашу эскадру, спокойно стоящую в лимане Амура».

На весну 1855 года губернатор готовит новый сплав. В начале мая огромный транспорт из 105 барж, с двумя полу-батальонами пехоты, сотней казаков и 480 переселенцев-крестьян, общей численностью более 2000 человек, сплавляется в низовье Амура. Н.Н.Муравьев с женой Екатериной Николаевной возглавляет сплав на первой барже.

В октябре англичане пытались высадить десант в бухте Дэ – Кастри, но попытки были отбиты. Своевременный сплав войск и дополнительного вооружения обеспечили достойную оборону тихоокеанского побережья, вражеская эскадра убралась восвояси. Все сплавленные войска были оставлены на зимовку. Муравьев, с женой и свитой из 30 человек, на американском паруснике отбыл в Аян и далее сухопутным путём до Иркутска.

На нижнем Амуре были заложены русские поселения: Богородское, Софийск, Марьинск. Зима показала слабые места подготовки сплавов. Распределение продуктов питания было

не равномерным, не хватало медикаментов, люди не были приспособлены к холодному и влажному климату. Появилась цинга, свирепствовал тиф, за зиму треть Дэ - Кастринского гарнизона умерло. С наступлением весны 1856 года войска стали возвращаться в Забайкалье на лодках. Плыть против течения было трудно и часто лодки тянули бечевой. Тяжёлый труд, недостаток питания, болезни унесли жизни ещё несколько десятков казаков.

Трагическое возвращение казаков с низовья Амура создало негативный образ реки. «Кто на Амуре не бывал, тот и горя не видал» – так говорили участники сплавов.

Ещё не решён был вопрос присоединения к России Приамурья, а Муравьёв уже отправил на утверждение Государю «Положение об управлении Приморской области Восточной Сибири» с центром управления в городе Николаевске. Вскоре положение было утверждено. В состав Приморской области включались нынешние территории: Магаданской, Сахалинской областей, Приморского и Камчатского края, Чукотского А.О. В составе Иркутского генерал - губернаторства образованы области: Енисейская, Якутская, Забайкальская и Приморская.

Готовился сплав в 1856 году. Весной все казачьи станицы оповестили о записи желающих переселиться на Амур, но таких охотников не нашлось. Было утверждено положение о льготах переселенцам:

- пособие в 15 рублей на каждого члена семьи;
- в течение 2 х лет провиантское и фуражное довольствие;
- отвод 30 десятин самых удобных мест для хлебопашества, сенокоса и выгона скота;
- освобождение на два года от службы;
- бедным семьям бесплатное обмундирование.

О льготах было доведено до казаков, но и это не возымело действия. Обещания не прельщали казаков, живших в сравнительном достатке. В 1856 году сплав не состоялся. Генерал- губернатором было принято решение о насильственном переселении казачьих семей на Амур. Переселенцев отбирали в станицах по жребию, или по назначению начальства из числа здоровых и работающих семей, с молодым сметливым хозяином.

Весной 1857 года состоялся первый переселенческий сплав. Возглавлял его опять Генерал-губернатор Н.Н. Муравьёв на пароходе. По мере сплава, казачьи семьи высаживались на берег, на заранее выбранные места. Сгружали скarb, животных,

сельхозинвентарь, разбирали плоты и баржи, начинали строить избы. В строительстве жилья принимали участие солдаты линейных батальонов. Это был самый большой с начала переселения сплав. По левому берегу Амура, от истоков до Хинганского хребта, было расселено 1800 душ казачьих семей.

Поднимаясь вверх на пароходе, Муравьёв осматривал ход строительства поселений. Спускался на берег, беседовал с переселенцами, благодарил их за успешный сплав, и давал названия новым станицам, в честь русских первопроходцев и его сподвижников компании по переселению на Амур. Так появились названия в пределах современной территории Амурской области станицы: Казакевича, Корсаково, Аносово, Толбузино, Поярково, Пашково.

Главной задачей 1858 года Муравьёв считал необходимость оформления заселённых территорий подписанием с китайцами договора по новой границе. Десятого мая 1858 года в китайском городе Айгунь была назначена встреча генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева Н.Н. и китайского уполномоченного, Амурского главнокомандующего, князя И-Шаня, тестя императора. Муравьёв прибыл на встречу на вооружённом катере, в сопровождении двух канонерок, с оркестром Иркутских казаков. После тяжёлых недельных переговоров 16 мая договор был подписан.

Краткий по содержанию, но глубокий по смыслу Айгуньский трактат, развязал гордиев узел Приамурья. Он определял границу между государствами по Амуру и Уссури, позволял беспрепятственно плавать по Амуру, Уссури и Сунгари, заселять левый берег реки Амура и правый реки Уссури, заниматься освоением территорий Приморья, гарантировал беспопышную взаимную торговлю.

Между тем, переселение шло своим чередом. Первым эшелоном сплавились 125 казачьих семей, вторым – 200 семей, третьим – 360 семей переселенцев. Было заселено всё пространство от Хингана до реки Уссури, были основаны, новые поселения и почтовые станции. На территории нынешнего, Октябрьского района ЕАО: Радде, Помпеевка, Пузино, Екатерино-Никольская, Нагибово, Добрая. На территории Ленинского района: Квашнино, Дежнёво, Михайло – Семёновская, Воскресенск, Степаново, Головино, Петровка, Хабарово – будущая столица Хабаровского края. Процедура заселения была однообразна.

Из воспоминаний казачьего старшины Р.С. Иванова: «Само расселение по означенным местам не зависело от казаков. Их не спрашивали, нравится ли место, годно ли оно к землепашеству. Когда очередной барже, парому с переселенцами подходило время высаживаться, старший по команде, увидев столб с дощечкой, командовал прибаваться к берегу. После остановки начиналась выгрузка людей, имущества, провианта. Начальник сплава выдавал винные порции, поздравлял колонистов с новым местом жительства и, сказав – «Живите ребята, с Богом» – плыл дальше по такой же надобности».

Как заселялось поселение Усть-Сунгаринского поста – будущей станицы Михайло-Семеновской, рассказывает в книге «Жили – были на Амуре» известный краевед И. Н. Папулова: «Командир 1-го Амурского казачьего полу батальона Помпей Поликарпович Пузино лично выбрал место расположения штаба батальона – на левом берегу Амура, напротив устья реки Сунгари, ещё во время сплава 1855 года. Первые 17 отважных казаков, во главе с есаулом Бабстом, высадились на берегу в июне 1858 года. Расположение будущего посёлка было выбрано удачно: леса много, сопки в отдалении, а здесь равнина, а значит луга и пастбища для скота и земли для пашины. Первым делом очистили от леса и кустарников место для пристани, площадки для строительства, прорубили две просеки будущих улиц, уходящих от протоки на север. Поставили десять землянок – тепляков. К зиме подготовились основательно – заготовили сено, дрова, провиант и фураж. Зимой готовили лес, строили казарму и жилые дома для переселенцев. Перезимовали без потерь, все были живы и здоровы. В 1859 году новую партию переселенцев встречали пахнущие свежей смолой казарма и десять срубов первых жилых домов. В июне состоялась торжества по случаю новоселья: прибыл П. П. Пузино и порученец генерал-губернатора Б. К. Кукель. Поздравили новосёлов с прибытием на новые земли, заложил камень в фундамент будущей церкви, разъездной священник отслужил по этому случаю благодарственный молебен и освятил село. На этом сходе П.П.Пузино предложил назвать станицу Михайло- Семеновская, в честь военного губернатора Восточной Сибири Михаила Семёновича Корсакова».

Историческая справка: «М. С. Корсаков родился в 1826 году. После завершения школы гвардейских прапорщиков служил в Семёновском полку. В 1849 году, офицер по особым поручениям

генерал-губернатора Н. Н. Муравьёва (его дяди). В 1854 году, снаряжал первую экспедицию по Амуру и сплавлялся с ней. В 1855 году М.С. Корсаков назначен военным губернатором Забайкальской области. В 1856 г. ему присвоено звание генерал-майора (в 30 лет). С 1861 по 1871 год – генерал-губернатор Восточной Сибири. Умер в 1871 году возрасте 45 лет».

Жизнь шла своим чередом, правительство законодательно закрепило приобретённые по Айгуньскому договору территории. Высочайше утверждается «Положение об Амурской области». Создаётся Амурское казачье войско на территории Приморской и Амурской областей, в составе Амурской конной бригады из двух казачьих полков и двух пеших батальонов. Приказом военного министра Российской империи предписывается переселить из Забайкалья и Восточной Сибири по левому берегу Амура и правому берегу Уссури 15 - 20 тысяч душ обоего пола. Столицей новой области определить город Благовещенск, здесь же расквартировать штаб Амурского казачьего войска.

Н. Н. Муравьёв

Г.И. Невельской

«БАТЮШКА ЖРЕБИЙ»

В конце 1859 года в станице Ильди́канской, на казачьем круге решался вопрос о переселении 15 казачьих семей на Амур. Добровольцев не нашлось. Бросили жребий. Василий Иванович Бобров вытянул бумажку, где было написано одно слово – Амур. Такая же бумажка досталась его старшему сыну Артёму.

Известие о неожиданном переселении в неведомые края родственники восприняли как семейную трагедию. Плачь, причитания, как по покойному, продолжались до полудня пока Василий не пригрозил нагайкой.

– Хватит лить слёзы! Плачем делу не поможешь. Переезжать придётся, такова наша судьба. Сотни казачьих семей, уже переселились, обустроятся на новом месте. Готовьтесь к предстоящему переезду. И чтобы слёз я больше не видел.

Вскоре, поступил приказ генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёва «О переселении на Амур казачьих семей из состава 7 пешего казачьего батальона Забайкальского казачьего войска в 1860 году».

Выдержка из приказа: «Переселить из станицы Ильди́канской :
Семью казака Боброва Василия, 48 лет, урядника, ветеринарного фельдшера:

- жена Александра - 46 лет;
- сын Фёдор - 10 лет;
- сын Лука - 8 лет;
- дочь Агафья - 12 лет;
- дочь Ульяна - 3 года.

Семью казака Боброва Артёма - 29 лет:

- жена Анна - 25 лет;
- сын Фадей - 3 года».

– Нас батюшка-жребий на Амур сослал – часто говорил наш прадедушка Лука Васильевич. Переселенцам приказали готовить лес и свозить его на берег реки Аргунь. Плоты, как средства сплава, обязали собрать из брёвен сосны. В местах новых поселений леса могло не быть. Командиры посоветовали самим определиться, что самое необходимое взять с собой, ведь много на плотях не разместишь.

Подготовка к переезду началась после Рождества. Первым делом, заготовили лес для плотов, по зимнику перевезли его к

реке. Часть леса распилили на плахи и брус для укрепления плотов, закупили немного тёса. В заготовке леса и его распиловке помогали станичные казаки. Большую часть скота пришлось продать за бесценок. Оставили для перевозки две лошади, две коровы, пару поросят, пару овец и десяток курей с петухом, собаку да кошку. За три месяца до сплава получили от казны по 135 рублей на семью и годовое жалование Василия 25 р. 35 к., Артёма 3 р. 45 к. Перед отплытием, забрали на полгода вперёд провиант и фураж. Деньги использовали рачительно, на самое необходимое, что доступно в Забайкалье, но невозможно будет найти на Амуре.

Прежде всего, закупили всё необходимое для строительства дома на новом месте: гвозди, скобы, строительный инструмент, пиломатериал. Отобрали лучший сельхозинвентарь, купили новые плуг и бороны для распашки целины. Женщины, «консервировали» продукты: солили и коптили мясо, сушили сухари, с запасом на долгую дорогу. Возможность испечь свежий хлеб в русской печи представится не скоро. Собирали семена местных овощей для посадки на новых землях.

Едва очистилась ото льда вода реки, скатилиранее заготовленные бревна в воду, скрепили надёжно скобами и застелили сверху плахами. Получилось два больших прочных плота. Впереди и сзади плотов поставили длинные весла, для управления. На одном плоту построили шалаш, где можно было укрыться от непогоды, на втором стойла для животных. День отплытия плотов и барж назначили на 12 мая, независимо от погоды. За неделю до сплава, из ближайших станиц к реке потянулись обозы переселенцев с домашним скарбом и животными.

В дом к Василию, пришли проститься родственники, набилась полная изба, с жаром обсуждали предстоящий сплав, давали советы, хотя сами никогда не плавали. Желали успешного сплава, подарили на память иконки, крестики, носовые платки, вышитые полотенца. Никто уже не плакал. Хотя расставались надолго, а может и навсегда.

– Чего казаки нос повесили, нам ли привыкать к смене места жительства! Сколько раз мы переезжали, пока обосновались в Забайкалье, – обратился к гостям отец Василия Иван.

– Заселение Амура только начинается, надеюсь, ещё встретимся на Амурской земле. Василий поднеси гостям по чарке. Допоздна не засиживайтесь, завтра начнём перевозить вещи на плоты. Гости постепенно разошлись, а Василий с женой, проверили

упакованные для перевозки вещи.

Рано утром, едва рассвело, погрузились в телеги и направились в станицу Буддуруй, где стояли плоты. Первый обоз на трёх телегах к месту погрузки прибыл к полудню, до Аргуни было 12 вёрст, практически по бездорожью. Трое суток перевозили и укладывали на плоты всё необходимое. В последний день перегнали скот. Многодневная суeta закончилась 11 мая.

Всё было загружено и закреплено на плотях. Хорунжий Забелин провёл занятия с главами семейств по правилам управления плотами и мерам безопасности на воде. Категорически запретил до утра покидать паромы и баржи. Вдоль берега Аргуни выстроился длинный караван, около трёх десятков барж, плотов и лодок. Наступила ночь. Дети крепко спали в шалаше, устав от тяжёлой дороги. В телегах, накрывшись шкурами, дремали родители. Не спалось, от воды тянуло сыростью, чувствовался стойкий запах тины, преющий прошлогодней травы и рыбы.

– Как мы будем плыть, я плавать не умею и боюсь воды – с тревогой спросила мужа Александра.

– Ничего научимся, не боги горшки обжигают, – успокоил жену Василий. – А как готовить еду на плоту, куда поставить миску с едой, как помыться и как, наконец, сходить по нужде? – не унималась Александра.

– Да не паникуй ты, всему жизнь научит, и очень скоро – парировал муж, – Нужно выспаться, завтра тяжёлый день, – пресёк он разговор.

На рассвете женщины наспех готовили на кострах завтрак, мужчины деловито осматривали крепление груза на плотях, кормили скотину, поили речной водой. Василий вспомнил ночной разговор с женой и попросил Артёма набрать на берегу камней и песка для костра на плоту, наломать хвороста. С восходом солнца поступила команда хорунжего Забелина: «Отчаливай»! Плоты оттолкнули шестью от берега, их подхватило быстрое течение и вынесло на стремнину. Пригревало солнце, от мокрых брёвен поднимался пар. Если смотреть на воду, казалось, что плот не движется, но река бережно несла казачью флотилию. Лёгкий бриз рассеял утренний туман, взору, предстала величественная панорама просыпающейся реки. Впереди плыло много плотов, последних не было видно.

Василий Иванович с Артёмом учились маневрировать. Осторожно перемещая плот на стремнину, нагоняли плывущие впереди плав

средства, подгребая к берегу, замедляли сплав и отставали. Работа «кормчих» заключалась в том, чтобы держать плоты на стрежне, где быстрое течение, тем самым увеличивая скорость сплава и соблюдая строй.

После одного неудачного манёвра, плоты Бобровых занесло в тихую заводь и пришлось их долго выталкивать шестами на стремнину, потеряв своё место в строю. Стояла хорошая безветренная погода. Солнце поднималось все выше и начинало припекать. Мимо проплывали безлюдные берега с кустами отцветающей вербы и начинающей зеленеть черёмухи, местами на солнцепёке зеленела трава. Стеной стояла просыпающаяся от зимней спячки тайга.

Созерцание медленно проплывающих берегов скоро наскучило. Мужчины строго следили за движением плотов. Женщины тоже не сидели без дела: кормили животных, доили коров, готовили скромный обед. Дети нашли себе занятия – девочки занялись тряпичными куклами, Фёдор с Лукой, принялись мастерить из подручных средств снасти для ловли рыбы. Много раз забрасывали в воду удочки, потревоженная плотами рыба не клевала.

– Александра, разводи костёр, ставь треногу с чайником, пора обедать. Пообедали вяленным мясом с сухарями, запили горячим чаем. – На таких харчах, долго не протянем, – сокрушался Артём. – Привыкай сын, горячая пища будет только раз в сутки, когда на ночлег причалим к берегу.

За хлопотами незаметно прошёл первый день сплава. С наступлением сумерек поступила команда причалить к берегу, пришлось приложить немало усилий, чтобы быстро исполнить манёвр. Готовили еду и ужинали в темноте.

На третий день сплава вошли в устье слияния рек Шилки и Аргуни. Начинался Амур! Станица Усть-Стрелочная была последним обжитым русским поселением. На следующий день по левому берегу Амура встретился небольшой казачий поселок из 15 недостроенных казачьих изб. Рядом были видны тепляки, где жили переселенцы. Слышался стук топоров и молотков, визг пил – переселенцы достраивали дома и хозяйственные постройки. На нас не обращали внимания, лишь махали шапками и продолжали работать. Проплывающие мимо плоты и баржи для них были уже обычным явлением. Таких поселков по левому берегу Амура было уже несколько десятков. Участники нашего сплава приспособились к особому ритму жизни на воде. Напряжение

первых дней прошло. Каждый имел конкретные обязанности.

Фёдор научился удить рыбу, и в меню семьи появилась уха и запечённая на костре рыба. Женщины ухаживали за животными. Для детей ежедневно было парное молоко, для взрослых – простокваша. По правому берегу Амура редко встречались китайские поселения с традиционными фанзами.

Подплыли к Благовещенску – будущей столице Амурской области. На высоком берегу были видны многочисленные постройки разной степени готовности. Возвышались купола строящегося православного собора – первого на Амуре. Линия причала была заставлена многочисленными плотами, баржами, баркасами, лодками, китайскими джонками. Нещадно дымили два парохода с огромными колёсами по бокам.

– Пары разводят, скоро поплывут, – прокомментировал со знанием дела Василий Иванович. Переселенцы видели такое диво впервые.

Мимо города проплыли не останавливаясь, восхищаясь масштабом развернувшейся стройки. Ниже Благовещенска в Амур впадает полноводная река Зея, заметно расширяя его и усиливая течение. По левому берегу Амура на несколько верст протянулись многочисленные поселки из китайских фанз, их окружали распаханые поля. На первой траве паслись гурты скота. Жители вели себя дерзко.

– Похоже, что они здесь живут давно, но это же земли России – размышлял вслух Василий.

Переселенцы не знали тонкостей Айгуньского договора: этой группе китайцев было разрешено проживать на территории России по китайским законам, выплачивая налоги в свою страну. Придёт время, и эта уступка соседям сыграет злую шутку.

Прошло две недели непрерывного сплава, люди устали от утомительного путешествия, к тому же, испортилась погода, вторые сутки моросил мелкий холодный дождь. Караван сократился вдвое. К местам будущих поселений причаливали по 10-20 плотов. На последней ночной стоянке начальник сплава предупредил о том, что завтра будем проходить опасное место среди отрогов Хинганского хребта, где очень быстрое течение, нужно быть внимательными. Стремительно проплыли горловину мимо станиц Пашково и Радде. Амур разлился, по левому берегу открылись необъятные степи, с редкими дубравами.

– Вот где раздолье! Сколько непаханой земли! Судя по высокой

прошлогодней траве, земля добрая, а какие сенокосы! – обсуждали отец с сыном проплывающие мимо уголья. Но плоты плыли дальше. Однажды ночевали возле небольшого поселения Пузино, где удалось поговорить с переселившимися в 1858 году казаками. Новосёлы были довольны условиями жизни, мягким климатом. Рассказали они и о больших трудностях. Особенно их беспокоило бесплатное исполнение многочисленных государственных повинностей: доставка почты, заготовка дров для пароходов и т.д. Информация полученная в Пузино вдохновила переселенцев.

– Если у них получилось, то и мы приживёмся на новом месте, – рассуждали об услышанном казаки.

Плавание заканчивалось через два дня. Утром Забелин объявил о предстоящей выгрузке половины переселенцев на необжитое место, а остальные спустятся ниже, до станицы Михайло-Семёновской.

Около полудня плывущие впереди баржи и плоты стали причаливать к высокому берегу, заросшему мелким кустарником. Вдали от берега был виден густой лес. Началась выгрузка. Новое поселение будет называться станица Кукеля. Мы проплыли мимо, наблюдая за суетой переселенцев, махали на прощание руками. К вечеру 26 мая подплыли к месту впадения в Амур реки Сунгари. В этом месте Амур был так широк, что правого берега не было видно, держались левого берега. Встречный восточный ветер нагонял крутую волну, паромы заливало водой, сильно качало. – Вот это настоящая стихия, – восхищался Артём.

Первые плоты нашей группы стали заходить в спокойную воду протоки и причаливать к высокому берегу, плавание благополучно закончилось.

СТАНИЦА МИХАЙЛО-СЕМЁНОВСКАЯ

Поселение Михайло-Семёновское назвать станицей можно было с большой натяжкой. От берега на север были прорублены две просеки. На одной стояло десятков новых срубленных изб с частично обустроенными усадьбами. На второй полтора десятка недостроенных срубов. Возле них видны землянки, где зимовали семьи. В центре между просеками, разместилась казарма пехотного батальона, оклады будущих срубов штаба и православной церкви. Станица представляла собой большую стройку, где вместе с переселенцами работали солдаты третьего пехотного батальона. Увидев причаливающие плоты, станичники пришли встречать новосёлов. Одни помогали причаливать, другие выгружать скарб. Инвентарь, лошадей и домашний скот оставили пока на плотях. Встречали радушно, обнимали как близких друзей, спрашивали о сплаве.

– Братья казаки, станичники, прошу соблюдать тишину, – громко подал команду есаул Бабст. Гомон постепенно стих, стало слышно, как всхрапывая пасутся кони. – У православных принято всякое новое дело начинать с молитвы, – напомнил командир. «Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое», – начал басом молитву протодьякон Ушаков. После молитвы, Бабст поздравил с благополучным завершением сплава, поблагодарил за мужество и терпение во время длительного путешествия, пожелал счастья на новой земле.

Главам прибывших казачьих семей приказал: – Утром собраться возле штаба, для определения мест размещения дворов. – Станичному атаману поднести гостям и старожилам по чарке водки и накормить настоящим хлебом. Торжество продолжалось до сумерек.

Смеркалось, стояла тёплая погода благодатного майского вечера, когда воздух хорошо прогрет, но ещё нет ужасного гнуса. Взволнованные тёплой встречей и чаркой водки переселенцы долго не могли заснуть. Ночевали на берегу возле костра.

Не спалось Василию с Александрой.

– Помнишь, Шура какими страшилками ты пугала меня перед началом сплава? – Как не помнить, – ответила жена, ласково

прижавшись к тёплому плечу мужа.

– Слава Богу, всё закончилось благополучно. Тебе тогда тоже было нелегко, я же видела, но ты молодец, держался и нам не позволял слюни распустишь, дети, глядя на тебя, за время сплава мужчинами стали.

– Ты у меня умница, всё понимаешь и поддерживаешь меня, спасибо тебе, – ответил комплиментом Василий, нежно поцеловав жену.

– Радоваться пока рановато, главные трудности ещё впереди. До зимы нужно обязательно построить дом и распахать немного земли. Завтра будем выбирать место усадьбы, что посоветуешь? – Как можно советовать, если не видела, решай сам, хорошо бы на окраине улицы, – закончила разговор Александра, – Пора спать.

Над водой расстился лёгкий туман, от огня многочисленных костров над табором переселенцев светилось огромное облако. Сплавом прибыло пятнадцать казачьих семей, около 100 душ. Это больше половины численности всех станичников. Рано утром станичный атаман, хорунжий Вертопраха с унтер-офицером-землемером, собрал вновь прибывших казаков для разметки участков под усадьбы на ближайшем взгорке, поросшем редким лесом и орешником. Василий выбрал себе участок на краю улицы, ближе к низине. Как таковой, улицы ещё не было. Предстояло очистить от деревьев и кустарников просеку, чтобы можно было проехать на лошади с телегой. Осматривая окрестности Василий обратил внимание на удачное расположение станицы. За редколесьем, простиралась огромная равнина, покрытая молодой сочной травой, с редким кустарником по низинам. Разве мог знать казак, что эти земли обрабатывались 150 лет назад местным населением-дючерами. Вдалеке, через голубую дымку, были видны невысокие сопки. Яркие зелёными пятнами выделялись редкие пашни.

– Тяжело живётся станичникам, коли не находят времени для разработки целины, – размышлял Василий. – Нас ждёт та же участь. Когда заниматься разработкой земли, если нет крыши над головой? Хорошо бы завтра гуртом расчистить дорогу, и начать перевозить скарб на участок будущей усадьбы.

Переселенческий лагерь на берегу протоки напоминал цыганский табор. Женщины готовили на кострах обед. Дети, ошалевшие от свободы, шумно резвились между грудями вещей, часть животных выщипывали остатки молодой травы на берегу.

Вечером на сходке, переселенцы договорились на следующий день выехать рано утром на лошадях с инструментом для очистки дороги от деревьев и кустарников. Разбились по бригадам. Одни спиливали деревья, другие обрубали ветки и складывали в кучи, третьи вырубали кустарники, последние корчевали мешающие проезду пни. К концу второго дня дорога была готова. Очисткой площадки для строительства дома и других построек на своей усадьбе каждая семья занималась самостоятельно. Василий с Артёмом и двумя приданными в помощь солдатами пехотного батальона готовили место для размещения скота, скарба, инвентаря и будущей избы. В дело пошли тонкомерные стволы осины, берёзы. На территории усадьбы их было много. Сколотили загон для скота. Небольшой навес для хранения имущества и продуктов питания укрыли корой и шкурами. Поставили два шалаша с полом из жердей, покрыли лапником. Вереницы подвод с вещами переселенцев сновали между протокой и усадьбами, перевоза скромное имущество, инвентарь, продукты питания, остатки фуража и перегоняли скот.

Первая ночь была тревожной. Всю ночь горел костёр, отпугивая диких животных. Постоянно лаял пёс Тузик, то ли на лесных зверей, толи от страха. Всхрапывали в загоне лошади, неожиданно начинали кудахтать куры в ящике. Взрослые ночевали возле костра на свежескошенной траве, дети в телегах накрытых шкурами. Ночью было холодно.

Василий с Александрой от пьянящего аромата сохнувшей травы, непонятных звуков ночного леса, бесконечного собачьего лая не могли заснуть. – Мы что так и будем жить на уздах, как на пароме – ни умыться, ни помыться, ни сварить еды, ни укрыться от непогоды. Молоко процедить негде – возмущалась Александра. – Нужно делать тепляк или землянку, не зря же они построены у каждого дома. Ещё не известно, успеем ли мы построить свою избу до морозов.

Молча слушал Василий справедливые упрёки жены: – А ведь она права, нужно срочно строить временное жильё землянку либо кухню.

Это был самый тяжёлый период жизни переселенцев. Пока плыли на плотях, временные неудобства были объяснимы. Но по завершении сплава появилось множество новых проблем, которые нужно было решать немедленно. Как сохранить продукты питания и остатки фуража от мышей, где испечь

хлеб, приготовить пищу, где найти чистую питьевую воду, как укрыться от непогоды? Начало строительства дома отодвигалось. Пока разобрали плоты и выкатили бревна на высокий берег, из освободившихся досок сколотили небольшую кухню.

– Какая благодать, – радовались женщины, распаковывая узоры, расставляя скромную мебель. – Теперь мы будем обедать за столом, а вечером можно будет зажечь жирник. Как мало нужно для счастья человеку.

До половины июня шла подготовка к строительству дома: перевозили на усадьбу брёвна, рубили дополнительный лес и жерди, собирали камни для фундамента, расчищали усадьбу. Между делом огородили загон для скота, распахали небольшой огород. Закладку нового дома пригласили освятить священника, прочитав короткую молитву, он осветил святой водой оклад и хозяев усадьбы и, пожелав счастья, отправился на соседнюю усадьбу, где его тоже ждали.

В строительстве дома принимала участие вся семья. Подростки Фёдор и Лука шурили бревна, жерди, драли дранку. Александра, с невесткой Анной, готовили из глины кирпичи для будущей печки. Каждая казачья семья в теплое время года была обязана ежемесячно готовить 200 штук кирпича сырца для кладки печей. В каждой усадьбе был небольшая яма, где добывали глину. Высушенные кирпичи свозились к большой станичной печи для обжига. Этой работой занимались женщины и дети. Станичный атаман строго следил за производством и распределял драгоценные кирпичи станичникам строго по назначению.

Основную работу на строительстве дома делали Василий с Артёмом и приданными на период строительства двумя казаками пешего батальона Мишей и Гришей. К помощникам относились, по - отечески. они отвечали добросовестной работой. В июле поставили сруб и подвели под крышу.

С наступлением жарких дней стал донимать гнус. Мокрец, мошка, комары, слепни, мухи не давали покоя ни людям, ни животным, спасал только дымокур, который поддерживался круглые сутки и дёготь. Беспокоили дикие звери: то телка зарежут, то подсвинка уведут, то курей задавят. Но особенно донимали мыши, от них спасенья не было, даже кошка не помогала. Пришлось срочно рубить небольшой амбар и укреплять загон для скота. Наступило время сенокоса. На время работы на доме прекратили, все силы направили на заготовку сена. На

выделенных угодьях травостой был прекрасный, за две недели поставили три стожка сена и вовремя. Начались ливневые дожди. Непогода не мешала достраивать дом и благоустраивать усадьбу. К концу сентября строительство в основном было закончено, и большая семья заселилась в просторный дом с небольшими оконцами.

До чего же приятно было вновь ощущать уют натопленной избы, вдыхать аромат свежее испечённого хлеба, подсыхающего дерева и смолы. Невольно вспомнились времена благополучной жизни в Забайкалье. Сколько невзгод и лишений пришлось пережить за прошедшие месяцы. Казалось, прошла целая вечность. Праздничное настроение поддерживали и другие запоминающиеся события. Пришли баржи с продуктами и фуражом для скота, все казацкие семьи получили годовую норму. Переселенцы впервые наблюдали массовый ход рыбы на нерест. Амур стал серым от поднимающейся на нерест рыбы. Над водой колыхалось облако бабочек.

– Пошла кета, – объясняли станичники. За несколько дней можно запастись рыбой на всю зиму, да ещё и икры насолить, сейчас её можно ловить руками в маловодных речушках. Приноровившиеся ловить рыбу сетками, станичники вылавливали возами и продавали за бесценок. Фёдор с Лукой принесли домой две серебристые рыбины, с красными пятнами на боках.

– Где взяли? – строго спросила мать. – В ручье за поскотиной поймали, – с гордостью ответил младший сын. Мы ещё поймаем если нужно.

Амур щедро делился своими богатствами, только ленивый не насолил на зиму рыбы и икры. Будущее уже не казалось таким беспросветным. Предсказания местных аборигенов о предстоящей суровой зиме, к счастью, не сбылись. В ноябре, выпало много снега, по зимнику началась заготовка дров и строительного леса для хозяйственных построек. Климат Приамурья значительно мягче Забайкалья, заметили переселенцы. Донимали постоянные ветра.

Великий православный праздник Рождество Христово встречали в хорошем настроении, благодарили Бога за благополучное переселение и просили удачи в новом году. В святочные праздники ближе познакомились с соседями: Раздобреевыми, Ушаковыми, Волоховыми, Александровыми. За скромным праздничным застольем обсуждали трудности исполнения воинских

обязанностей, проблемы застройки приусадебных участков, распахки целены в наступающем году.

В соответствии с положением о переселении на Амур, казаки на два года освобождались от участия в службе и исполнения воинских повинностей. На практике эти правила повсеместно нарушались. Воинские подразделения только формировались. Нести службу было некому. Не обустроив толком свои дома и усадьбы, казаки регулярно привлекались на перевозку почты, заготовку дров для пароходов, заготовку и вывозку леса на строительство батальонных объектов (штаба, складов, лазарета). Все работы делались бесплатно. Не все переселенцы успели до морозов закончить строительство своих домов, и зимовали в наспех построенных, тепляках.

Первую зиму пережили благополучно, все были живы и здоровы. Сохранить хозяйский скот удалось не всем. Семьям, надевшимся только на государственный фураж, кормов не хватило. Часть животных они забили и пустили на питание. Немало скота задрали дикие звери. В хозяйстве Василия Ивановича недосчитались телка, остальной скот и лошадей сохранили, пригодилось накошенное летом сено, и фураж, полученный на две семьи.

Весна 1861 года была ранняя, но затяжная, снежные сугробы таяли медленно, стояла непролазная грязь, часто шли дожди. Распаханную осень целину удалось проборонить и засеять овсом только в конце мая, на собственный хлеб пока не приходилось рассчитывать. Станичная жизнь шла своим чередом. Василий часто выезжал в соседние станицы лечить отощавших за зиму животных. Артём привлекался на перевозку почты и пассажиров между станциями по бездорожью, к доставке дров для пароходов. Всё население казачьих станиц участвовало в обустройстве поселения. Всю семейную, порой незаметную работу, делали женщины. Александра, с невесткой Анной и тринадцатилетней дочкой Агафьей, весь день были заняты. Приготовить пищу, испечь хлеб, прибрать в доме, напоить и накормить скотину, выдоить коров, присмотреть за малышами Фадеем и Ульяной, обработать огород и много других забот, в том числе, и ежемесячное производство кирпича.

Мужчины к этим работам не прикасались, в перерывах между службой, они продолжали отстраивать усадьбу. Огородили участок забором из жердей, пригородили поскотину, доделали

сарай для скота.

– Баньку бы сделать, – рассуждал Артём, приколачивая очередную слегу к сараю.

– Какая благодатная стоит погода, – перевёл разговор на другую тему отец, – середина июня, а трава на лугах уже в рост человека, можно начинать сенокос. Раньше начнём и до дождей закончим. Банькой займёмся, с наступлением заморозков. Я объезжал луга, выбрал хорошее место на увале в трёх верстах от станицы, там меньше кустарника, и места повыше.

– Завтра начинаем косить, готовь всё необходимое, на рассвете выезжаем, – поставил точку в разговоре Василий.

Едва рассвело, в телегу погрузили необходимый инструмент, и выехали на косовицу втроём, отец и два сына Артем и Фёдор. Поставили палатку возле развесистой вербы у ручья и сделали первый прокос. Роса ещё не обсохла, острая литовка в умелых руках косарей с лёгким звоном укладывала ровные валки травы. Молча прошли по три прокоса и остановились отдохнуть.

– Какой травостой, – восхищался Артём, – косить одно удовольствие! Если погода не испортится, да мы за десяток дней откосимся. – Ты меньше хвастайся лучше следи за прокосом, не оставляй огрехи, – осадил отец сына.

Работали до полудня, с короткими перерывами, пообедали, отбили косы, отдохнули в тени дерева и опять за работу до самых сумерек. Ночевали в палатке. Через два дня приехали убирать сено Анна с Агафьей. Они стребали сено в валки и складывали в копны. Фёдор лошадью свозил их к месту будущего стога, а мужчины метали первый стог. Вечером женщины уехали домой. Погода стояла отменная, на десятый день сено было заготовлено. Радовали дружные всходы, в огородах зеленели посевы. В середине июля начались дожди, низины наполнились водой, вышли из берегов речки, стала подниматься вода в Амуре. Старожилы спокойно наблюдали за происходящим – типичная для этого времени погода. Но природа решила преподать урок переселенцам. Дожди продолжались, с короткими перерывами. Земля была пересыщена влагой и уже не впитывала воду. Дороги превратились в непроходимую хлябь. Работы по строительству усадьбы остановились. Не унывали только дети. С соседскими мальчишками они приноровились добывать рыбу на мелководье. Под кочками ловили руками карасей и сазанов. Свежая рыба стала обыденным блюдом. Распогодилось, но вода

в Амуре продолжала прибывать. Проливные, затяжные дожди продолжались в верховье реки, сформировался мощный паводок, быстро спускавшийся вниз по течению. Началось подтопление Благовещенска. Командование Амурского казачьего войска срочно направило вниз по Амуру два парохода, чтобы оповестить население казачьих станиц о приближающемся паводке. В полдень пароход «Шилка», на полных парах, зашёл в протоку станицы Михайло-Семёновская. Оглашая окрестности тревожными гудками, причалил к берегу, передал пакет атаману и устремился вниз, по течению, выбрасывая клубы дыма и пара.

Бабст срочно собрал командование батальона и закрепил ответственных за подготовку к паводку, посыльные на лошадях объехали все усадьбы и потребовали срочно поднять продукты и вещи на чердаки изб и хозяйственных построек, привязать инвентарь и строительный материал, организовать круглосуточное дежурство, в случае подтопления перегонять скот на высокие места. Предупреждение было своевременным, большая часть мер по защите от паводка сельчанами была принята, не торопились пока перегонять скот на высокие места, надеялись, что обойдётся – слишком хлопотное дело. На следующий день река стала выходить из берегов и подтапливать луга, сенокосы и пашни.

По Амуру несло вывороченные с корнем деревья, копны сена, дрова, заборы, хозяйские постройки, плоты строевого леса и даже жилые дома. Опять зарядили дожди, ползущие низко облака скрывали солнце, было сумрачно. Василий, накрывшись рядниной, обошёл всю усадьбу. За забором, в низине мчался стремительный поток воды, подтапливая огород, загон для скота и поскотину. Во двор вода пока не зашла, но быстро прибывала. Вернулся в избу, на немой вопрос жены спокойно объяснил: – Вода быстро прибывает, нужно поднять на чердак курей и закрепить поленницу дров. Быстро темнело, наступила тревожная ночь. Животные беспокоились, предчувствуя беду, блеяли овцы, мычали коровы, собаки лаяли на шумящие потоки воды. Ночью не спали, мужчины по очереди осматривали с фонарём усадьбу. К утру вода затопила почти всю усадьбу, вплотную подошла к избе. Светало, дождь продолжал моросить, над водой стелился плотный туман, дальше пятидесяти шагов не было видно. Стоял мощный гул бурлящей по кустам и принесённым корягам желтоватой воды, слышался рёв скота и

голоса переговаривающихся в тумане соседей.

Проглянувшее между облаков солнце осветило станицу, масштаб наводнения ужаснул, не пострадал от паводка только центр станицы и вершины рёлок. Усадьбу Бобровых затопило больше других, мимо дома быстрым течением несло клочки сена, дрова, бревна, коряги и палки, облепленные несметным количеством насекомых. Животные в загоне стояли по колено в воде. Стала проступать влага на полу избы. Василий с женой стояли на крылечке дома, не решаясь войти в воду, у ног вертелся верный Тузик. На лодке, ловко управляя шестом, подплыл сосед Ангарский.

– Чего пригорюнились соседи, пора вывозить семью, я уже свою перевёз. – Твоя правда, больше медлить нельзя, вода прибывает, – согласился Василий.

– Шура, Анна, собирайте детей, и грузитесь в лодку, да собаку не забудьте. – Спасибо, Игнат за помощь, вовремя ты подоспел, перевози семью, а мы с Артёмом перегоним скот на сухое место.

С большим трудом удалось выгнать животных из загон и направить в нужном направлении, овцы часто переправлялись вплавь. На рёлке собрались уже около двух десятков голов скота.

Вода простояла неделю и стала медленно уходить, сделав своё чёрное дело. Стояла непролазная грязь, всё, что посадили в огородах погибло, сено в стогах подтопило. Пасти скот вблизи станицы было нельзя, подтопленная трава на корм скоту была непригодна. Начался падеж скота, пасущегося на затопленных лугах. После обследования окрестностей, в пяти вёрстах от станицы, нашли луга не подтопленные водой. Туда и перегнали скотину, организовали охрану на лошадях. На ночь пригоняли в станицу. Во время выпаса стадо всё дальше удалялось от станицы, приближаясь к отрогам горного хребта.

В один из дней, когда Василий в очередной раз участвовал в охране стада, заметил трёх волков. Хищники неотступно преследовали медленно передвигающихся животных, выжидая момент, чтобы стащить одну из овец, как всегда, идущих последними. Лай собак и даже выстрел в воздух не пугал зверей.

– Смотрите ребята внимательно, а я незваных гостей отгоню, – громко крикнул Василий. Пришпорив коня, он поскакал навстречу волкам, снимая на ходу берданку. После нескольких выстрелов стая разделилась и повернула к сопкам, огибая стадо.

После очередного выстрела на траве стали видны капли крови. –

Попал , – радостно подумал охотник , – далеко не убежит. Волки повернули в сторону сопок и побежали быстрее. Скакать галопом по незнакомой местности было опасно, всадник придерживал лошадь, стараясь не потерять кровавый след раненого зверя. Местность становилась всё выше. Подъехав к зарослям густого орешника , Василий след потерял .

– Обхитрили меня разбойники, в лесу их не достать , но урок получили хороший, в следующий раз будут охотиться в другом месте. Спешившись, держа коня под уздцы, он внимательно осматривал предгорье сопок. Сверховья стекали многочисленные ручьи в полноводную речку, местами пробивались родники с чистой водой. Попил ключевой холодной воды, заныли зубы. Лошадь потянулась к роднику, но он придержал удила. Поить взмыленную лошадь нельзя, пока не остынет. Поднялся к подножью сопки, окинул взглядом окрестности.

– Господи, какая красота, как похоже на забайкальские просторы, здесь нужно было строить станицу, а не у самой воды – размышлял Василий. Было хорошо видно пасущееся стадо, далеко на берегу Амура, между деревьями жёлтыми пятнами блестели крыши станичных домов покрытых лиственной дранкой.

Дождливое лето заканчивалось, станичники возвращались в свои дома, сушили замокшие избы, восстанавливали порушенное водой хозяйство. Посадки в огородах погибли, посевы на пашнях полегли, зерно попрело. Заготовленное сено подмокло. Продукты заканчивались.

Из воспоминаний Р. С. Иванова «Краткая история Амурского казачьего войска»; *«Разливом реки были затоплены пашины, покосы, луга и сами селения Сильно пострадали поселения Амурского пешего батальона: Нагибово, Доброе, Венцелево, Квашина, Дежнёва, Михайло-Семёновское, Степанова, Головина. У Михайло-Семёновской станицы оторвало 70 сажень берега (сажень равна 2 .13 метра). Убытки были огромные, своего хлеба у казаков не осталось ни одного зерна. Атаман Амурского казачьего войска вынужден был разрешить пострадавшим от паводка селиться на новые, не подтопляемые, места. Для прокормления семей выделил казённый провиант на один год и небольшое денежное довольствие по 15 руб. на семью».*

В конце августа собрали станичников возле казармы пешего батальона. В ожидании командира, казаки бурно обсуждали понесённый ущерб от паводка, мнений было много, но согла-

шались в одном – без помощи казны не выжить. На взмыленной лошади, забрызганной грязью, в окружении двух офицеров, прискакал есаул Бабст, спешил, передал лошадь вестовому и подошёл казакам.

– Здравствуйте братья казаки, поздорову ли живете, – приветствовал он собравшихся. – Слава Богу, – недружно ответили станичники.

– Разделяю ваши тревоги, положение действительно трудное, паводок нанёс огромный ущерб вашим хозяйствам, но все живы и сохранили скот. Спасибо казаки, что устояли против наводнения. Но стихия нас кое-чему научила. Сейчас мы знаем, где строить нельзя, а уж жить тем паче. Командование Амурского казачьего войска знает о ваших бедах и готовит большой сплав с провиантом и фуражом, получите небольшую сумму денег. Кто изъявит желание перебраться в другое место, обсудим позже. Сегодня мы осматривали предгорье отрогов Дитура, в двадцати вёрстах от станицы, уголья богатые, лес рядом, речка, водой не затапливались. Слушая атамана казаки светлели лицами: приятно сознавать, что о тебе не забыли.

Вечером всей семьёй обсуждали хорошие новости.

– Может и не стоить пока переезжать, – размышлял Артём, – сколько труда вложили в строительство дома и усадьбы. Дом подсушим, продукты и фураж получим, сено сохранилось, перезимуем, такие паводки бывают редко.

– Возможно, на будущий год паводка и не будет, – согласился отец, – но дом следует поднять, как минимум, на аршин с четвертью. До морозов ещё три месяца, можно сделать в текущем году.

Ночью не спалось, Василий ворочался, не давал заснуть жене. – Что ты вздыхаешь, рассказывай что задумал, – шёпотом начала разговор Александра.

– Артём стал настоящим мужиком, ему уже за тридцать, второго ребёнка ждут, пора самому хозяйничать, а мы всё его при себе держим. В будущем году будем ставить собственный дом. Я уже и место присмотрел, когда выезжал пасти коров.

– Место присматриваешь, а мне ничего не говоришь, – обиделась она. – Не обижайся, не хотел тебя расстраивать раньше времени. Сегодня Бабст выезжал осматривать эти места, они ему понравились, там будет строиться новое село. Очень красивое предгорье, как в Забайкалье, тебе обязательно понравится. Артёму

пока ничего не говори.

Однажды вечером, когда вся семья собралась за столом, Василий завёл разговор об отделении.

– Ты, Артём, возмужал, стал настоящим мужчиной, я тебя научил всему, что умею, плотницким делом ты владеешь лучше меня, настало время тебе становиться главой семьи. Оставайтесь в доме, вам ещё детей рожать, а мы решили переселиться подальше от Амура. Перезимуем вместе, а весной поделим хозяйство поровну. Ставить новую избу поможешь, одному мне не осилить. Артём готовил себя к этому событию, но предложение отца оказалось неожиданным. Решать самостоятельно все житейские вопросы без совета с отцом он не был готов. Увидев растерянность сына, отец успокоил его.

– Не робей сынок, нам ещё полгода вместе жить, привыкнешь, всё у тебя получится. Эта новость была неожиданной и для детей Василия. Продукты в станице были на исходе, все с нетерпением ждали сплава. Тридцатого сентября в протоку вошли баржи со всем необходимым для успешной зимовки. В станице был праздник, казаки ликовали, – теперь и зима не страшна!

Сплав по реке Амур

СЕЛО БАБСТА

Сокрушительное наводнение 1861 года убедило командование Амурского казачьего войска в необходимости переселения затопляемых станиц на более высокие места, тем более, что коренные жители; тунгусы, гольды рассказывали о более высоких паводках, пережитых ими. Поступила команда полковым и батальонным командирам принять меры.

В начале октября есаул Бабст собрал казаков ближайших сел, пострадавших от наводнения. Набралась команда из тридцати человек. Выехали верхом на лошадях в направлении сопки горного хребта Дитура. Во главе колонны, рядом с есаулом, ехал Василий. Двигались не торопясь, вереницей по двое, по тропе протоптанной скотом во время летнего выпаса.

– Хорошо знаешь эти места? – спросил командир.

– Знаю ваше благородие, объехал ближайшие окрестности сопки. Место для жизни удобное, рядом лес, небольшая река, много горных ключей. Места высокие, в паводок не затапливало, и земли богатые, вершка в три чернозёма.

– Значит, есть желание переселиться на новое место? – уточнил есаул.

– Нравятся мне эти места, очень похожи на Забайкалье. Если позволите, на будущий год поставим избу. Здесь никакой паводок не страшен и от границы недалеко, – раскрыл свои планы Василий.

– Стратег! – пошутил Бабст.

– Ваше благородие, а можно завезти из Сибири кошек, мыши совсем одолели, – осмелел урядник.

– Зачем же везти за тридевять земель, если можно купить рядом в Китае, – с усмешкой возразил командир.

– Мы пробовали, китайцы продают только котов и очень дорого, со знанием дела возразил Василий.

– Вот хитрецы, придётся завозить кошек, – со смехом согласился Бабст.

Незаметно, за разговорами, подъехали к сопкам к полудню. На зелёном фоне хвойных исполинов багровыми кострами пылали заросли клёна, обвитые темно красными лианами винограда. Жёлтыми пятнами смотрелись осинового подлески. Буйство красок осеннего леса создавало праздничное настроение,

подчёркивая значимость происходящего. Вряд ли кто из казаков осознавал, что присутствует при рождении нового поселения.

– Смотрите, казаки, сама природа приветствует нас, – торжественно произнёс есаул. Выбирайте себе место для будущей усадьбы. Через час жду на этом месте, сигналом будет выстрел. Казаки разъехались осматривать уголья. Василий пригласил есаула осмотреть родники. Спешились, попили чистой ключевой воды, пошли осматривать окрестности. Первые заморозки уже убили гнус, ничто не мешало любоваться красотами тайги. Поднялись по склону к зарослям дикого винограда, сорвали десяток тёмно синих гроздей терпких ягод.

– Пора собирать казаков, – распорядился есаул.

Василий выстрелил из берданы. Пока съезжались всадники, разжёг костёр и повесил над огнём котелок с родниковой водой, бросил заварки и веточку лимонника. Вскоре послышались голоса подъезжающих станичников, все были с таёжными подарками: шишками кедровых орехов, гроздьями лимонника, дикого винограда.

– Красивые места, не правда ли – завёл разговор есаул и, не дожидаясь ответа, поставил вопрос ребром, – кто решил отселиться в эти места? Половина казаков подняли шапки в знак согласия.

– Завтра подать рапорт командиру батальона, для подготовки приказа об отселении и оказании помощи. Условия остаются такие же, как при переселении из Забайкалья. После праздника Покрова Пресвятой Богородицы, переселенцам, выехать на заготовку леса для строительства домов.

Через два дня Василий с землемером выехали на место нового поселения, обозначили колышками будущие усадьбы и широкую улицу. Пятнадцатого октября артель Бобровых, Ангарских и Усовых, в количестве 9 человек, с обозом в четыре телеги, гружённые инструментом, оружием и провиантом, выехала на заготовку строевого леса.

На место прибыли после полудня, на телегах по замёрзшему бездорожью не разгонишься. Поставили палатки возле родника, пол застелили лапником. Наспех огородили место ночлега телегами и жердями, накормили и привязали лошадей. Сварили чай, поужинали и устроились в палатках ночевать. Артёма оставили ночью дежурить, поддерживать в костре огонь и, если потребуется, отпугивать зверей. Сон был тревожным, часто

прерывался рёвом диких зверей, ржанием напуганных лошадей, лаем собак и даже выстрелами из ружья. Звери ночью приходили на водопой и, встретив людей, выражали своё недовольство незваным гостям. Утром собрались у костра.

– Как спалось? – с усмешкой спросил Артём.

– Если так будем отдыхать, то какой от нас ждать работы, – посетовал Усов Никита.

– Да, место мы выбрали неудачно, – поддержал разговор Василий. Мешать зверю ходить на водопой опасно, они не только рычать, но и нападать на нас начнут. Это их дом. Придёт время, они покинут эти места, а пока с этим нужно считаться. Нам здесь придётся работать всю зиму и весну. Вначале нарубим лес, а потом будем ставить избы. В палатках не перезимуешь. Нужно строить тепляк. Построим его вскладчину. Вскоре подъехали ещё две бригады казаков и тоже начали строить себе землянки.

Неделя ушла на создание элементарных условий жизни: срубили тепляк с нарами, столом и скамейками из жердей, небольшую печурку из скальных осколков и глины. Соорудили навес для лошадей с крепким забором. Рано утром, помолившись, наконец приступили к валке и раскряжёвке леса. Основным инструментом были двуручная и лучковая пилы, да топоры. Работа спорилась, выбирали среднего размера лиственницы на оклад и балки, кедр и ёлку на стены дома и пиломатериал. Малолетнего Федора оставляли дежурить в тепляке: рубить дрова, кормить и поить лошадей, поддерживать огонь в печи, готовить пищу – все были заняты делом.

День становился короче, ночью подмораживало. Работали весь световой день, с короткими перерывами на обед. Валили деревья, обрубали сучья, пилили на брёвна нужной длины, вершины оставляли на столбики для заборов, сучья на дрова. Всё шло в дело. Весь день работали в нательных рубахах и только на отдых, накидывали полушубки. Усталость брала своё. Раз в две недели делали перерыв: выезжали в станицу помыться, сменить бельё, пополнить запасы продуктов, повидаться с женами и детьми, на лесосеке оставляли дежурного.

В конце ноября выпал снег, стали вывозить брёвна к месту строительства домов, на волокушах и санях. Приближался праздник Рождества Христова, готовились выехать домой. Накануне Артём удачно сходил на охоту и подстрелил сохатого. Мясо поделили на троих. За три дня до праздника, разъехались по домам. К этому времени, на месте будущих домов выросли

штабеля брёвен и жердей, присыпанных снежком. После крещенских морозов, в начале февраля 1862 года, вернулись на лесосеку. Пилили бревна специальной пилой на плахи и тёс. В начале марта приехали помощники – бригада нанятых плотников, работа пошла быстрее. К середине мая выросли три первых сруба со стропилами: Ангарских, Бобровых и Усовых. Ещё семь были в разной степени готовности.

Наступило время полевых работ, нужно было засеять, распаханную в прошлом году целину, разработать огороды на новых усадьбах. Артем занялся посевами, а Василий всё время проводил на стройке. Вновь подрядил плотников: постелили потолки, зашили торцы, покрыли крышу дранкой. На балки пола положили плахи для просушки, работы на доме временно остановили.

Заколосился пырей, зацвели красные и жёлтые лилии – наступила сенокосная пора. Вся семья, кроме маленькой Ульяны, переселились в тепляк. Косили сено на усадьбе и будущей покотине. Для небольшого хозяйства сена заготовили достаточно. Семья опять жила в условиях походной жизни: готовили пищу на костре, воду носили из родника, вместо хлеба – сухари, туалет – под кустом, но настроение было приподнятое, дом быстро достраивался. Усадьба приобретала ухоженный вид. Не за горами было новоселье.

Так, у подножья сопок на широкой двусторонней улице, появились первые десять изб, пахнущих смолой и неповторимым запахом сохнувшей древесины. Работы ещё продолжались, слышался стук топоров и молотков, звон пилы. Эти звуки уже заглушало петушиное многоголосье, мычание коров, блеяние овец и звонкий смех детей. Так зарождалась жизнь в новом, пока безымянном селе. Вскоре новоселы придумали название своему селу – Ключевской, обозначив большое количество родников в округе.

Наступающая осень, порадовала новосёлов урожаем овощей на огородах, неплохими намотами зерновых на новых землях, изобилием дикоросов: грибов, кедровых орехов, дикого винограда и непонятной красной ягоды – лимонника. Получили переселенцы обещанную помощь из казны: провиант и фураж на полгода вперёд. Тяжелейший для переселенцев год, лишений и непосильного труда заканчивался успешно.

Ранняя весна 1863 года позволила вовремя посеять зерновые,

дружные всходы обещали хороший урожай. Заготовили с запасом сена. Стояла хороша погода, иногда были кратковременные ливневые дожди, ничто не предвещало беды. Неожиданно стал подниматься уровень воды в Амуре. Пассажиры, прибывающие на пароходах из Забайкалья, рассказывали о проливных дождях и высоких паводках в верховьях реки, вновь ожидалось подтопление. Вскоре зарядили дожди на среднем Амуре. Вода в реке поднималась стремительно, вскоре превысив уровень 1861 года. Вновь затопило поселения: станицу Михайло-Семёновскую, Кукелево, Головино, Степановку и другие. Жители Ключей радовались, беда обошла стороной. Но радость была преждевременной, продолжающиеся дожди, с сильными ветрами, не позволили убрать урожай, зерно проросло, попрело, dokonчили урожай мыши и птицы. Над казаками вновь нависла угроза голода. Государство было вынуждено оказать казачьим семьям помощь продуктами и фуражом, но уже в долг будущих платежей.

Повторное наводнение более разрушительной силы заставило командование Амурского казачьего войска пойти на радикальные меры по переселению подтопляемых станиц на высокие места, недоступные паводкам. По поручению командира пешего батальона П. П. Пузино были проведены обследования территории Михайло-Семёновского округа и утверждены новые места поселений, которые позже получают названия: Алексеевка, Лазарево, Чурки. Ближайшим незатопляемым местом было селение Ключи. Ещё не сошла вода паводка, а в селение потянулись первые переселенцы. Размещались на постой в избах «старожилов». Строили свои землянки и тепляки. На отведённых усадьбах закладывали фундаменты будущих изб.

В 1863-1864 годах в Ключевской переехало более тридцати казачьих семей. Посёлок превратился в большую стройку, численность населения выросла втрое. Переселению казачьих семей из затопляемых станиц активно содействовал войсковой старшина А. Бабст. На поселковом сходе, при закладке фундамента первой церкви, командир батальона полковник П. П. Пузино предложил переименовать поселение Ключевское в село Бабста.

Вскоре, в связи с повышением в должности, П. П. Пузино перевели в г. Благовещенск, А. Бабст был назначен командиром Амурского пешего казачьего батальона. «В одном из отчётов генерал-губернатора Восточной Сибири М. С. Корсакова упоминается: *«Бабст, командир батальона, показал похвальное*

усердие в обустройстве прибывающих для водворения на Амур крестьян – переселенцев, обеспечил зимовку вверенных ему подчинённых с полным разумением».

В 1868 году А. Бабст был произведён в чин войскового старшины (подполковника), ему был представлен отпуск на полгода с выездом за границу, для лечения расстройства здоровья. Чрезвычайное старание, усердие при исполнении порученного дела подорвали силы полковника. Умер и похоронен был Александр Константинович Бабст на родной амурской земле. Об этом свидетельствует знаменитая находка 1938 года в селе Бабстово – православный отлитый из чугуна крест, высотой 2, 5 метра с надписью: «Здесь покоится раб Божий А. Бабст. Родился в 1832 году, умер в 1909». Так описывает скудные биографические данные военачальника времён заселения Приамурья местный краевед И.Н. Папулова.

Условия жизни приамурских казаков семидесятых годов 19 века были тяжёлыми, семьи с трудом обеспечивали себя питанием, порой голодали. В сборнике архивных документов «Освоение Юго-Восточных окраин России», том второй, так описывается этот период: «Жизнь казаков в станицах тяжёлая. Усадьбы обустроены на скорую руку, сенокосные угодья в запустении. Обрабатывается, в лучшем случае, 2-2.5 десятины земли, из выделенных 30. Главы семейств, казаки – малолетки постоянно привлекались, кроме несения службы, на заготовку леса и строительство войсковых помещений, расчистку дорог. Тяжёлым бременем на плечах казаков лежал извоз войскового начальства, государственных чинов, почты, заготовки дров для пароходов и войсковых помещений. Времени заниматься своим хозяйством у казаков не оставалось. Все это делалось по распоряжению станичного начальника практически бесплатно, более того, казаков наказывали за несвоевременное исполнение работ. Полное бездорожье, отсутствие медицинской помощи, приводили к высокой смертности, особенно среди детей. Низкий уровень ветеринарного обслуживания, периодические эпидемии сибирской язвы приводили к гибели до трети лошадей и коров. Дожливое лето не всегда позволяло собрать урожай с засеянных полей. Государство помогало пострадавшим от непогоды и наводнений продуктами питания и фуражом, но всё давалось в долг. Почти каждая семья имела долги казне от нескольких сотен, до тысячи и более рублей. Учитывая, что жалование рядового

казака, в эти годы составляло 25-30 рублей в год, возвращать долги было нечем. По причине регулярных природных катаклизмов взыскание долгов ежегодно откладывалось».

Как бы ни была тяжела казачья доля, жизнь в станицах шла своим чередом: создавались новые семьи, рождались дети, строились новые избы. Младшие дети казачьих семей, выросли и заступали на службу.

Трудно жилось семье Василия Ивановича и Александры. Хозяин большую часть времени проводил в командировках, или был занят лечением животных в станице. Главными исполнителями тяжёлых крестьянских работ была жена и подрастающие дети. Агафье исполнилось девятнадцать, пришла пора задуматься о замужестве. Фёдору семнадцать, его зачислили в разряд казаков малолеток. Высокий, стройный юноша пользовался особым вниманием молодых казачек. Лука учился в церковноприходской школе станицы Михайло-Семёновская. Василию предстояли большие материальные затраты на подготовку к службе двоих сыновей. Будущим воинам нужно было купить зимнюю и летнюю казачью форму, шашку, кинжал. Подготовить строевую лошадь, с прибором для верховой езды – всё это за собственный счёт.

В 1870 году дочь Агафью выдали замуж за казака Ушакова Прокопия Лукича. В будущем их внук, Ушаков Георгий Алексеевич, станет известным учёным, исследователем Крайнего севера. Его именем назван посёлок на острове Врангеля, а в селе Лазарево в ЕАО ему установлен памятник.

Бобровы поддерживали тёплые родственные связи с семьёй Ушаковых, часто приезжали в гости. Наш отец Роман Григорьевич знал Георгия лично, крестным нашего отца был Ушаков Севастьян Леонтьевич, а крестил его священник Филипп Ушаков.

Вскоре женился младший сын Лука, в жёны взял Анну Никитичну. Лука был плотного телосложения, ростом ниже среднего, а молодая жена значительно выше его, но это не помешало им прожить долгую счастливую жизнь, родить и воспитать пятерых детей, в том числе, и нашего дедушку Григория Лукича. В 1871 году в семье родился первый ребёнок, малышку назвали Устиньей. Лука принял присягу, был зачислен в полевую службу и вскоре, с группой молодых казаков, направлен для обучения в школу ветеринаров в Благовещенск. В 1873 году Василий выдал замуж младшую дочь Ульяну за казака Фёдора Александрова.

Закончив учебное заведение, Лука получил звание урядника,

специальность военного фельдшера-ветеринара, продолжил дело отца. В конце 1875 года вернулся в родную станицу. Радость встречи с родными, распирающее чувство собственной значимости вскружили голову казака. Отец Василий вернул сына к действительности.

– Ты, особенно то нос не задирай, глубже вникай в работу, помогай всем, кто обращается за помощью. А там глядишь, придёт уважение станичников. В обязанности Луки входили надзор и лечение животных села Бабста и ближайших сёл: Чурки, Алексеевки, Лазарево. Дома бывал редко. Строевых лошадей лечил за счёт казны, лечение других животных было платным. С бедных денег не брал. Василий Иванович, не смотря на солидный возраст, по мере возможности продолжал практиковать. Услуги ветеринаров во все времена были востребованы, это приносило определённый достаток, независимо от капризов погоды.

Заметные улучшения условий жизни Амурского казачества появились в 1879 году. Вновь назначенный губернатором Восточной Сибири генерал-майор барон Фридерик, ознакомившись с положением дел в войске, создал комиссию по обследованию всех казачьих станиц.

Полученные результаты были удручающими: *«В среднем на одну семью приходилось 1,5 – 2 десятины обрабатываемой пашни, 1-2 лошади, две коровы, 1 свинья. Более трети семей не имели возможности заниматься хлебопашеством, не держали хозяйства, не имели возможности обеспечить себя продуктами питания. В казачьем войске нарастало настроение безнадёжности и отчаяния».*

Генерал-губернатор выезжает в столицу Санкт-Петербург и встречается с Государем Александром Николаевичем. Третьего ноября 1879 года Высочайшим Указом было утверждено новое положение об Амурском казачьем войске. Документ детально определял все стороны деятельности войска, но главное – он значительно улучшал условия службы:

– с войска были сняты отяготительные и разорительные повинности: возка почты, доставка дров к казённым пароходам, лазаретных и офицерских помещений, уничтожена обязательная доставка лесных материалов на постройки;

– списаны с казаков долги, за пособия, выданные на компенсацию ущерба нанесённого неоднократными наводнениями (общей сумой в 235 тысяч рублей – огромные по тем временам деньги);

– разрешено переселение казакам на новые места по их личному выбору с выдачей 50 рублей пособий на семью и отпуском провиантского довольствия в течение трёх лет;

– увеличены размеры жалования казакам за время привлечения к полевой службе или охране объектов вдоль границы;

– выделена пограничная полоса в 40 вёрст от русла рек Амура и Уссури, где разрешалось казакам ведение всех видов хозяйственной деятельности, включая добычу драгоценных металлов;

– вместо назначения начальников станиц и хуторов, приказывалось избирать атаманов из числа, пользующихся авторитетом казаков.

Казаки с благодарностью восприняли предоставленные сословию льготы. Даже в условиях полевой службы получили возможность в свободное от нарядов время заниматься хозяйством. Стали обустраиваться усадьбы, увеличилась площадь засеваемых земель. Большая часть казачьих семей смогли обеспечивать себя продуктами, появились излишки зерна, что способствовало развитию животноводства. Перевозка пассажиров, почты, заготовка леса, дров, сена стали приносить стабильный доход в семьи.

Способствовала благоприятному развитию казачьих хозяйств, спокойная обстановка на Русско-Китайской границе и бурное развитие торговли. Стали доступными строительные материалы, сельскохозяйственный инвентарь. Стало возможным получать денежные кредиты, под будущий урожай зерна.

Об уровне достатка в казачьих семьях можно судить по материалам известного исследователя Г. Е. Грум-Гржимайло. Он подготовил описание всех поселений Приамурья, которые мог посетить Цесаревич Великий Князь Николай Александрович, во время своего кругосветного путешествия в 1891 году: «Бабста – казачье село, расположено совершенно в стороне от Амура, в 23 версты от окружной станицы, у подножия горы. Заселено в 1863 году переселенцами из станицы Михайло-Семёновской и Кукелевского посёлка. По данным 1891 года в станице дворов 55, часовня, школа с 28 учениками, водяная и конная мельницы, жителей 382 (199 муж. пола), казаков 105. Земли у них в отводе 3600 десятин, в действительном пользовании 1530, из них усадебной с выгонами – 543, покосов – 704, пахотной – 400. Под посевами десятин: ярицы (рожь) 94, яровой пшеницы 90, овса

149, ячменя 5, гречихи 64. Скота казаки держат: лошадей 410 (рабочих 275), рогатого скота 710 (коров 350), свиней 254, овец 158, коз 14. На Бабстовской речке есть заимка Вертопрашиха из одного двора и трёх душ мужского пола».

Краткая сухая информация, на основе которой можно сделать ряд важных выводов. За прошедшие десять лет уровень жизни казаков вырос в несколько раз. Казаки не знали проблемы безземелья, использовали менее половины выделенных угодий. Семьи были большими, в среднем из 7 душ. На каждый двор в среднем приходилось около 10 десятин пашни, с которых они получали: 1600 кг. пшеницы, 1800 кг. ржи, 3600 кг. овса, 1800 кг. гречки ежегодно. В среднем на одну семью приходилось: 7 - 8 лошадей, 13 коров, 5 свиней, 3 овцы.

Кстати, во время посещения города Хабаровска, цесаревич Николай Александрович присутствовал на открытии памятника графу Н. Н. Муравьеву-Амурскому. Большой гранитный камень, на котором стоит отлитый в бронзе великий губернатор Восточной Сибири был привезён из села Бабста.

Приведённые статистические данные создают хорошее впечатление об уровне жизни казачьих семей, но это усреднённые показатели, в жизни всё обстояло несколько иначе. Не все семьи жили в достатке, происходило постепенное расслоения казачества. Много факторов влияло на этот процесс. От количества членов семьи зависели и размеры хозяйств. Глава семьи, как правило, не отпускал из семьи женатых сыновей. Старался позже выдать замуж дочерей, да и дети не торопились уйти из родительского дома, понимая с какими трудностями столкнутся. В некоторых семьях проживало до двадцати человек и более. По сегодняшним меркам – это крестьянское фермерское хозяйство средних размеров. Вторым, более важным фактором, были личные возможности конкретного человека: трудолюбие, упорство, смекалка, предприимчивость. Достаток семьи обеспечивался тяжёлым ежедневным трудом. Наши родители рассказывали о своих соседях, многодетной семье Козловых, живших бедно. В середине зимы они уже ходили по дворам, умоляя помочь хлебом, но не особо хотели трудиться. В страдную пору, когда родители возвращались с полей на обед, соседи только выезжали на работу.

Семья Василия Ивановича Боброва была большая. У старшего сына Фёдора было пять детей, у младшего Луки тоже пятеро,

всего 17 душ. Держали солидное хозяйство: 10 лошадей, 20 голов крупного рогатого скота, три десятка овец, 8 свиней.

Обрабатывали 20 десятин земли, всегда имели в достатке зерна и сена, хранили переходящий запас зерна на случай засухи, или проливных дождей. Излишки продавали, или обменивали в Китае на чай, ткани, сахар. Определённый доход семье приносил извоз, охота, ветеринарная практика и полевая служба сыновей Луки и Фёдора. Большая семья имела достаток и могла нанимать работников в страдную пору.

Просторный дом Василия Ивановича становился тесен. В таких случаях, по сложившейся казачьей традиции, старший сын должен отделиться и самостоятельно вести хозяйство, а младший оставаться с родителями и ухаживать за ними до последних дней жизни.

В 1885 году заложили фундамент, а в 1886 году построили новый дом с благоустроенной усадьбой. Семья Фёдора Васильевича, получив половину имущества (пашни, сенокоса, сельскохозяйственного инвентаря, лошадей, скота и капитала), отселилась в новый дом. В отцовском доме всем хозяйством теперь занимался Лука с Анной Никитичной. К этому времени Василий Иванович с Александрой отошли от дел, ему уже было за семьдесят. Не просто было содержать большое хозяйство. Профессия фельдшера-ветеринара обязывала часто выезжать в ближайшие поселения, участвовать в лагерных сборах, чтобы управлять с хозяйством в страдную пору, приходилось привлекать наёмных работников. Вести одному большое хозяйство было не по силам, дети были маленькими и рождались только девочки, на помощь родственников особо не надеялся. Сократил количество пашни, оставил оптимальное количество скота. Семья увеличивалась, в 1885 году родился долгожданный сын, крестили Григорием (наш дедушка), в 1892 году дочка Екатерина.

С улучшением условий жизни увеличилось количество рождающихся детей во всех казачьих семьях. Для убедительности приведу семью Боброва. У Василия Ивановича было пять детей. У Луки Васильевича шестеро, а у Григория Лукича двенадцать (двое умерли в младенчестве).

Село Бабста постепенно разрасталось за счёт естественного прироста населения и продолжающегося переселения казачьих семей из Забайкалья, Сибири и центральной России.

С 1861 года по 1891 год в Амурскую и Приморскую области

переселилось 10988 семей, 56056 душ. Но этого было мало для заселения огромных территорий, отсутствие дорог тормозило миграцию, время в пути занимало более полугода, не каждый решался на такие лишения. Заселялось не только Приамурье, но и соседняя Маньчжурия, где на фоне практического безвластия, плодились многочисленные бандитские кланы хунхузов, грабившие везде, не признавая границы.

Началось сооружение первой на Дальнем Востоке железной дороги Владивосток – Хабаровск, где нужны тысячи рабочих для строительства, и охраны построенных сооружений. Требовалось кардинальное усиление охраны государственной границы. Для ускорения темпов переселения правительство Российской империи разработало новую программу, с учётом открывшихся новых транспортных возможностей. Это были другие времена, со своими возможностями и ценами.

Программа предусматривала переселение не только казаков, но и крестьян, рабочих и даже иностранных граждан. Доставка переселенцев осуществлялась морскими пароходами из Одессы, до Владивостока. Время плавания 45 - 47 суток, в зависимости от погоды.

Льготы для переселенцев были привлекательными:

- оплата проезда до Одессы и от Одессы до Владивостока оплачивалась на каждого взрослого по 90 руб., на детей 45 руб., включая питание во время поездки;

- пособие по устройству хозяйства - 600 руб. На приобретение лошади - 50 руб. и 550 руб. беспроцентной ссуды, с погашением в течение 33 лет;

- сумма на приобретение провианта по 24 пуда на взрослого и по 12 пудов, на детей;

- обеспечение переселенцев земледельческими орудиями и другими предметами для обустройства хозяйства;

- выделение безвозмездно 30 десятин земли на каждую душу мужского пола.

В течение 5 лет переселенцы освобождались от привлечения к службе в мирное время. Для сведения: цены в Приамурье в 1894 году (за пуд): ярица (рожь) 93 коп., ячмень 1 .06 руб., пшеница 1.19 руб. , гречка 1.32 руб. , овёс 0.93 руб. , лошадь 70 - 180 руб. , корова 30 -70 руб., коза, овца 7 - 10 руб.

С 1896 по 1912 годы на Дальний Восток переселилось 15626 семей – 92472 душ, всего с начала заселения 26614 семей – 148528

душ. Были и зарубежные иммигранты: 123 семьи – 482 души из Австрии, 470 семей – 1225 душ румын, 5 семей – 26 душ болгар. Не все смогли приспособиться к новым условиям жизни, вернулись обратно 2182 семьи – 10485 душ, всего 7 % населения. Для забайкальского же казачества, климатические условия Приамурья были намного мягче, назад никто не вернулся. Замечательный результат – во времена Советов о таком можно было только мечтать. С болью в сердце мы наблюдаем сегодня за непрекращающимся оттоком дальневосточников в центральную Россию, за границу. Неуклюжими выглядят попытки власти изменить ситуацию, не вкладывая необходимых государственных средств в развитие экономики и повышение уровня жизни населения.

Пополнялась новыми поселенцами и село Бабста. Большая группа новосёлов из Новороссии обосновала на окраине украинскую слободу из быстро возводимых хат, построенных из прутьев, обмазанных с двух сторон глиной. Первая зима показала, что зимовать в хатах холодно. Украинцы стали строить рубленые избы, а хаты приспособили под летние кухни или сараи.

Мигранты из Кореи построили корейский посёлок. Для станичников это было непривычно. Фанзы располагались по кругу, образуя в центре большой двор, недоступный для посторонних глаз. Фанза собиралась из узких досок, плотно подогнанных друг к другу и закреплённых металлическими обручами. Пол был земляной. У входа, в землю была заглублена в пол печь, глиняный дымоход проходил по полу вдоль круглой стены и выходил на улицу, на нем спали в холодное время. Корейцы занимались земледелием и скотоводством, выращивали прекрасные овощи и рис. Так формировался особый склад людей, впитывающих в себя элементы культуры живущих рядом народов – дальневосточников.

(Сведения о переселенцах получены из сборника «Освоение Юга – Восточных окраин России» том второй, под редакцией В.В.Крюкова).

Подписание мирного договора в г. Айгунь 28 мая 1858 г.

Сибирские казаки 18 века

Новые поселения на Амурских берегах

Усадьба казаков-первопроходцев

Обработка новых пашен

Аянский порт

КОНЕЦ МИРНОЙ ЖИЗНИ. ПОГРАНИЧНЫЙ КОНФЛИКТ 1900 – 1901 г. г.

В историческом сборнике-справочнике «Освоение Юга Восточных окраин Росси» так описываются эти события. Во второй половине 19 века между Российским Дальним Востоком и Цинским Китаем сложились добрососедские отношения. К 1900 году ведущие мировые державы фактически превратили Китай в полуколонию и поделили на сферы влияния, что вызывало обоснованное недовольство населения. В 1898 году повсеместно начались стихийные разрозненные выступления, направленные не только против иностранцев, но и против местных чиновников. В мае 1900 года в стране началось народное восстание под руководством тайного общества «ихэтуань» (отряды справедливости и мира) или «ихэцюань (кулак во имя справедливости и мира), которое получило название «восстание боксёров». В восстании участвовало более 100 тысяч вооружённых повстанцев. Правительственные войска не смогли подавить эти выступления. Правительство императрицы Цыси, оказавшись заложником ихэцюаней, перед угрозой иностранной военной интервенции предложило регулярным войскам вместе с восставшими оказывать вооружённое сопротивление. Они начали разрушать стационарные постройки, жилые дома и служебные помещения, уничтожать телеграфные линии строящейся железной дороги КВЖД (Китайская Восточная железная дорога). Погибли многие строители, тысячи других покидали места работы. Выезжали в Хабаровск, Благовещенск, Владивосток. Были совершены нападения на российские поселения в Приморье и Приамурье. В Маньчжурии, вдоль российской границы, сосредоточилось около 100 тысяч китайских войск. Двадцать шестого июня 1900 года император Николай второй принял решение о вводе русских войск в Маньчжурию. Отряд генерала Сахарова выступил из Хабаровска. Но события опережали действия российских войск. Первого июня на Амуре были обстреляны два русских парохода, два человека погибли, семь ранены. Начался обстрел Благовещенска из китайского

города Сахалина, стоящего на противоположном берегу Амура (сегодня это Хэйхе) из артиллерийских орудий и стрелкового оружия. В городе находилась лишь одна казачья сотня. Срочно была проведена мобилизация казаков, в возрасте от 19 до 50 лет. В боевые казачьи подразделения призвали Луку Васильевича, Фёдора Васильевича и его сыновей Тита и Николая.

Григорий Лукич не призывался, ему исполнилось только 15 лет. В станицах из стариков, малолеток и женщин создали отряды по охране поселений, границы и телеграфных линий. В Благовещенске сформировали дружину добровольцев в количестве 2000 человек и вооружили старыми кремнёвыми ружьями из арсенала. Вдоль всего берега отрыли окопы в полный рост. Обстрел города продолжался, поднялась паника не столько от ружейно-артиллерийской стрельбы, сколько из опасения выступления агрессивно настроенных 5000 китайцев, проживающих в городе отдельной слободой.

Благовещенская полиция, приняв решение о выселении китайцев из города, не обеспечила их лодками и плотами. Возле Благовещенска Амур неширокий, умеющий сносно плавать его переплывёт без труда. К сожалению, большая часть китайцев плавать не умела, к тому же, по плывущим людям с китайского берега вёл интенсивный ружейный огонь. Многие были убиты или утонули.

Безусловно, это была чудовищная трагедия, объяснить которую, было сложно даже с учётом военного времени. Государь осудил жестокие действия полиции и администрации города Благовещенска. Ряд государственных чиновников и военных были строго наказаны и отстранены от должности. Эти трагические события сохранялись в памяти китайцев долгое время, думаю, помнят и сегодня.

Наша мама, Феодосия Александровна, рассказывала нам о поездках зимой на лошадях через Амур, город Лахасус (сегодня Тунзян), в двадцатые годы прошлого столетия, за покупками. Китайцы русских встречали приветливо, предлагали всевозможные товары, сладости, бижутерию, предлагали взять в долг. Иногда напоминали: – Китайца в Амуре вода пить, и русский скоро пить вода будет.

Обострилась ещё одна межнациональная проблема. По условиям Айгуньского договора в 1858 году, около 20 поселений общей численностью более 20000 маньчжуров, остались проживать

на левом берегу Амура, вблизи Благовещенска. Они сохраняли подданство Циньской империи и руководствовались её законами, платили налоги в китайскую казну. К началу боевых действий мужское население было тайно от мобилизовано и переправлено в Китай. Китайский анклав представлял серьёзную угрозу Благовещенску. Всему населению официально было предъявлено требование о немедленной депортации. В ночь на 4 июля всё китайское население анклава на плотах и лодках переправилось на правый берег возле города Аргунь.

Бои в районе Благовещенска не прекращались по всей линии границы, начались обстрелы станиц с китайского берега. Командующий войсками Приамурского военного округа Н.И. Гродеков от мобилизовал казачьи войска Восточной Сибири. Было сформировано три отряда:

- Хабаровский – в направлении Лахасус – Дзямусы – Харбин на 12 пароходах 24 баржах;
- Благовещенский – в направлении Сахалин – Айгунь – Цицикар;
- Никольский – (в Приморье) – в направлении Муданцзян – Гирин.

К 15 июля началось наступление. Ночью под Сахалин был переброшен десант, бои шли в течение суток, город был захвачен и сожжён. Население в панике разбежалось по окрестным лесам. Двадцать второго июля, ночью, на правый берег ниже Айгуна, где было сосредоточено около 10 тысяч китайских войск, была десантирована вторая сотня Амурского казачьего полка. Через три дня город был взят с небольшими потерями. В городе бродили брошенные голодные, обезумевшие от дыма пожаров и грохота выстрелов лошади, коровы и другой скот. Казаки с грустью смотрели на бесхозное добро, брать ничего не разрешалось, за мародёрство грозил суд.

Все, от мобилизованные на войну казаки Бобровых, принимали участие в обороне Благовещенска, наступлении на китайские войска и штурме городов: Айгуна, Нунцзяна, Цицикара. После пяти дней непрерывных боёв, войска были остановлены на перегруппировку. Люди выбились из сил, не спали по двое – трое суток. Лошади с трудом передвигали ноги от бескормицы и усталости, многим требовалось лечение. Обозы безнадежно отстали. Казаки не имели опыта длительных переходов, впервые участвовали в боевых операциях. У многих лошадей были потёрты спины, некоторые животные были ранены шашками,

при опасном обращении с оружием. Лука Васильевич с коллегами-ветеринарами сбились с ног, обрабатывая многочисленные раны животных. Часть лошадей пришлось заменить на резервных, больных передать в обоз.

Продолжительные марши, с преследованием отступающих войск, круглосуточные разъездные дозоры и караулы приучили казаков обходиться малым. Спали по несколько часов в сутки, где придётся: в лесу, окопе, овраге. Питались сухим пайком, полевые кухни догоняли передовые части лишь во время перегруппировки войск. Амурские казаки войска показали высокую выучку, не хуже регулярных войск. По храбрости, мобильности казачьих сотен им не было равных. Военные действия по подавлению мятежа в Маньчжурии продолжались до конца ноября 1900 года. Вся территория Маньчжурии, полоса вдоль линии КВЖД и столица Китая, были освобождены от мятежников. Амурский казачий полк в составе шести сотен был отведён на отдых в город Гирин, на северовостоке Китая.

Девятого ноября казаки третьей очереди были уволены на льготу. Из мобилизованных была сформирована маршевая колонна при полном вооружении в составе: 1 вахмистр (низший чин в кавалерии), 12 урядников, 120 казаков, 4 нестроевых старшего разряда, 4 медицинских и ветеринарных фельдшера, при 220 лошадях с 49 двуколками.

Колонна двигалась ускоренным маршем, преодолев за три недели 1100 вёрст. Без потерь прибыла в Благовещенск 3 декабря, торжественным маршем прошла по центральной улице города. Горожане с ликованием встречали своих освободителей – героев войны. В составе первой демобилизованной группы были Лука и Фёдор Бобровы.

После недельного отдыха в казармах, отряд казаков в количестве 30 человек отправился по своим станицам. Через неделю трое казаков: Фёдор и Лука Бобровы и Прокопий Ушаков, при 6 лошадях, въехали в станицу Михайло-Семёновская. Остановились у старшего брата Артёма, ему было уже за шестьдесят, в боевых действиях он не участвовал, но с малолетками нёс охрану военных объектов и телеграфной линии. Тёплая встреча родственников, сытный обед, душевные разговоры не убедили казаков остаться на ночлег, напоив и покормив лошадей, они отбыли в родное село Бабстово подъехали за полночь, было ветрено и холодно, уставшие путники и лошади

были покрыты инеем. Село не было видно, лишь изредка из-за плотных туч полумесяц луны освещал засыпанные снегом дома и улицы. Попрощавшись, казаки разъехались по своим усадьбам, поздних путников громким лаем встретили дворовые собаки.

Лука Васильевич подъехал к дому, радостно залаяла Жучка, узнав хозяина. В груди громко стучало сердце от радости предстоящей встречи. Открыл ворота, завёл лошадей, стал распрягать. В кухне зажгли керосиновую лампу, осветившую во дворе утоптаный снег. Двери в сени отворились и на улицу, в клубах пара, в наспех наброшенном на голову платке, вышла заспанная Анна Никитична. Обняла мужа и заплакала от радости. Вошли в дом, от шума проснулись дети и окружили покрытого инеем отца.

– Тятя, а ты мне подарок привёз? – спросила младшая дочка Катя. Отец подхватил малышку на руки, расцеловал.

– Привёз целый воз. Гришка, пойдёшь, распряги и напои лошадей, да разгрузи телеги. Пока Лука раздевался, Анна растопила печь и хлопотала вокруг стола, собирая поздний ужин или ранний завтрак. Часов в доме не было, примерное время определяли по положению звёзд, которые называли кичигами. Собравшаяся за столом семья внимательно слушала рассказы отца о военных баталиях и условиях жизни в соседней стране. Рано утром Луку разбудили соседи, пришедшие узнать какие либо новости о близких, участвующих в военных действиях. Несколько дней ему пришлось рассказывать о встречах с их родственниками во время многомесячной военной компании, об отваге и мужестве казаков и скором их возвращении.

В январе 1901 года была демобилизована ещё одна группа льготников, в сентябре вторая очередь казаков. В Маньчжурии была оставлена 30 тысячная группа войск для охраны КВЖД. Сыновья Фёдора Тит и Николай вернулись домой лишь в 1903 году.

По данным военного ведомства, потери русских войск во время конфликта составили 509 погибших, более 11500 ранеными и 56 пропавших без вести. В числе потерь Бобровы не значились.

Для Амурского казачьего войска события 1900 года стали рубежом, за которым осталось прошлое, хотя и тяжёлое, но отмеченное хозяйственным освоением территории и подготовки к военной службе. Последующая история войска, как кадровых частей, так и населения, стала реализацией его назначения

как защитника края от близких и дальних врагов. Длительное отсутствие мужского населения в казачьих станицах пагубно сказалось на личных хозяйствах, около трети зерновых урожая 1900 года не было убрано, вспахано под зябь менее половины пашни. Доход от сельского хозяйства упал вдвое. Некоторые казачьи семьи, где единственный мужчина безвыездно служил в Маньчжурии, разорились, им оказывалась помощь из войсковой казны.

Не многим лучше было в семье Луки. Единственным мужчиной в семье на хозяйстве оставался сын Григорий, которому исполнилось 15 лет. Высокого роста и крепкого телосложения, он только набирал силу. Со старшими сёстрами Анной, Пелагеей и матерью, он с трудом управлялся с хозяйством. С возвращением отца с войны стало легче. Никакие войны не могли остановить естественный процесс жизни. Создавались новые семьи, рождались дети. Произошли изменения и семье Луки Васильевича. Весной 1902 года выдали замуж дочь Пелагею за казака Василия Леонтьевича Кузнецова. Невесте приготовили приданое: лошадь, годовалая корова и сундук с одеждой и обувью. В те времена казачьи избы были обставлены скромной мебелью, как правило, сделанной собственными руками. Высоко ценились китайские сундуки. Выглядели они очень красиво. Сделанные из тонких, аккуратно подогнанных, дощечек, обитые тонким ажурным железом, сундуки были лёгкими и очень прочными, считались дорогим подарком.

В 1903 году поженили сына Григория на дочери казака Кустова Даниила. Невеста из небольшой и не богатой семьи. Отец воспитывал двух дочерей. Жена умерла, когда старшей Екатерине исполнилось 15 лет. Всё домашнее хозяйство, воспитание младшей сестры легли на неокрепшие девичьи плечи. В девках, можно сказать, уже засиделась – ей исполнилось 22 года. Кстати, жениху было 18. Невесту выбирал отец жениха. Главными критериями были здоровье, трудолюбие, умение вести домашнее хозяйство, приданое и, в последнюю очередь, внешность.

Так рассказывала о своём замужестве наша бабушка Екатерина Даниловна.

– Это было ранней весной 1903 года, уже подтаивал снег, и я спозаранку начала запрягать лошадь, чтобы привезти сено. В сарай зашёл отец и неожиданно прервал моё занятие.

– Ты, дочка, отложи поездку и готовься к встрече сватов. От

неожиданности я растерялась.

– Тятя, а кто жених? – с тревогой спросила отца. – Бобров Григорий из Бабстово, скоро увидишь. Истопи баньку да помойся с духмяными травами, пригласи подружек, пушай тебя прихорашивают. Сегодня решается твоя судьба, – с грустью сказал отец

Весть о предстоящем сватовстве быстро разлетелась по небольшому посёлку Немецкий. Кто дал такое название не известно, сегодня он называется Димитрово.

– Вскоре пришли подружки, бурно обсуждая деревенскую новость. Нарядили меня в новое платье, завили волосы. Ожидая сватов, балагурили, вышивали на пяльцах, пели грустные песни. Во второй половине дня к воротам подъехала кошёвка с бубенцами. Подружки выпорхнули на улицу встречать гостей. Изба наполнилась шумом, традиционным в таких случаях приветствием.

– По здорову ли живёте?

– Слава Богу!

– Говорят, у вас есть товар, а у нас есть купец.

На столе появились, приготовленные заранее закуски, сваты поставили на стол штоф водки, завязался разговор. Подружки прошмыгнули в светлицу.

– Видели жениха, какой он, не рябой (переболевший оспой), не хромой? – засыпала я вопросами подружек.

– Да что ты! Высокий да стройный и красивый, нам бы такого, – прыснули смехом девчата. У меня как камень с души упал. Вскоре меня пригласили выйти к гостям. Зардевшись от общего внимания, я вышла.

– Ох и хороша девка! – не сдержал восхищение отец жениха. Я мельком посмотрела на жениха, мы встретились глазами, он мне понравился. Меня ни о чём не спрашивали и разрешили вернуться в светлицу. После смотрин отец сказал, что свадьба назначена на масленичную неделю.

– Жених то понравился? – спросил отец. Я неопределённо пожалала плечами.

– Стерпится, слюбится, – в назидание напомнил он, и был прав.

Григорий Лукич с Екатериной Даниловной полюбили друг друга, жили в мире и согласии, пронесли это светлое чувство через всю жизнь, родив 12 детей. В новую семью невестка вошла

без конфликтов. Свёкор Лука Васильевич обожал единственную невестку и не позволял домочадцам её обижать. Молодые жили дружно. Осенью в семье Боброва отпраздновали ещё одну свадьбу. Выдали замуж дочь Анну за казака Усова Прокопия Лукича .

Наступил 1904 год, в семье Григория родился первенец, назвали в честь прадеда Иваном. Больше всех радовался дедушка Лука – будет кому продолжить род Бобровых. Григорий принял присягу и заступил нести полевую службу, дома бывал редко, молодых казаков в усиленном режиме обучали военному делу: мастерству владения шашкой, приёмам ведения боя в конном и пешем строю.

На Дальнем Востоке вновь была напряжённая обстановка. Япония оккупировала Корею. Ходили слухи о возможной войне с Японией, В Маньчжурию стягивались войска из Сибири и Забайкалья. Двадцать четвёртого января 1904 года Япония разорвала дипломатические отношения с Россией, а 26 января, без объявления войны, начала военные действия на суше и на море. В ночь на 27 января японский флот внезапно атаковал русскую эскадру, стоявшую на внешнем рейде Порт-Артура, а днём того же числа потопила крейсер Варяг и канонерку Кореец у Корейского порта Чемульпо.

Мобилизация войск Приамурского военного округа была объявлена 28 января в Благовещенске, Хабаровске, Николаевске, Владивостоке. Амурское казачье войско отмобилизовало свои формирования. В Благовещенске развернули первый Амурский казачий полк в 6 сотен, в станице Екатерино-Никольской сформировали Амурский дивизион из 3 сотен, в станицах объявлен походный сбор.

День прошёл в хлопотах, вечером собрались всей семьёй.

– Вот Гришка, пришла и твоя очередь отечество защищать. Воюй достойно, будем ждать с победой, – напутствовал отец. – За Екатерину и ребёнка не беспокойся. Всё что нужно для похода собрали, не осрамись на смотре.

Утром, наспех позавтракав, упаковали все в перемётные сумки. Григорий попрощался с матерью и сёстрами, вскочил на коня и тронулся в сторону станичного плаца. Слева, придерживая лошадь за узду, шла Екатерина Даниловна, справа отец. К центру села со всех сторон съезжались казаки, вскоре на площади собралась вся станица. Из ноздрей гарцующих лошадей, вырывались струи пара. Слышался скрип снега под копытами лошадей, и едва различимые голоса.

Станичный атаман есаул Андрей Вертопраха подал команду к построению. Григорий поцеловал жену, обнял отца и занял своё место в строю. Священник прочитал молебен, и колона всдников рысцой двинулась по зимнику, в станицу Михайло- Семёновскую. Женщины плакали, провожая казаков.

Чтобы смягчить напряжение, командир дал команду: «Запева»!

В морозном февральском воздухе зазвенела старая казачья песня «Во Сибирской во окраине, во Даурской стороне, во Даурской стороне – и на славном Амуре ...». Станичники стояли, слушая удалую песню, пока колона не скрылась за поворотом.

– Хватит Екатерина, пойдём домой, ребёнок ждёт. Надейся и верь, что Гришка вернётся живым и здоровым, – прервал грустные мысли невестки Лука.

Всем семьям отобилизованных казаков было выдано по 100 рублей из казны. Амурский казачий полк был включён в состав Сибирского корпуса в районе города Ляолян. Его разбросали посотенно по отрядам, казаки принимали участие во всех крупных сражениях и везде показывали пример отваги и мужества. Амурский дивизион был включён в конвой Маньчжурской армии, участия в военных действиях не принимал, случались лишь стычки с бандами хунхузов. Полусотни казаков дивизиона были рассредоточены в: Нангине, Харбине, Гирине, Цицикаре и Благовещенске. Всего из Амурского казачьего войска было отобилизовано 1687 казаков. Бобровы служили, по всей вероятности, в составе Амурского казачьего дивизиона, так как в архивных документах в списках погибших и награждённых не значатся. Были призваны в состав первого Амурского полка, и участвовали в боевых действиях шурины Григория Лукича: Усов Прокопий, Димов Дмитрий, Кузнецов Василий, Журавлёв Антон. В списке награждённых Георгиевским крестом значится урядник Кузнецов Василий.

Я хорошо помню Журавлёва Антона Ивановича. В начале 50-х годов прошлого столетия, после окончания ссылки, его семья поселилась в Хабаровске и поддерживала связи с нашей семьёй. Антон Иванович с Устиньей Лукиничной часто приезжали к нам в гости на православные праздники Пасху или Троицу. Он очень любил детей и с удовольствием возился с нами, устраивая весёлые соревнования: бег в мешках, прыжки с места, перетягивание каната. Победителю утверждался приз в размере одного рубля номинации 1947 года. На эти деньги можно

было купить 100 граммов дешёвых конфет. На левой руке дедушки Антона был виден большой шрам. Однажды мы спросили его о причине травмы. Антон Иванович задумался, и стал рассказывать о далёкой войне с японцами, про многодневные, кровопролитные бои в сражении под городом Ляолян, ночные вылазки по тылам самураев. Во время одного рукопашного боя японец штыком пронзил ему запястье левой руки. Взревев от боли, он зарубил шашкой самурая, но от большой потери крови вскоре потерял сознание. Очнулся в госпитале, после выздоровления был комиссован. Рассказал он и об унижительном договоре, подписанном 23 августа 1905 года в Портсмуте в США, согласно которому Японии отошла южная часть острова Сахалин, порт Артур и восточная часть Китайской Восточной железной дороги. Для нас, деревенских мальчишек ещё не знающих зигзагов Российской истории, это был шок. После победы в Великой Отечественной Войне все и везде говорили только о победе над Германией и Японией.

Несколько сухих цифр об этой войне. На театре военных действий в Маньчжурии было сосредоточено 750 тыс. русских войск, в том числе, казачьих соединений:

- Забайкальского Казачьего войска - 15000 казаков;
- Амурского КВ - 1687 казаков;
- Уссурийского КВ - 1500 казаков.

Россия потеряла 270 тыс. человек в т. ч. убитыми 50 тыс. человек.

Япония потеряла 270 тыс. человек в т. ч. убитыми 86 тыс. Человек.

Потери с обеих сторон были одинаковые, японцев погибло в два раза больше. Почему же Россия согласилась на унижительные условия мирного договора? Причиной была - крайне нестабильная внутрисполитическая обстановка в Империи. Нерешённые земельные вопросы крестьянства, снижение уровня жизни, ущемление национальных интересов некоторых народов на фоне, военных поражений привели к массовым беспорядкам и вооружённым столкновениям.

Из Маньчжурии стали срочно выводиться войска и в первую очередь – казачьи формирования. В конце декабря в станицу Михайло-Семёновскую, форсировав замёрзший Амур вернулся казачий дивизион с минимальными потерями – пятеро раненых остались на лечении в госпитале Харбина.

После построения протоиерей местной церкви прочитал благодарственную молитву, в связи с возвращением войска.

Войсковой старшина Роман Вертопраха поздравил казаков с благополучным возвращением на родину и поблагодарил за добросовестное несение службы. Зачитал приказ об увольнении казаков второй и третьей очереди, дал команду разъезжаться по месту жительства. Казакам первой очереди представил двухнедельный отпуск, после чего они должны быть командированы в Хабаровск. Поручил сотникам распределить 550 подаренных лошадей между казаками.

Дома ждали казаков и готовились к встрече: топили бани, до блеска мыли полы, готовили яства. Растянувшийся на полверсты отряд, втягивался в станицу, растекаясь по улицам. Как же хотелось Григорию поскорее вернуться домой. Вот и знакомые с детства ворота. Спешился, отряхнулся от инея. Ворота открыл отец, во дворе стояла вся семья, женщины плакали. Лука крепко обнял сына, троекратно поцеловал и срывающимся голосом вымолвил: – Здравствуй Григорий, заходи в избу, я распрягу лошадей. Чего расплакались, ведите мужика в избу да готовьте ужин. Обнимая женщин, Григорий вошёл в дом. Екатерина светилась от счастья. Для этого были веские основания – в семье родился второй ребёнок, нарекли Александром. Для молодого отца это был дорогой подарок, Григорий подошёл к зыбке заглянул за марлевою занавеску и попытался взять ребёнка на руки.

– Что ты, что ты, – решительно замахала руками Анна Никитична. – Ещё наиграешься с детками. Вначале отогрейся, да сходи, помойся в бане, а то застудишь малыша. – А ты Екатерина собери бельё да потри спину мужу. Разомлевший от тепла, берёзового веника и ласки жены Григорий вернулся в избу. Праздничный стол ломился от яств, несмотря на Рождественский пост. Во главе стола сидел отец, Григорий с удивлением посмотрел на него.

– Ничего, сын, ради такого праздника можно и согрешить.

Отец налил спиртного сыну, жене и невестке, себе же накрошил в блюдо хлеба и залил водкой. Пригубили за встречу. После ужина Григорий рассказывал о военных походах, охране штабов, сопровождение обозов с провиантом и оружием, погоней и перестрелками с хунхузами. Когда остались вдвоём, отец спросил, надолго ли замирились, аль воевать ещё придётся?

– Не знаю, но я приехал в краткосрочный отпуск на две недели, сотня будет отправлена в Хабаровск, там какие-то бунтовщики безобразничают.

– Понятно, на твою помощь пока рассчитывать не приходится, да мы уже привыкли, – посетовал отец. А лошадь ты привёл добрую. Отдохнёшь денёк – другой, поможешь сено с заимки привезти и дров сухих заготовить, пока снегу немного.

Быстро пролетел отпуск и Григорий уехал в станицу Михайло-Семёновскую, а затем в Хабаровск. Рождество отмечали в походе. Сотня разместилась на «казачьей горе», и сразу заступила к патрулированию города, охране границы от банд хунхузов. Краткосрочная командировка затянулась почти на год.

Я несколько раз в тексте упоминал слово хунхузы. Кто они, откуда пришли и почему беспокоили пограничные территории России почти 100 лет? Попытаюсь ответить, ссылаясь на справочные материалы четырёхтомника «Освоение дальневосточных окраин России» под редакцией В. В. Крюкова: «Слово «хунхуз» представляет собой искажённое китайское слово «хун хуизы». В буквальном переводе на русский, означает «красная борода» или «краснобородый». Под «красным» подразумевают в данном случае, цвет человеческих волос. Название «хунхузы» носило только разговорный характер. В официальных китайских документах используются выражения фуфэй, хуфэй, даофэй, что в переводе на русский означает – бандит. Первое определение понятия «хунхуз» дал в 1880 году Ф. Ф. Буссе, внёсший значительный вклад в изучение Уссурийского края. По его мнению, «хунхуз», собственно, профессиональный разбойник, передающий ремесло своим детям.

Зародилось хунхузничество в Маньчжурии, далее перекинулось в Приморье и Приамурье. Вплоть до начала 20 века, Маньчжурия оставалась малозаселённой страной. На протяжении двух столетий заселение края носило стихийный и неконтролируемый характер. Это были принудительно высланные из центрального Китая переселенцы и бежавшие от наказания преступники. Тысячи колонистов, обосновавшихся на севере Маньчжурии, были надолго предоставлены сами себе. Сильные, стали притеснять слабых. На убийство и поджоги стали смотреть как на обычное дело. Местные власти противостоять насилию не имели возможности.

Для хунхузов не существовало государственных границ. В их сферу влияния входили, кроме территории Маньчжурии, приграничные территории Кореи, Приморья и Приамурья. Грабили проезжающие караваны купцов и чиновников. Облагали «налогом» богатых хозяев и купцов, якобы за защиту от

других хунхузских банд. Непослушных, убивали или сжигали их имущество. Не брезговали разбоем в казачьих станицах, забирали скот, имущество. Занимались массово браконьерством и контрабандой женьшеня, шкур редких животных, золота и ценных минералов. Содействовало этому отсутствие строгой охраны границы. Российская граница охранялась разовыми казачьими пикетами. Перейти границу не составляло большого труда, а в Дальневосточной тайге всегда можно было укрыться. Территория Приамурья была заселена меньше, чем Маньчжурия. В Приморской области охрану около тысячи вёрст границы, обеспечивали казачьи войска. Численность Уссурийского казачьего войска - всего около тысячи человек».

Во время пограничного конфликта 1900 – 1901 годов многие банды хунхузов были уничтожены, но быстро пополнились вчерашними крестьянами, бежавшими из переселённых провинций исторического Китая, спасаясь от безземелья, голода и долговой кабалы. Часть из них находила заработок в Маньчжурии, а другая, менее удачливая, устремлялась дальше, на территорию России. Здесь их ждали казённые работы на строительстве железной дороги, железнодорожного моста, военных объектов, а также труд на золотых приисках и частных предприятиях. В 1913 году в Амурской области проживало 340 тысяч населения, из них 44,5 тысяч – азиаты. Следующую многочисленную группу в рядах хунхузских шаек составляли дезертиры. В конце 19 века размер хунхузских банд составлял 30 - 50 человек, были и небольшие по 3 - 5 чел. Но, как правило, их поглощали более крупные, или уничтожали, чтобы не мешали. В первом десятилетии 20 века численность банд составляла около 70 тысяч человек.

С началом Первой мировой войны, с хунхузами тесно сотрудничала германская разведка. Из числа бандитских шаек формировались ударные отряды для нападения на российские предприятия. Были проведены нападения на предприятия в зоне К.В.Ж.Д., увеличались набеги на казачьи станицы в Приморье.

Но особый размах хунхузничество приобрело в 20 годы прошлого столетия, в период практического безвластия на Дальнем Востоке. За период 1921-1922 годов село Благоданное в Амурской области три раза подвергалась налётам хунхузов. Последний налёт, совершённый ими в июле 1922 года, был особенно тяжёлым по своим последствиям. Хунхузами было убито много молодых людей защищавших село, уведено несколько сот

лошадей и крупного рогатого скота, сожжено много домов, школа, почтово – телеграфное отделение. Во времена гражданской войны большевики привлекали банды хунхузов для участия в боевых действиях. Они отличались особой жестокостью и надругательством над телами погибших. В 1922 году, накануне боевых действий под Волочаевкой, в среднем течении реки Ин был разгромлен мужской монастырь. Здания сожгли, послушников убили, вспоротые животы набили мороженой рыбой, обрезали носы и уши. Случай чисто азиатской жестокости.

В целях борьбы с хунхузничеством и бандитизмом была создана специальная комиссия, особые «тройки», в волостях отряды Ч.О.Н. (части особого назначения) из работников милиции и участников войны. В населённых пунктах формировались отряды самообороны. Бесчинства хунхузов продолжались. В июне 1923 года большой отряд хунхузов совершил набег в Ханкайском районе и захватил в плен красноармейцев. После жёстких пыток бандиты отрубили пленным головы и тела выставили на базарной площади в приграничном селе для устрашения. В феврале 1924 года отряд китайских хунхузов, в количестве 200 человек, напал на село Жариково в этом же районе.

Наша мама, Феодосия Александровна, рассказывала об этих беспокойных временах. *«В 1924 году, на масленую неделю, я с родителями поехала проводить маминых родственников Швецовых, они проживали в Алексеевке и Головино. В Алексеевку приехали во второй половине дня. Тётка, Прасковья Фёдоровна приняла нас радушно, угостила традиционными блинами с мёдом, сметаной и красной икрой, медовухой. После плотного обеда, я попросила двоюродного брата показать мне станцию. Смеркалось, и тётя не разрешила покидать дом. Вечером, когда стали готовиться ко сну, отца попросили запрячь лошадей. Спали мы одетыми, чтобы в случае набеге хунхузов срочно бежать из станции. Ночью практически не спали, прислушиваясь к посторонним звукам.*

В Головино посоветовали нам не ехать. Накануне, банда хунхузов ночью напала на поселение и угнала полсотни лошадей и коров. Мы вернулись домой. На Бабстово хунхузы не рисковали нападать».

Всего на территории Дальнего Востока было зарегистрировано 77 банд численностью более 6 тысяч человек. Особенно бесчинствовали банды хунхузов на территории, прилегающей к К.В.Ж.Д., было окружено советское представительство в Харбине,

более 200 человек, арестовано. В 1929 году в Китай были введены войска под командованием Блюхера. После наведения порядка на К.В.Ж.Д. и усиления охраны границы, активность действий хунхузов пошла на спад.

В 1931 году Япония оккупировала Маньчжурию, и уже через год, в 1932 году, более 70 тыс. хунхузов покинули Маньчжурию и переселились на территорию современной китайской провинции Хэбэй. В 1935 году Советский Союз продал К.В.Ж.Д. японцам. К этому времени сошёл на нет бандитизм на Советском Дальнем Востоке. Действия хунхузов в точности повторили рэкетеры в лихие девяностые годы в России. Отголоски смутных лет проявляются и сегодня.

КОРОТКИЙ МИР И НОВАЯ ВОЙНА

В истории России наступил благоприятный период экономического развития, После революционных потрясений 1905 - 1907 годов, в стране проводятся политические, экономические и социальные реформы. Девять лет не ведутся военные действия. К счастью для России, реформы совпали с подъёмом мировой экономики. Зарождается парламентаризм, проходят первые выборы в Государственную Думу. Начата земельная реформа. Принят закон о начальном образовании. Страна вышла на первое место в мире по экспорту зерна. Прибыль от внешней торговли поддерживает государственный бюджет. Колоссальными темпами развивается промышленность. Зарубежные инвесторы активно вкладывают капиталы в самые передовые отрасли – судостроение, электротехнику, железные дороги, нефтяную и металлургическую промышленность.

Вернувшиеся с полей сражений, казаки и крестьяне поднимают разрушенные хозяйства. Временная передышка благодатно сказалась на развитии экономики Приамурья. Началось строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, моста через реку Амур. Открывается много новых предприятий, расширяются порты Владивостока и Николаевска, процветает торговля, поднимается сельское хозяйство. В сёлах появляются механизмы, облегчающие крестьянский труд.

Григорий Лукич, на паях с двоюродным братом Титом Фёдоровичем, покупают молотилку и паровую мельницу. Тит Фёдорович открывает собственный магазин. Улучшение условий жизни подталкивает рождаемость. В семье Григория Лукича наблюдается демографический бум.

В 1905 году рождается сын Александр, в 1906 г. – дочь Елизавета, в 1907 г. – дочь Мария, в 1909 г. – сын Михаил, в 1911 г. – сын Роман, в 1912г. – дочь Таисия, в 1913 г. – дочь Евдокия, в 1914г. – дочь Клавдия. Семья увеличивается до 13 душ.

– Нужно строить новый дом Григорий, – как то завёл разговор с сыном Лука. Вы ещё молодые, детки ещё будут, да и мы с матерью не собираемся помирать. Нужно не спеша завезти камень для

фундамента, бревна для сруба, пиломатериал, а там, глядишь, и избу поставим.

Благородным планам не суждено было осуществиться. В середине августа объявлена мобилизация – опять начиналась война. Стройку пришлось отложить на неопределённое время.

Назревал новый передел мирового порядка. К 1914 году сформировались два противоположных блока: Тройственный союз (Германия, Австрия, Италия) и Антанта (Англия, Франция, Россия). В июне в Сараево убивают наследника Австрийского престола Фердинанда. Россия объявляет мобилизацию, Германия объявляет войну России, позже Турция объявляет войну России, а Япония присоединяется к Антанте.

С началом мобилизации 1-й Амурский казачий полк и 1-й Уссурийский были направлены на фронт. Второй Амурский казачий полк был направлен в село Ново – Киевское Приморской области и включён в состав Уссурийской дивизии. На замену регулярным частям в Приамурский округ были направлены ополченцы из Сибирского и Уральского округов. Дальневосточный край стал глубоким тылом, приобрёл особую роль во внешне экономических связях. Все Балтийские и Черноморские порты были закрыты, в связи с военными действиями. Владивосток стал единственным международным незамерзающим портом, через который беспрепятственно поступали необходимые для обороны грузы.

Наш дедушка Григорий Лукич был призван в резервную сотню и служил безвыездно в Хабаровске. Сотня дислоцировалась на «казачьей горе» и постоянно участвовала в дозорах по охране вокзала, строящегося железнодорожного моста через Амур, патрулировании в ночное время улиц города, сопровождении военных грузов. В Хабаровске с численностью в 20 тысяч жителей, размещалось 5 тысяч военнопленных различных национальностей, что представляло особую опасность. Принимали участие казаки в ликвидации банд хунхузов на большом Уссурийском острове. Посчастливилось Григорию присутствовать в охране праздничных мероприятий, при открытии движения по железнодорожному мосту через реку Амур.

Наш дедушка, по линии матери – Шохирев Александр Васильевич служил во втором казачьем полку. Принимал участие в боевых действиях на полях Северного, Юго-Западного, и Румынского фронтов. На западе шла тяжёлая война, а в станицах Амурского казачьего войска текла размеренная жизнь,

об этом свидетельствует акт проверки окружной станицы казачьим чиновником: «Станица Михайло-Семёновская. 15 июля 1915 года. Станица существует с 1858 года; дворов 145, жителей 1171 общего пола. Церковь. Священник Филипп Ушаков. Церковь небольшая, построена 12 лет назад, в 1903 году. Школа. Учитель Константин Шелыгин. Школа двухклассная, помещения просторные, имеются деревянные ружья для обучения строю, а также прочие гимнастические принадлежности. Станичное правление. Станичный атаман вахмистр Журавлёв. Помещение содержится чисто. Канцелярия по внешнему виду ведётся в порядке. Приходный – расходный журнал денежных сумм сходится с кладовой запиской. Проверка денежных сумм и отчётности производится ежедневно. К 30 мая по денежной книге значилось деньгами - 14297 руб. 04 к., документами - 2521 руб. 48 к., билетами (казначейства) 15115 руб. 36 к. Станичный атаман доложил, что такая крупная сумма хранится ввиду предстоящей скорой выплаты казакам. Такое объяснение не могу признать достаточно обоснованным и приказываю немедленно сдать деньги в казначейство, оставив самую ограниченную сумму. Пожарная машина, две бочки с водой и прочие пожарные инструменты хранятся в особом сарае в порядке. Хлебный магазин содержится в порядке. Наличного зерна хранится 1651 пуд (26.4 тонны). Аптека. Управляющий аптекой врач Коршун-Осмаровский, аптека содержится чисто. Берег Амура, на котором расположена станица, сильно подмывается водой и обваливается, казаки, видимо, не принимают к укреплению никаких мер. Обращаю внимание атамана и приказываю принять меры по укреплению берега».

Прошло больше века с той проверки, а проблемы укрепления берега не решены, по сей день. В феврале 1917 года, после отречения от престола Николая второго, в казачьих войсках начались брожения, в казармах стали появляться агитаторы, призывающие признать временное правительство. Под влиянием буржуазной и большевистской пропаганды дисциплина в казачьей среде резко упала. Казаки, ошалевшие от вседозволенности, отказывались выезжать в караулы.

Из воспоминаний Григория Лукича: «Порой вся сотня пьянствовала беспорядочно по неделе, не выезжала в караулы. Из всей сотни непьющими были шестеро казаков. Мы кормили, поили и выгуливали всех лошадей, несли охрану казармы и конюшни.

Хорунжие, унтер-офицеры, урядники пьянствовали вместе с подчинёнными. Когда попойка, заканчивалась, казаки ухаживали за нашими лошадьми и рьяно исполняли служебные обязанности до следующей пьянки. В конце декабря 1917 года, наша сотня была расформирована и нас, распустили домой. Казаки из Бабстovo, Алексеевки, Чурков, Лазарево с детства знали друг друга и держались вместе, поэтому возвращались домой единой группой. Хотелось быстрее встретиться с родными. Мы весь, путь от Хабаровска до села Бабстovo, проехали без остановки на ночлег за двое суток, а это почти двести вёрст».

Можно представить состояние молодых мужчин, три с половиной года не видевших своих жён и детей, отвыкших от семейной жизни. Радостное чувство предстоящей встречи было смешано с нарастающим ощущением надвигающейся беды. Прошедший год перевернул с ног на голову всё – устоявшиеся годами нормы жизни, представление о добре и зле, отношении власти и народа, будущее казачества, отношение к Всевышнему.

Радость долгожданной встречи, наступившее счастье семейной жизни, отвлекли Григория тревожных мыслей. Он с удовольствием слушал рассказы отца, жены, детей. О своей службе рассказывал скуп и неохотно. С грустью осмотрел обветшавший отчий дом и поредевшее хозяйство. Количество коров и овец сократилось незначительно, а из шести лошадей осталось две, четыре забрали на фронт.

Шестидесятилетнему отцу держать в исправности большое хозяйство было не по силам. Подрастающие сыновья, в меру своих сил помогали, но не могли заменить взрослых. Невольно вспомнил давний разговор с отцом о строительстве нового дома и горько усмехнулся. Неизвестно как поведёт себя новая власть. К вечеру в гости пришли соседи, поздравили с возвращением, поинтересовались новой властью. Почему их называют большевиками, у них, что большие головы? Откуда они взялись? Кто будет править страной? Скоро ли кончится война? Не мог ответить рядовой казак на вопросы земляков, думаю, в России в то время не было пророка, способного предсказать ближайшее будущее. Рассказал то, что видел и слышал.

– Приходили к нам в казармы агитировать большевики, эсеры и монархисты – обычные люди, все говорили складно. Обещали богатую и достойную жизнь в будущем, а за счёт кого это счастье наступит не понятно. В городе народ ходит на митинги,

требуют свободы, равенства, прекращения войны. На старые романовские деньги уже ничего не купишь. Реальную цену имеет только золотой рубль и серебро. Бережно храните то, что имеете, не спешите, поддерживать агитаторов, пока сами не разберётесь. Не дай Бог, если пойдут русские войной друг на друга, кровушки прольётся немало. Не получив конкретных ответов, соседи разошлись.

– А что станичный атаман ещё у власти? – спросил отца Григорий, когда остались наедине.

– Ты что такое говоришь! – возмутился отец. А какая ещё может быть власть в казачьей станице? Не дури мне голову, Гришка, рассказывай, что знаешь.

– Тонкостей я не знаю, но ходят слухи о прошедшем большом круге Амурского казачьего войска, где якобы шли разговоры о ликвидации казачества. То, что расформировали нашу сотню, не случайность.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ

Российское казачество включилось в процесс буржуазно – демократических преобразований. Шли бурные обсуждения будущего войска. Амурское казачье войско, во главе с атаманом Гамовым, поддержали меры Временного правительства и выступили за создание Войскового Совета избираемого в одиннадцати станичных округах.

Справка: На территории ЕАО было три станичных правления: Радевское, Екатерина-Никольское и Михайло-Семёновское. Станичные правления предлагалось переименовать в комитеты общественной безопасности (К.О.Б). Войсковым атаманом и председателем войскового правления был избран И.М. Гамов (В прошлом учитель, член Государственной думы, политик, не имевший военного образования и не служивший ни одного дня). В конце июня началась подготовка третьего Войскового круга. Мнения разделились. Первый Амурский казачий полк высказался за сохранение казачьего войска, казачьего сословия и поддержал временное правительство. Второй казачий полк предложил сохранить казачество, не как воинское сословие, а как «народ исторически сросшийся в одну могучую земельно – экономическую общину». Земля, воды и леса должны принадлежать войску, которое должно управляться на выборных началах. Казаки должны проходить службу наравне с остальными гражданами, снаряжение относится за счёт государства. По сути, предлагалась ликвидация войсковых структур, сложение с себя обязанностей, при сохранении льгот и привилегий.

Третий съезд Амурских казачьих войск постановил:

- сохранить казачество, как особую от прочего населения группу, имеющую свои культурно – бытовые исторически сложившиеся особенности;

- казачество уравнивать с другим населением, расходы на военную службу относить за счёт государства;

- сохранить войско, но с земской структурой.

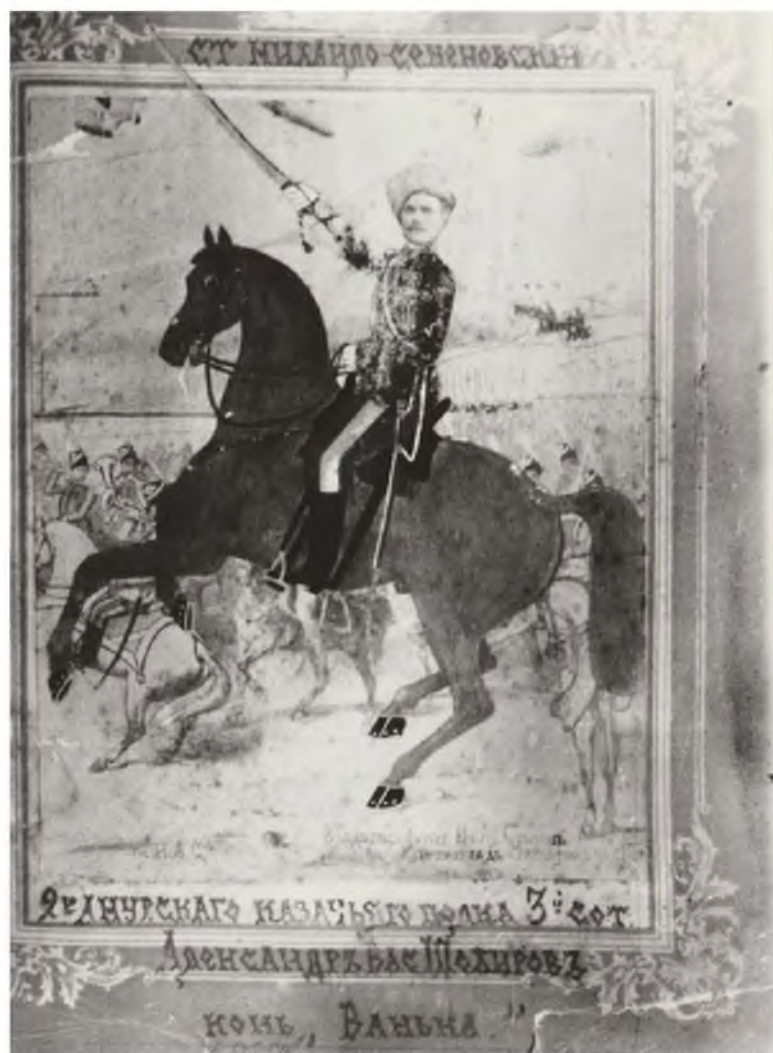
Кардинально менялась выборная система. Система выборщиков отменялась, делегаты избирались на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Принимали участие в выборах люди, достигшие 20 лет, голосовать допускались женщины. Но

реализовать в полной мере не удалось ни одного из принятых решений. Октябрьский переворот перевернул историю Амурского казачества. Появились новые структуры власти в лице советов, комиссаров, вызывающие смятение и непонимание у населения. Казачество разделилось на два лагеря – белых и красных. В 1918 году в Забайкалье под командованием Сергея Лазо было сосредоточено 3 тысячи красных партизан из бывших казаков.

Диктатура подталкивает общество к развитию демократических принципов управления. Война, разруха порождает диктатуру. В гражданскую войну это просматривалось с обеих сторон, но особенно жёстко у красных. В ответ на диктатуру большевиков, в 1918 году Колчак объявляет себя Верховным правителем России. Г.М. Семенов объявляет себя атаманом Забайкальского войска, главным начальником Приамурского края, походным атаманом Забайкальского, Амурского, Уссурийского казачьих войск. И. М. Гамов – атаманом Амурского войска. И.П.Калмыков – атаманом Уссурийского войска. Казачьи войска возглавили молодые, энергичные есаулы и сотники, по-своему представлявшие будущее казачества и России. Атаманы станиц и округов сохранялись.

В феврале 1918 года в г. Благовещенске была установлена Советская власть, взамен казачьих правлений созданы советы. В это время с западного фронта возвращается 2-й Амурский казачий полк. Во время февральских событий 1917 года он находился в Петрограде, видимо для наведения порядка в столице. Вернулся и мамин отец, наш дедушка Александр Васильевич Шохирев.

Из детских воспоминаний нашей мамы Феодосии Александровны, ей было 8 лет: *«В начале 1918 года с войны вернулся очередной отряд казаков, мы выбежали на улицу посмотреть на всадников, к калитке подъехал казак с красной полосой на папахе, бантом на груди. На ремне висели гранаты, через плечо перекинута пулемётная лента. Спешился, и только тогда я узнала отца. Отец сильно изменился, на удивление близких, стал атеистом, сторонником большевиков. Привёз пачку бумажных денег, которые обесценились, распорядился ассигнациями обклеить туалет. Вскоре был избран председателем сельского совета села Бабстово, но через полгода был арестован и посажен на три месяца в тюрьму. Мы часто рассматривали привезённые им фотографии, особенно нравился фотоколлаж, наклеенный на картон, где гарцевал на коне с шашкой отец, внизу написано «Второй Амурский казачий полк третья сотня, Шохирев Александр Васильевич, конь Ванька».*

*Александр Васильевич Шохирев. Конь Ванька.
1918 г. Петроград*

*Александр Васильевич и Елизавета Фёдоровна
Шохиревы с сыном Петром 1913г.*

Очередной казачий круг постановил не признавать Советскую власть. Уже 6 марта свыше 4 тысяч казаков во главе с Гамовым овладели городом Благовещенском и свергли новую власть. Через неделю казаков выбили из города войска – подошедшие из Забайкалья красноармейцы и красные казаки. Верные Гамову казаки ушли за границу в Китай. В сентябре казачьи войска вновь занимают Благовещенск, Советская власть опять низложена. Казачье правление просуществовало до февраля 1919 года.

В беспокойные годы гражданской войны боевые действия на территории Михайло - Семёновского округа не велись по причине отдаленности от железной дороги.

*Александр Васильевич Шохирев.
Дедушка*

Реальной исполнительной властью на местах оставались станичные правления. Иногда в станицу заезжали, по так называемой «колесухе» – грунтовой дороге построенной в 1908 году, небольшие казачьи отряды семёновцев, калмыковцев. Они стояли несколько дней на постое, пополняли запасы продовольствия и фуража, забирали лошадей и уезжали. Однажды зимой зашёл отряд вооружённых японцев, самураи очень спешили, нервничали, под угрозой расстрела забрали лошадей и проводника и умчались в сторону границы. Проводник и лошади домой не вернулись.

Из воспоминаний нашего отца Романа Григорьевича: «В

конце гражданской войны в Бабстово вошёл большой отряд красногвардейцев с пулемётами и пушками, стоял около месяца, бойцов разметили по казачьим семьям. У Бобровых поселили пятерых. Кормили солдат с общего стола. Когда после каши подали чай забелённый молоком, солдаты оживились.

– Что не нравится? – спросила Екатерина Даниловна.

– У нас дома пьют такой же чай, – засмеялись ребята.

– Из каких мест будете? – поинтересовался сидевший в стороне Лука Васильевич.

– Мы из Забайкалья.

– Так и мы из тех же мест, только приехали в эти края 60 лет тому назад. Завязался разговор, вскоре выяснилось, что парни были призваны из Цурухайтуйского уезда, а двое из станицы Ильдиканской, один, по фамилии Бобров, оказался дальним родственником».

Григорий Лукич избежал мобилизации, как белыми, так и красными. По казачьим законам призывать единого кормильца большой семьи, запрещалось. В то время в семье Бобровых было восемь несовершеннолетних детей. Власть станичных атаманов еще сохранялась. Но обучение молодых казаков прекратилось. Старшие дети Григория, Иван, Александр и Михаил не обучались боевому искусству, для казачества это поколение было потеряно.

В 1920 году было принято решение о ликвидации Амурского казачьего войска. Во время гражданской войны Дальний Восток оставался вне зоны влияния центрального правительства большевиков. Созданная Дальневосточная Республика, куда вошли Приморский край – крупнейшая территория от Чукотки до Владивостока, Амурская область, Якутия, Забайкальский край, стала буфером. Временное отделение Дальнего Востока от России с 1918 по 1923 годы, при всех недостатках, включая захват интервентами части территории, имело немало положительных сторон.

В дальневосточных территориях не отменялась система обращения металлических денег и валюты, не вводилась политика военного коммунизма. Казаки и крестьяне не знали продразвёрстки, когда у крестьян изымалось всё зерно. Не вводилась государственная монополия на торговлю зерном. Часто меняющееся правительство Д.В.Р. не стесняло коммерсантов. Кроме небольших станичных сборов казаки налогов не платили. Всё вместе взятое позволило избежать голода, но

Гражданская война разрушила экономику Дальневосточного региона. Транспортное сообщение по железной дороге было нестабильным, мост через Амур взорван. Национализированные промышленные предприятия не работали, сократилось производство продуктов сельского хозяйства.

«По данным налогового учёта количество, главной тягловой силы – лошадей на одно казачье хозяйство уменьшилось. В 1901 г. В среднем на одну семью приходилось по 6.8 лошадей, 1917 г. – 2.6 лошади, 1923 г. – 1.3 лошади. Количество крупного рогатого скота, свиней и овец практически не изменилось».

В экономическом отношении дальневосточное казачество к концу гражданской войны приблизилось к основной массе крестьянства. Завершение гражданской войны на Дальнем Востоке совпало по времени с объявлением в Советской России новой экономической политики (Н.Э.П.), когда была отменена монополия на торговлю, введена в оборот звонкая валюта, разрешались все виды хозяйственной деятельности. Часть ранее национализированных предприятий передано в аренду. Экономика стала оживать. В 1923 году все льготы казачеству были отменены, проведена земельная реформа, большая часть казачьих земель была передана крестьянству. Количество земли выделялось всем одинаково на каждого члена в семье. Бобровы от реформы не пострадали, в семье было 14 душ, количество пашни не уменьшилось.

В мае 1923 года вступил в силу закон «О едином сельскохозяйственном налоге», который заменил подворный, денежный, трудовой, гужевой, натуральный налоги.

В налоге предусматривалась градация платежа в зависимости от семейного достатка:

- семьи, не имеющие скота – 0 руб.;
- бедняки – 3руб. 2 коп.;
- середняки – 17 руб. 29 коп.;
- кулаки – 64 руб. 0 коп.

Содержать большое хозяйство оказалось невыгодно

Закон не определял чётко понятия бедняка, середняка или кулака. Всё отдавалось на откуп сельским и районным советам, где подавляющее большинство составляли бедняки.

Хочу обратить внимание на понятие «кулак». В дореволюционной России кулак – прижимистый, бесчестный крестьянин, который богатеет не своим трудом, а чужим, за счёт

ростовщичества и посредничества в торговле. После революции кулак – крестьянин, использующий труд наёмных рабочих, хотя бы временно, при недостатке рабочих рук в семье. С началом коллективизации в стране кулак – рачительный хозяйственник, сметливый трудолюбивый крестьянин, придерживающийся своих убеждений. Появилось ещё одно понятие – «подкулачник».

Прошло пять лет после завершения гражданской войны. Землю поделили поровну, на каждого члена семьи. Откуда такое расслоение в деревне? Все достаточно просто – происходит естественный отбор. Все люди разные и возможности у каждого свои. Большая семья Бобровых по размеру доходов попадала в число кулаков. И всё же, короткий период Н.ЭП. был благоприятным для развития крестьянских хозяйств. В этом году Григорий Лукич осуществил свою давнюю мечту – построил новый дом для большой семьи, с просторным залом и небольшими комнатами по обеим сторонам коридора. Дополнительным доходом семьи была охота в межсезонье. После завершения гражданской войны населению разрешили иметь гладкоствольное оружие, в народе его называли, «дробовиком». Осенью охотились на диких гусей и уток, прилетающих кормиться на убранные поля. Ходили и на серьёзного зверя: кабана, изюбря, косуль.

Из воспоминаний отца Романа Григорьевича: «Мы с братом Михаилом в начале октября 1926 года на лошадях выехали охотиться на косуль, в отрогах хребта Чурки, на всякий случай, взяли короб для дикого винограда, если встретится. Лошади спокойно шли по пробитой тропе, стояла солнечная погода, приятно пригревало солнышко, подъехали к зарослям винограда. Неожиданно лошади забеспокоились и вконец остановились, наши попытки прищипорить лошадей успеха не имели, животных била мелкая дрожь, они пятались и норовили развернуться и ускакать прочь. Перед нами открылась елань, заросшая сухой травой, в центре лежала толстая полусгнившая валёжина, над ней возвышалась огромная голова чудища, не мигая смотрящая на нас. Я замер, не отводя глаз от страшного взгляда, не было сил поднять руку. Первым стряхнул с себя наваждение Михаил. Сбросив с плеча дробовик он выстрелил дуплетом из двух стволов, заряженных жаканом. От выстрела лошади стремительно развернулись и понесли нас по тайге, не разбирая дороги. После такой встречи, желание охотиться у нас пропало. Отцу рассказали о случившемся он не поверил. Но любопытство не давало покоя. Через две недели

мы решили посетить место встречи с чудищем. Остатки удава лежали на месте, но вокруг в радиусе 20 метров все мелкие деревья были сломаны по корень. Видим, о змей бился в агонии. Высохший череп размером около 40 см. лежал недалеко от туловища. Звери пиروвали на бесплатной столовой не один день, dokonчили трапезу муравьи. Осталась несъедобная шкура удава длиной более 6 метров, шириной около 50 сантиметров. Вот такие «драконы» водились в Приамурье».

Вскоре женились и привели в дом невесток старшие сыновья Иван и Александр. В 1929 году женился младший сын Роман, мой отец. Единственная дочь из большой семьи казака Шохирева Александра Васильевича Феодосия была завидной невестой, певунья и плясунья, всегда модно одетая, она выделялась среди подружек. За ней пытались ухаживать многие парни, но она сердце отдала Роману. Пышной свадьбой не справляли, в смутное время это считалось неуместным. Расписались в сельсовете, и молодожёны на месяц уехали на заимку.

Заимка размещалась у родника, недалеко от сенокосных угодий. Небольшой дом, навес для скота были огорожены забором, в зимнее время здесь находился крупный рогатый скот, молодые и временно не занятые лошади. Вот так отмечали медовый месяц наши родители: поили, кормили, доили молоко, перерабатывали его на сметану, сбивали масло.

Из воспоминаний нашей мамы Феодосии: *«Отдыхать на заимке было некогда, весь день был занят. Через неделю приехали проведать нас свёкор со свекровью. Посмотрели, как ухаживаем за скотом, похвалили за порядок. Вечером поужинали, выпили немного вина и легли спать. Накануне мы поссорились с Романом и легли спать на отдельных нарах. Свёкор ничего не сказал, молча вышел на улицу, вернулся с вожжами и стал стегать сына.*

– Тятя, за что? – вскочив с нар, взмолился Роман.

– Женился, так живи, как положено, – произнёс в назидание отец». Это был уроком на всю жизнь».

С 1927 года все послабления, предусмотренные программой Н.Э.П. правительством страны сворачиваются. Принимается новый пятилетний план индустриализации и перехода страны на социалистические принципы хозяйствования. Начинается жёсткая компания силовой коллективизации крестьян в колхозы. Звонкая монета из оборота изымается и заменяется казначейскими билетами номинацией в 1, 3, 5, 10, 25 червонцев.

Нижние чины Уссурийского и Амурского казачьих войск

Братья казаки Сущёвы

Строительство железножоржного моста через Амур

Строительство железной дороги

Железнодорожный вокзал Хабаровск

КОЛХОЗ ДЕЛО «ДОРБРОВОЛЬНОЕ»

В 1929 году в селе Бабстово организовали колхоз. Настало время определять свою судьбу – вступать в колхоз, или искать работу, чтобы прокормиться. Уже были известны факты раскулачивания крепких крестьянских хозяйств, не пожелавших вступить в колхоз. Семьи были выдворены в спецпоселения, имущество конфисковано.

Учитывая размер хозяйства семьи Бобровых, точнее четырёх семей – раскулачивание было неизбежно. На семейном совете, после долгих споров, приняли решение – поделить имущество, оставить самое необходимое, остальное продать. Предполагалось подыскать место работы и уехать из села.

Сын Иван устроился работать плотником в строительной артели на станции Тихонькой, куда и переехал с женой и детьми Алексеем, Марией и Григорием. Сын Александр подрядился на строительство дороги, перебрался с женой и детьми Григорием, Михаилом и Феодосией в село Раздольное, в пяти километрах от железнодорожной станции Тихонькая. Название станции дали строители железной дороги Чита – Хабаровск в 1908 году.

На месте будущей станции они встретили единственного человека – казака Василия Тихоньких, он держал охотничью заимку у подножья сопки на берегу реки Биры и подрабатывал проводником в изыскательских партиях прокладывающих дорогу, Жил казак с большой семьёй в селе Надеждинское, в 70 верстах вниз по течению, в устье реки. Подняться по горной реке на лодке плоскодонке с шестом не каждому по плечу. Разве мог подумать Василий, что у подножия сопки будет построен город. Сопка будет названа его именем, а на её вершине потомками казаков поставлен металлический православный поминальный крест.

Сын Михаил ещё не был обременён семьёй. Работал в строительной организации на прокладке шоссейной дороги, от райцентра Михайло-Семёновского, через Бабстово, Унгун, Лазарево, Красивое, Бомба (Бирофельд) – до станции Тихонькой, жил на съёмных квартирах и общежитиях. Дочь Таисия вышла замуж за командира красной армии Мирошниченко и уехала в Хабаровск. Дочь Мария вышла замуж за лётчика Ангарского

Панфила и поселилась с семьёй в станционном посёлке Тихонькая. Дочь Елизавета вышла замуж за Шохирева Михаила Петровича, двоюродного брата нашей мамы, переселилась в пос. Песчаный, возле станции Ин. Григорий Лукич, с Екатериной Даниловной, похоронив отца Луку Васильевича в 1930 году, с дочками Ксенией, Анной и Дарьей переехали в посёлок Немецкий, сегодня Димитрово (на родину Екатерины Даниловны).

В огромном родительском доме в Бабстово, остались жить наши родители Роман Григорьевич и Феодосия Александровна. Вступили в колхоз «Труженик», добровольно передав в общее пользование сельхозинвентарь и лошадь. Отец поступил на курсы трактористов и вскоре успешно их закончил.

Весной на станцию Тихонькая прибыла партия тракторов «Фордзон – Путиловец». Новоиспечённые трактористы выехали за стальными конями. Опыта управления тракторами не было, навыки приобретались методом проб и ошибок. Тракторы рыскали по неровной дороге, съезжали в кювет, двигатели перегревались и глохли. Переезд занял более двух суток, от неумелого обращения часть машин во время марша были выведены из строя, их пришлось тянуть исправными тракторами. Встречать колонну тракторов вышло всё село. Представляете ощущение отца за рулём могучей стальной машины – первый парень на деревне! Да и лет-то ему в ту пору было – 19. Перед правлением колхоза колонна остановилась. Любопытные станичники, окружили тракторы на огромных колёсах с шипами, и с опаской разглядывали грохочущие, пышущие жаром машины. Ничего подобного им видеть не приходилось. Талантливый поэт – самородок Пётр Комаров, в стихотворении «Трактор» восхищается происходящими изменениями в деревне:

К нам в село комсомолец Карцев
Первый трактор пригнал в село.
Всё село – от юнцов до старцев –
Разговоры о нём вело
– Ну, конёк! Не конёк, а диво! –
Трактор щупали мужики.
По всему у них выходило,
Что пахать на таком – с руки.

Вскоре начались весенние полевые работы: вспашка земли, посев яровых. Тракторы стали незаменимой тягловой силой в колхозе, но не принадлежали ему, а были собственностью машинно – тракторной станции (МТС). Отец вышел из колхоза и поступил

трактористом в МТС.

Мама работала в овощеводческой бригаде. Женщины работали с холодком, а некоторые вообще отлынивали, но выработку делили поровну. Посмотрела мама на бригадную уравниловку и попросила бригадира учитывать её работу отдельно. Это вызвало раздражение в бригаде, но бригадир согласилась. Убирали лён, его нужно было вырвать, отряхнуть от земли и расстелить для сушки. За неделю мама убрала в два раза больше, чем бригада из шести человек. Уличённая в саботаже бригада написала жалобу председателю колхоза, обвинив маму в том, что она собирает вырванный ими лён и раскладывает на своём участке. Дело приобретало уголовный оттенок – приписка. Мама попросила создать комиссию и проверить её работу за рабочий день. В контрольный день мама постаралась, и убрала даже немного больше половины дневной выработки бригады. Бездельники были посрамлены, а выполненная ею работа стала учитываться отдельно. Семейная традиция родителей выполнять работу качественно и быстро всегда была примером для нас. Вскоре маму перевели в детский сад, она была на последнем месяце беременности.

Время шло, отец хорошо освоил трактор, с раннего утра до позднего вечера пахал землю, вывозил навоз на поля, подвозил на ферму сено. Возвращался домой в сумерках, в одежде запачканной грязью, пропахшей машинным маслом и соляжкой.

В конце 1930 года родилась дочка, назвали Марией. Мама вернулась работать в детский сад. Декретный отпуск в те времена не полагался. За малюткой ухаживала младшая сестра отца Дарья. Так и жили в большом родительском доме: отец, мама, маленькая Маруся и девятилетняя племянница Дарья. Держали небольшое хозяйство: корову, барана, подсвинка и несколько куриц, обрабатывали небольшой огород. Жили в зале огромного дома, где была русская печь, остальные комнаты были закрыты и не отапливались. Казалось, что жизнь сложилась. Небольшой заработок обеспечивал скромную жизнь. Не голодали. В свободное от работы время отца часто приглашали на охоту пограничники. Мама хорошо шила, за небольшую плату выполняла несложные заказы соседей. Отец хорошо играл на гармонии, его часто приглашали на семейные праздники.

Происходили изменения в семьях братьев и сестёр отца. Сестра Ксения уехала от родителей к брату Ивану на станцию Тихонькая. В семье брата Александра случилась трагедия – умерла жена. Он

привёз своих детей родителям на воспитание в посёлок Немецкий, а сам отправился на заработки на всесоюзную стройку нового города Комсомольска-на-Амуре. Ничто не предвещало беды, хотя, в народе ходили упорные слухи об арестах мужчин и выселению их семей.

Весна 1933 года была затяжной и дождливой. Вспашка земли в колхозе запаздывала, лошадей не хватало, тракторы вязли в грязи. Сроки посева зерновых срывались. Из Биробиджана приехал с проверкой уполномоченный МТС по фамилии Рубинштейн. Он располагал огромными полномочиями, вплоть до расстрела на месте, к сожалению отец этого не знал. Как обычно, он пахал на увалах, в низинах было сыро. Проверяющий возмутился, что вспашка ведётся клочками и приказал пахать всё подряд. Отец стал возражать, убеждая начальника в опасности утопить трактор. Уполномоченный не терпел возражений, пригрозил наганом. Отец, всегда остро реагирующий на несправедливость, выругался и поехал исполнять приказание. На втором круге трактор застрял да так, что его вытянули из грязи на третий день. Чтобы защитить честь мундира уполномоченный написал заявление в НКВД, обвинив в случившемся тракториста, признав случившееся вредительством. Обычная производственная конфликтная ситуация стала спусковым крючком начала репрессий против семьи Боброва Григория Лукича.

ОТ СУМЫ, ДА ОТ ТЮРЬМЫ НЕ ЗАРЕКАЙСЯ

В это время местные чекисты раскручивали уголовное дело 478 - 1933 – о контрреволюционном подполье «Амурцы». Очередной «участник подполья» был кстати. Об этом в газете «Биробиджанская звезда» 28 октября 2015 года был опубликован материал сотрудника ФСБ Владимира Журавлёва «Амурцы» – дело районного масштаба. В статье рассказывается, как сотрудниками ПП ОГПУ при ДВК Хабаровска было сфабриковано дело казаков бывшего Михайло-Семёновского района, якобы, готовивших восстание против Советской власти. За 8 месяцев 1933 года было арестовано 240 человек.

Проходил по этому делу и наш отец Бобров Роман Григорьевич. Из воспоминаний отца: «Вечером 3 июня, через неделю после конфликта с уполномоченным, я был арестован пограничниками, с которыми регулярно охотился. Под охраной увезли в село Михайло-Семёновское и посадили в подвал ОГПУ. В подвале было много мужчин из ближайших сёл. Некоторых я знал лично: братья Александровы, Усовы, Димовы, Бурковы, Ушаковы. Никто не знал причину ареста. Ночью не спали, шёпотом обсуждая случившееся. Утром, не предъявив обвинения, нас погрузили на баржу, на носу и на корме разместили расчёты с пулемётом «Максим». Стояла гнетущая тишина. Между тем, обвинение документально уже было подготовлено».

Постановление (копия из архива ОГПУ) «1933 года июнь 4 дня. Село Михайло-Семёновское:

Я, уполномоченный СПО ПП ОГПУ ДВК Шпилюков сего числа, рассмотрев следственные материалы на гр. Мищенко А. И., Калабина Н.Ф., Калабина А.А., Вахмина Е.В., Митрофанова А.Н., Ушакова С.М., Димова В.М., Димова И.В., Александрова Е.А., Вырупаева А.А., Александрова А.А., Усова И.Я., Макарова И.Т., Леонтьева В.П., Веслоколова П.А., Лопатина П.А., Ракова И.Н., Ракова П.Н., Буркова Ф.И., Дубогрызова И.Я., Приезжих А.П., Дубогрызова П.Я., Горбунова М.Ф., Ветопраха В.Г., Боброва Р.Г. и Усова И.Ф., обвиняемых в совершении преступления предусмотренного 58 -2 и 58-11 ст. УК и принимая во внимание,

что поступило приказание СПО ПП ОГПУ ДВК о направлении указанных выше лиц для содержания в ДВ Краевом изоляторе, а потому

Постановил:

Арестованных в числе 26 человек направить спец. конвоем в г. Хабаровск, в ДВ Край изолятор для дальнейшего содержания под стражей, зачислив их содержание за 2 отделением СПО ПП ОГПУ ДВК.

Уполномоченный СПО ПП ОГПУ ДВК Пильников.
«Согласен» Зам. Коменданта. Мих. Сем. Погранучастка
ОГПУ Мотох».

(текст Постановления приводится доподлинно)

Обратите внимание, решение принимает уполномоченный, а не суд. Я специально поместил весь текст постановления об аресте, родственники арестованных будут вместе с нашей семьёй высланы в спецпоселения.

Из воспоминаний отца Романа Григорьевича: «До Хабаровска шли сплавом неделю. Людей не кормили, питались тем, что успели взять с собой из дому. В трюме баржи было жарко и душно, поили заборной водой, в туалет выводили к борту баржи под конвоем. В Хабаровске от пристани до пересыльной тюрьмы вели под усиленным конвоем. Тюрьма размещалась на улице Гамарника. Большие недели сидели в подвале, казалось, что про нас забыли. Кормили плохо, постоянно хотелось есть. В конце июня стали вызывать на допросы, некоторых били, да так, что те теряли сознание. Окровенных, в беспамятстве, их приносили в камеру. Вскоре вызвали на допрос меня. Дело вёл молодой следователь. Вопросы были стандартные.

– Где родился?

– Какого года рождения?

– Чем занимался до ареста?

Зачитал обвинение. Меня обвиняли в контрреволюционной деятельности и участии в обстреле парохода под городом Благовещенск в 1918 году. Предъявили справку об имущественном положении нашей семьи, где социальное положение определено – кулак. Хотя на момент ареста в хозяйстве была корова, поросёнок и пять куриц (протокол ареста прилагается). Подписал справку председатель сельского совета с. Бабстова Димов, кстати, дальний родственник.

– Что же ты делал во время обстрела, патроны подносил, ведь тебе ещё восьми лет не было? – с усмешкой спросил следователь. Я пожал плечами, что можно было сказать на это нелепое обвинение. На допрос меня больше не вызывали. Прошёл июль, август, половина сентября, нас держали в подвале. От голода начались болезни среди заключённых, свирепствовала цинга, дизентерия, донимали несметное количество паразитов.

В сентябре команду заключённых, в том числе и меня, под конвоем, отправили копать картошку на пригородном хозяйстве в пос. Волочаевка. Работали весь световой день. Нас не кормили, но разрешили жарить в костре картошку. Мы не возражали, картошка хорошо утоляла голод. Похолодало, а мы были в летней одежде. Завхоз пообещал подобрать нам из бывшей в употреблении тёплой одежды. Нас привезли к большому складу, заполненному поношенной одеждой и обувью. Выбор был большой. Мы по очереди ходили к вороху зимней одежды и подбирали себе по размеру. Мне достался флотский бушлат. Сашке Александрову – старый изрядно поношенный бешикет. Он долго его рассматривал и неожиданно зарыдал. Слёзы заливали его лицо, он не мог говорить. Немного успокоившись, продолжая всхлипывать, он выдал застревавшие в горле слова: «Это одежда моего старшего брата. Его арестовали ещё в январе. О его судьбе ничего не было известно. А его уже нет в живых». Мы знали, что перед приведением в действие приговора о смертной казни осуждённых раздевали до нательного белья. Но осознание того, что мы подобрали себе одежду, казнённых узников, повергло нас в ужас. Сколько же человек лишены жизни, если одеждой забит огромный склад?

В ноябре нас вернули в подвал пересыльной тюрьмы и ежедневно привлекали на хозяйственные работы: разгрузку угля, дров, уборку мусора. Однажды уголь привезли под вечер, и выгрузка затянулась до поздней ночи. При тусклом свете фонаря мы перебрасывали уголь в котельную, шёл снег. К подвалу подъехали два грузовика, в них загрузили покойников в нижнем белье, накрыли брезентом и увезли. Мы прекратили работу, оторопев от увиденного. Молча проводили взглядом уезжающие автомобили. Кого из нас ожидает такая же участь? Однажды ночью Воропаева, Александрова и меня вызвали с вещами на выход. Вновь состоялись допросы. Я зашёл к следователю назвал свою фамилию, следователь полистал бумаги и дал команду конвоиру увести меня в подвал и привести

Буркова. Больше мы его не видели.

Меня продолжали использовать в тюрьме на хозяйственных работах. Я невольно стал свидетелем ещё одной, леденящей душу, картины. Около трёх часов ночи пять саней, запряжённых лошадьми, загрузили телами убитых, накрыли оцинкованным железом и увезли. Ходили слухи, что их хоронили в братских могилах за городом. На месте тех захоронений при входе в Хабаровское кладбище в 90-е годы была поставлена часовня».

17 ноября 1933 года, так называемое, следствие завершилось. Суда не было, решение принимала «тройка» при ПП ОГПУ по ДВК.

- 7 человек не дожили до суда;
 - 84 человека были приговорены к расстрелу;
 - 113 человек приговорены, к исправительным трудовым лагерям, сроком от 3 до 10 лет;
 - 15 человек получили по три года ИТ Л, условно;
 - 14 человек отправили в спецпоселения без срока давности.
- Среди последних «счастливиц» оказался и наш отец.

Из воспоминаний отца:

– Семнадцатого ноября нас привезли в управление Дальлага (Дальневосточное управление лагерных работ). Первого вызвали Александрова. Через короткое время он вышел. Живой, «дали 10 лет исправительных работ» радостно произнёс он. Такой же срок получил Воропаев. Зимину, как участнику боевых действий под Волочаевкой на стороне красных, дали 5 лет тюрьмы. Братьям Бочкаревым, Корнилову Кириллу и мне – ссылка в спецпоселение под надзором спецкомендатуры, без ограничения срока пребывания. Мы не представляли, что нас ждёт впереди, но радость, что остались живы вселяла надежды. Не знали мы, что наши родственники давно высланы в спецпосёлки Оборской ветки Хорского леспромхоза, строящегося г. Комсомольска на Амуре и другие стройки социализма.

В конце декабря меня под конвоем, доставили в спецкомендатуру пос. Бичевая и передали документы. Истощённый, в изодранной не по росту одежде, я представлял жалкое зрелище. Комендант критически посмотрел на горемыку и заполнил направление.

- Будешь работать на лесоучастке Ходы. Очень хотелось есть.
- Денег немного одолжите на дорогу, я верну, – на всякий случай спросил.

Комендант почесал затылок, махнул безнадёжно рукой, достал

из кошелька десять рублей и передал мне.

– Вернёшь когда заработаешь, – сказал он, прекрасно понимая, что деньги не вернут.

С первым обозом меня отправили в Ходы. Стояли трескучие декабрьские морозы, ветхая одежда плохо защищала от холода. Чтобы не замёрзнуть, шёл рядом с санями, когда стал отставать, возникший сжалился, предложил сесть рядом и укрыл тулупом. Немного отогревшись, я попросил моего спасителя рассказать о посёлке, где предстояло отбывать ссылку. Помолчав, видимо оценивая что можно сказать незнакомому человеку, мой собеседник начал рассказ.

– Посёлок zaloжили более 60 лет назад староверы, переселившиеся из Сибири. Посёлок, где проживали исключительно староверы, отделяла от мирской жизни горная река Хор. Пять лет назад в посёлке открыли лесоучасток Хорского леспромхоза и заготовительную контору. На высоком левом берегу реки построили несколько бараков – общежитий, столовую, клуб и контору, в 1930 году в поселке организовали специально поселение для бывших кулаков и заключённых, отбывших свой срок наказания. Зимой готовят лес, свозят его на берега реки, а летом сплавляют до посёлка Хор для нужд лесозавода. Ты, наверное, тоже один из них?

– Что по одежде не видишь –, огрызнулся я. За разговором незаметно подъехали к посёлку. – Тебе в контору, – указал на крайний барак извозчик, – а мне к кооператорам. Я поблагодарил попутчика и направился в контору. Начальник участка взял мои документы, критически посмотрел на мою хлипкую фигуру и, не терпящим возражения голосом, произнёс: «Пойдёшь в бригаду сплавщиков, к Архипу Пенясову, другой работы нет».

В конторе дали направление в бригаду сплавщиков, состоящих наполовину из староверов. Мой измождённый вид не внушал доверия, бригада брать меня не хотела. С лёгкой руки Павла Циркина, меня окрестили «доходягой». Бригадир Архип Пенясов настоял, бригада нехотя согласилась.

В бухгалтерии я попросил аванс до первой получки, но денег не дали, отправили в столовую договориться самому с поварами. Мой внешний вид не нравился поварихам, и кормить меня в долг они отказали. Стемнело, мучил голод, от безделья пошёл в клуб, где слышались звуки гармонии. В клубе собрались молодые девушки, парни, в том числе и поварихи. На стуле сидел очкарик-счетовод,

отказавший мне в авансе, и пиликал на гармошке. Молодёжь скучала, лузгала семечки, негромко разговаривала. Я попросил гармонь поиграть, парень с облегчением передал мне инструмент, устав от бесплодных попыток подобрать мелодию. Взяв гармонь, я пробежал пальцами по клавишам и начал вспоминать мелодии – краковяк, затем вальс, молодёжь закружилась парами, закончил плясовой барыней. Через полчаса устал и передал гармонь счетоводу. Публике понравилась моя игра. На просьбу девчат продолжить танцы, я им вспомнил, как они меня накормили. Утром в столовой меня накормили досыта и впредь кормили в долг до первой получки.

В первый день работы в бригаде мне пришлось доказывать, что работать умею не хуже их, презрительное отношение сменилось на уважение, некоторые приёмы штабелёвки леса которыми я владел, для них были открытием. Жизнь входила в размеренный ритм. Днём работал, вечерами развлекал молодёжь на гармонике. Мне в ту пору было 22 года. О семье особенно не беспокоился, считал что жильём и работой она обеспечена, отец не далеко, в случае чего поможет. Писем пока не писал, кроме того что жив сказать было нечего. О переезде семьи в Ходы не могло быть и речи».

Между тем, судьба жены, детей, близких родственников была не менее трагична. Пока проводились следственные мероприятия по делу «Амурцев», все семьи арестованных были высланы в спец. поселения. Организация управления, порядок размещения, правила проживания спецпереселенцев до мелочей определены Постановлением Ц.И.К. и С.Н.К. Союза С.С.С.Р. от 1 февраля 1930 года «О специальных поселениях». По сути, это было подобие гетто. Ограждений колючей проволоки вокруг поселений не было, но выход за пределы отведённых территорий запрещался. Отказ от работы, невыполнение нормы выработки, нахождение на территории посторонних без разрешения уполномоченного наказывались штрафом в 50 рублей, или арестом до месяца. За отсутствие в посёлке более 3 х дней предусматривалась уголовная ответственность.

Спецпоселения размещались в крупных леспромхозах, возле угольных шахт и рудников, химических заводов, совхозов, крупных строек – везде, где требовалась рабочая сила, но не было элементарных условий жизни. В 1928 году началось строительство крупнейшего на Дальнем Востоке Оборского леспромхоза с

круглогодичной заготовкой, переработкой древесины и её доставкой по железной дороге на любую стройку страны. Через два года леспромхоз был построен, было проложено 50 км. железной дороги широкой колеи, в будущих лесопунктах построены бараки. Первая партия наёмных рабочих, не имеющих опыта валки леса и не приспособленных к тяжёлым условиям работы в тайге, задержалась не долго. Работать зимой при 40 градусном морозе, по пояс в снегу, летом в жару, при несметном количестве гнуса, желающих не было. Завезённые в 1929 году из Биробиджана евреи-переселенцы, разбежались через месяц осев в Хабаровске, Владивостоке, Благовещенске. Выход был найден – Оборская ветка была объявлена ударной стройкой первой пятилетки и стала местом ссылки политически неблагонадёжных: кулаков, казачества, крестьян, рабочих, интеллигенции. В 1930 году сюда было выслано два этапа по 35 семей, примерно 200 человек, в 1931 году четыре этапа – около 350 человек, в 1933 – шесть этапов, около 200 семей – общей численностью более 1500 душ.

Решением «тройки Биробиджанского района ДВК (Дальневосточного края)» :

«По выселении кулаков в спец поселение п. Сита, р-на им. Лазо хабаровского края» от 31 августа 1933 года выслать:

- Боброва Григория Лукича 1885 г. рождения отец;

- Боброву Екатерину Даниловну 1882 г. рождения жена;

Александр Григорьевич 1905 г. сын;

Григорий Александрович 1925г. внук;

Михаил Александрович 1927 г. внук;

Феодосия Александровна 1930 г. внучка;

Михаил Григорьевич 1909 г. сын;

Таисия Григорьевна 1912 г. дочь;

Ксения Григорьевна 1918 г. дочь;

Мария Григорьевна 1907 г. дочь;

Анна Григорьевна 1919 г. дочь;

Дарья Григорьевна 1921 г. дочь».

Включённые в список дочери Мария и Таисия не могли быть высланы, поскольку были замужем и носили другие фамилии. Более того, Таисия, с мужем офицером Красной армии, уехали в Западный военный округ. Избежала ссылки и Ксения, накануне она вышла замуж за Якунина Николая – главного пожарника станции «Тихонькая». Александр Григорьевич, оставив детей на попечение родителей, уехал на заработки в строящийся город

Комсомольск. Михаил Григорьевич с родителями не жил, завербовался на строительство дороги Михайло-Семёновская-Тихонькая. Почему не был выслан с семьёй Иван Григорьевич 1904 г. рождения – загадка.

Решением «тройки» П.П. О.Г.П.У. ДВК от 17 ноября 1933г., отец осуждён по ст.58-2-11 УК РСФСР с высыланием в спец поселение посёлок Сита р-на им. Лазо Хабаровского края, без права выезда и срока давности.

Бобров Роман Григорьевич 1911 г. рождения;

Боброва Феодосия Александровна 1909 г рождения жена;

Мария Романовна 1930 г. рождения дочь;

Галина Романовна 1933г. рождения дочь.

В сентябре в пос. Сита прибыл очередной этап переселенцев из 35 семей, в том числе семья Григория Лукича. Вывезли тех, кто жил с ним: жену Екатерину Даниловну, дочерей Анну и Дарью, и внуков – Григория, Михаила и Феодосия. Прибывших поселили в барак, оставшийся после заключённых, строивших железную дорогу. По сути, это была казарма с печкой для обогрева в зимнее время, но без мебели. Пищу готовили по очереди, спали на полу. Территория семьи была обозначена парой простыней, подвешенных к потолку. Люди голодали. Существовала карточная система распределения продуктов строго по нормам. Работающий получал 400 грамм, иждивенец 200 грамм хлеба, немного крупы, постного масла. Купить продукты по коммерческим ценам можно было только в городе Хабаровске. Нужны были деньги, а где их взять, если работал только Григорий Лукич. Привезённые с собой продукты закончились быстро. Оставленные Александром на попечение родителей дети больше всех страдали от систематического недоедания.

Чтобы спасти внуков от голодной смерти бабушка Катя получила временный пропуск и увезла детей в Хабаровск. Пригородный поезд прибыл на городской вокзал в полдень. Вышли на привокзальную площадь.

– Бабушка, я хочу кушать, – пролепетала внучка. – Отдохните пока на скамейке, а я схожу за едой. Если меня долго не будет, вы никуда не уходите, дождитесь меня, – с трудом произнесла Екатерина Даниловна, сдерживая слёзы.

Зашла за угол дома, проплакалась и стала наблюдать за детьми. Было прохладно, дети прижимались друг к другу, чтобы согреться. Бабушка не приходила. Дети стали беспокоиться, внучка Феодосия

плакала. Гриша с Мишей стали успокаивать сестрёнку, но она не унималась. К детям подошёл милиционер, стал расспрашивать детей и забрал их в участок. Это было безжалостно и жестоко со стороны бабушки – детей, по сути, второй раз предали. Вначале отец, а теперь и бабушка. Не нам их судить. Жизнь показала, что бабушка поступила разумно. Жестокий поступок позволил сохранить им жизнь.

Из воспоминаний мамы Феодосии Александровны: *«В это время я жила ещё в Бабстово. О судьбе мужа никакой информации не имела. На неоднократные обращения в районное управление ОГПУ получала один ответ: «Не располагаем сведениями».*

Вскоре она узнала, что выслали свёкра с семьёй, уехала с родителями и надёжная помощница Дарья. В колхозе закончились сельскохозяйственные работы. Маму из колхоза исключили. Не приняли во внимание, что женщина была на последнем месяце беременности. Жить становилось всё труднее.

К этому времени все мамины родственники уже выехали из Бабстова. Александр Васильевич и Елизавета Фёдоровна с сыновьями Евгением, Егором и Изотом переехали в село Раздольное, возле станции Тихонькая. Поселились на государственной пасеке. Пригодилась многолетняя практика домашнего пчеловодства. Абрама призвали на срочную службу в РККА. Захар женился на Прасковье Астафьевой и жил в поселке на станции Тихонькая. Окончив курсы шофёров он развозил на полutorке строительные материалы на многочисленные стройки будущего города. Надеяться на помощь родственников не приходилось.

Оставшись одна, наедине с огромным количеством проблем, нарастающими как снежный ком, мама готовилась к худшему.

– Соседи сторонились, при встрече старались перейти на противоположную сторону улицы, боялись разговаривать. – вспоминала она. Я понимала, что меня тоже могут выслать в любое время и готовилась тщательно. Сушила в печке сухари, лук, морковь, картофель. Попросила соседа заколоть подсвинка. Мясо продала. Засолила немного сала. Зерно в достатке получила в колхозе за трудодни. В середине октября, когда стала подмерзать земля, пришёл молоденький сотрудник ОГПУ и зачитал мне решение о выселении в течение 24 часов.

– Куда переселяться? – спросила.

– А куда глаза глядят – посоветовал юноша.

– Кстати, корову передайте в колхоз, за ней там будут ухаживать. – Корову я не отдам, без молока дети не выживут, – решительно заявила ему.

– Офицер попытался вывести корову из сарая. Я схватила хват и преградила ему дорогу. Драться с женщиной он не решился, махнул рукой и ушёл со двора. Нужно было собирать вещи и готовиться к отъезду. Из сельсовета по телефону связалась с пчелосовхозом и попросила передать отцу просьбу прислать лошадь. Утром на лошади, запряжённой телегой, приехал брат Егор. Погрузили вещи, корову привязали к телеге. По старой укатанной дороге ехать не разрешили. Пришлось развернуться и ехать новой недостроенной, в булыжниках и ухабах. Поездка по замёрзшим комьям земли была настоящей пыткой. Маленькая Маруся мужественно терпела тряску, с интересом разглядывая проплывающие мимо деревья. Галину я держала на руках. В местах особо сильной тряски я спускалась с телеги и шла рядом. Заночевали в посёлке Бирофельд. Ехали почти двое суток. Пасека, где жили родители, размещалась за околицей. Большая усадьба, огороженная забором из жердей, была заставлена рядами ульев, небольшой дом, омшаник, лёгкий навес для пустых ульев, сарай для скота, амбар и колодец – всё, что необходимо для нелёгкого труда пасечника. Встретили радушно, особенно рады моему возвращению были братья.

– Ничего дочка, будешь жить у нас, места хватит. Отдохнёшь, подрастут дети, а дальше будет видно, – успокаивал отец.

Тишина и покой родительского дома напомнили счастливые годы юности, но на душе было тревожно. Мои тревоги были обоснованными. Через две недели пришёл милиционер и вручил отцу предписание о немедленном освобождении государственной квартиры посторонними. Попытка отца убедить участкового в том, что я его дочь не увенчалась успехом, более того, он пригрозил выселить всю семью. Горько было покидать родителей с двумя малолетними детьми на руках, не зная, где найду крышу над головой. Корову оставила родителям. Сборы были недолгими. Егор запряг лошадь, отвёз нас на вокзал и помог занести вещи в зал ожидания. Вокзал размещался в длинном деревянном бараке с северной стороны железнодорожных путей. В зале было много женщин с маленькими детьми, их вещи лежали кучками возле стены, рядом на полу играли дети. Никто не торопился на поезд. Женщины разговаривали между собой, как хорошо знакомые люди.

– Цыганский табор, – первое, что пришло мне в голову. – Но они не похожи на цыган и разговаривают на русском, – стала размышлять я, укладывая вещи у стены.

Рядом на полу сидели пятеро детей, старшей девочке было лет десять. Подошла женщина, поздоровалась с грустной улыбкой,

– Здравствуй Феня, давно с тобой не виделись. Мне сказали, что ты уехала к отцу, а вы тоже ждёшь своей участи. – Мужа моего арестовали в июле, никаких вестей от него нет. Нас выслали из села в октябре, живём на вокзале вторую неделю.

Это была Прасковья Бибченко, мы вместе работали в овощеводческой бригаде.

– Почему долго не уезжаете, – спросила я. – Ты видишь, сколько таких же несчастных как мы не могут выехать. Тебе тоже не продадут билет без разрешения военного коменданта. Выехать мы можем только в специальные поселения. Нам уже кличку дали – спецпереселенцы. Сейчас готовят партию в Сибирь, буду соглашаться, жить на вокзале опостылело. – Как же похожи наши судьбы, – подумалось мне.

– А что же мне делать? Куда ехать? Возвращаться к своим родственникам нельзя – выселят. Поехать в неизвестную Сибирь – значит погубить малолетних детей и потерять мужа. Нужно пробиваться к Бобровым. Принятое решение придало мне силы.

Накормила детей, укрыла одеялом и незаметно задремала. Проснувшись в полночь от громких голосов уборщиц, «Просыпайтесь, покиньте помещение для уборки» – требовали они, толкая спящих пассажиров. Укутав наспех детей, вышла на мороз. Над перроном звучал плачь разбуженных ребятишек и голоса проклинающих существующие порядки родителей.

– Это что так каждую ночь? – спросила я Прасковью. – Да, говорят что так положено. – Нужно завтра собрать женщин с грудными детьми и сходить к начальнику станции, попросить делать уборку в другое время, – предложила я. – Попробуй, если кто согласится.

Согласились только трое. Подождав, когда вышел посетитель, мы без приглашения, с плачущими детьми зашли в кабинет. Наше агрессивное настроение начальнику станции ничего хорошего не сулило, он тут же вызвал по телефону дежурного милиционера.

– Что же вы над людьми измываетесь, гражданин начальник. Вам доставляет удовольствие выгонять ночью спящих детей на мороз? – задала я вопрос. Неужели уборку нельзя сделать днём?

Начальник станции выслушал меня. – Покупайте билеты и уезжайте, чего вы живёте на вокзале, – удивился Вендеров Г.И.

– А вы билеты нам продадите без разрешения коменданта? – подключилась Прасковья, повышая голос, – и куда нам ехать? Пока нас не отправят, вокзал наш дом. В кабинет вошёл милиционер и вытолкнул нас на улицу, пригрозив, что в следующий раз арестует. Ответа мы не получили, но уборку стали проводить днём.

Вокзальная жизнь спланивала людей. Помогали друг другу, присматривали за детьми, если мать отлучалась. Обменивались продуктами. Охраняли вещи, когда женщины ночью тайком ходили к знакомым помыться детей и самим помыться.

– Через неделю семьи, согласившиеся выехать в Сибирь, отъехали в Абакан. Уехала туда с детьми и Прасковья Бибченко. В зале ожидания стало свободнее. Раз в неделю я ходила в ОГПУ, чтобы узнать вести о муже, мне отвечали стандартно – сведениями не располагаем. Прошёл месяц, мне предлагали выехать в спецпоселения Амурской области, но я не соглашалась. Наконец, в конце ноября мне сообщили о месте проживания семьи Бобровых и разрешили выехать в посёлок Сита в районе им. Лазо. На вокзал продолжали прибывать новые семьи обездоленных людей. Репрессивный молох работал исправно.

Вокзал станции Тихонькая. Здесь в 1933 г. месяц прожила с грудным ребёнком Феодосия Александровна Боброва.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ

Из воспоминаний нашей мамы Феодосии Александровны:
– До места ссылки я добралась на удивление быстро. На следующий день была в Ситинской комендатуре и предъявила своё направление. Комендант забрал документ, внимательно прочёл и поручил конвоиру проводить до барака, помочь нести вещи. Когда вошли в барак, мне почудилось, что я вернулась в зал ожидания вокзала, только большего размера и без мебели. Нам показали место, обозначенное двумя простынями, прикрепленными к потолку, где жили Бобровы. Мой приезд не обрадовал свекровь Екатерину Даниловну, она недавно определила в приют внуков от сына Александра, а тут ещё две малышки, чем их кормить? Всё, что привезла с собой, отдала свекрови на общий стол. На ужин сварили суп из сушёной картошки, заправили кусочком сала. Вернулся с работы покрытый инеем свёкор. Радостно обнял невестку.

– Слава Богу, семья собирается! Что слышно о Ромке?

– Не знаю, каждую неделю ходила в отдел ОГПУ, спрашивала, говорят у них нет сведений. В середине октября из дома выселили, переехала к отцу в село Раздольное, опять выселили. Полтора месяца прожила на вокзале станции Тихонькой. Вчера разрешили выехать к вам. Буду рада, если примете.

– Хватила ты девка лиха, да ещё с маленьким детьми, – качая головой, вымолвил Григорий Лукич.

Утром, оставив детей на попечение Дарьи и свекрови, пошла, устраиваться на работу. Поставили в пару со свёком валить лес недалеко от бараков, работать полный день не могла, нужно было кормить грудью ребёнка. Вскоре меня перевели возчиком леса по ледянке. Это такая дорога, где следы от полозьев саней поливались водой, образовавшаяся корка льда позволяла перевозить тяжёлые брёвна одной лошадей. Я продолжала поиски мужа. В феврале в комендатуре сообщили, что муж жив и находится в ссылке в селе Ходы на реке Хор.

Получив пропуск в марте, с грудным ребёнком и сестрой мужа Дарьей, я поехала на поиски мужа. Поездом до станции Верино, дальше, на лошадах до Бичевой, и последним обозом до пос. Ходы. Зашла в контору.

– У вас работает Бобров Роман, – спросила мужчину в очках.

– А вы кто ему будете? – поинтересовался очкарик.

– Жена.

– Странно, – мужчина загадочно улыбнулся, – он никогда не говорил, что женат. Я провожу вас в общежитие, где он живёт. Парень провёл нас в комнату.

– Вы здесь располагайтесь, Роман скоро придёт.

Комната была неухоженная, на гвоздях висела рабочая одежда, под кроватями вещьмешки, на полу шелуха от семечек. В коридоре слышались шаги вернувшихся с работы мужчин. Дверь открылась, вошёл худой мужчина в поношенной одежде и разбитых сапогах. Его лицо засияло от счастья, мы обнялись, слёзы застилали глаза.

– Как вы здесь оказались? Как нашли меня? Где живёте? – сыпал вопросами Роман.

– Не торопи, всё расскажу. Посмотри дочку, скоро полгода будет. Отец бережно взял на руки ребёнка, ласково поцеловал.

– Как называли? – Галиной.

– Красивое имя. Господи, вы же проголодались, пойдём в столовую пока не закрылась. Поужинали сытно, я удивилась доступности питания, как в другом государстве. Во время нашего ужина внимательные соседи по комнате перебрались в соседнюю комнату, освободив нам две кровати. Дарья вскоре заснула, а мы с Романом проговорили всю ночь. На третий день, рано утром, отправились обратно. Заканчивался срок действия пропуска, а тёплая погода быстро разъедала лёд.

Переправу через реку Хор уже закрыли. Лёд на реке быстро таял, в чёрных проталинах бурлила вода, можно было провалиться. Нашли с Дарьей на берегу старую доску и сухую палку. Передвигались, ползком опираясь на них и подталкивая вперёд санки с ребёнком. Бог хранил нас, перебрались благополучно. По разбитому зимнику шли пешком, пока нас не подобрал охотник на лошади, запряжённой в сани с мороженым мясом. У него закончился сезон охоты. На следующий день, мы вернулись в Ситу. Тяжёлая поездка закончилась благополучно. Я была счастлива, муж жив и здоров, скоро будем вместе».

Из воспоминаний отца Романа Григорьевича:

– В начале мая 1934 год, меня под конвоем доставили в посёлок Бичевая. Комендант был занят, распределяли по участкам очередную группу спецпереселенцев. Вызывали бывших заключённых по одному. Я ждал в коридоре, когда дойдёт очередь до

меня. Перебрасывались друг с другом короткими фразами. Конвоир разговаривать запрещал.

– Как жилось на лесоповале? – спросил, шамкая беззубым ртом, пожилой мужчина, получивший направление в пос. Ходы. Ответил, что работа тяжёлая, кормят не плохо, конвоя нет, живём в общежитии. Наконец, дежурный вызвал меня.

– По вашему ходатайству принято решение о переводе в Оборский леспромхоз, для воссоединения с семьёй, – сообщил комендант, не глядя на меня читая документ.

– Спасибо гражданин начальник, – поблагодарил я, – но хочу вернуть вам деньги, одолженные мне в декабре прошлого года. Протянул ему десятирублёвую купюру.

– Надо же, не забыл, – удивился комендант.

На новое место ссылки меня опять сопровождал конвоир. Вышли из теплушки на станции Сита, огляделся. Посёлок небольшой, вдоль железной дороги пробита улица с десятком бараков. К железнодорожному полотну прилепились станция, нефтебаза, многочисленные склады и эстакада для отгрузки леса. Везде видны свежие пеньки срубленных деревьев. С юга вплотную к посёлку подступала тайга.

Комендатура размещалась в бараке. Дежурный комендатуры взял мои документы, зарегистрировал.

– Ступай в контору лесопункта, там определишься с местом работы и получишь продовольственные карточки.

Контора размещалась с противоположной стороны барака. Начальник участка встретил приветливо.

– Рассказывай, что умеешь делать.

– Да много чего, – начал я перечислять, – сеять, пахать, косить, управлять колёсным трактором. В последнее время валил и сплавлял лес в Ходах на реке Хор.

– Ценный специалист, – пошутил технорук, – но сегодня у меня некому точить пилы и топоры, с завтрашнего дня пойдёшь в инструментовку. Дальше посмотрим, умелые руки везде нужны. С родными виделся?

– Нет ещё, а где они живут?

– В бараках за речкой. Вернёшься назад по железной дороге, спустишься за мостом, справа увидишь посёлок. Пошёл по шпалам, мимо стрелочной будки, семафора, слева от дороги – кладбище, обратил внимание на большое количество свежих могил.

– Не сладко живётся переселенцам, – размышляя я, спускаясь к

мосту. Справа вдоль дороги тоже были могильные холмики, но без крестов.

– Заключённые лежат, – подумал, вспоминая, как хоронили узников пересыльной тюрьмы. С правой стороны лес был вырублен, между пеньков петляла дорога. Мост возвышался над заболоченными берегами речки, поросшими густым ивняком, дикими яблонями и черёмухой. С него хорошо были видны бараки посёлка, который в народе называли «23 километр». За ним стеной стоял строевой лес. Поднялся по кособокому, стали видны штабеля брёвен вдоль железной дороги. Платформы, стоящие в тупике, загружали рабочие, закатывая брёвна верёвками. Слышался звон пиlorамы и знакомый звук работающего дизеля.

По разбитой телегами дороге прошёл к баракам. Тёплый ветерок расклевывал на верёвках постиранную одежду. На подсохшем дворе раскинулась ватага ребятишек. Спросил, где живут Бобровы.

– Я знаю где, там Даша живёт, – согласился проводить подросток лет десяти. Двери барака были открыты настежь. Зашёл и опешил. В огромной комнате было более полусотни людей разного возраста. Вещи сложены кучей вдоль стен. Некоторые семьи отделялись друг от друга простынями, тонкими одеялами, привязанными к потолку, некоторые спали на полу. В середине, на большой печи с плитой, женщины готовили пищу. Воздух был пропитан запахами пота, сырости, табака.

– В тюрьме и то были нары, – подумал я. Встретила меня со слезами мама Екатерина Даниловна и младшая сестра Дарья. Дочка Мария пряталась за бабушку – забыла меня. Отец, брат Михаил и жена Феодосия были на работе.

Вечером всей семьёй собрались за сколоченным кем-то на улице из необструганных досок столом. Ужин был скромным, жидкая перловая каша и чай, заваренный сухой морковью, с небольшим кусочком хлеба. Отец рассказал о своих мытарствах в тюрьме и ссылке, постепенно разговор перешёл на самую острую тему голода.

– Нужно что то делать, ребята, на таких харчах, мы долго не протянем, а без молока не сохраним маленьких детей. Подберём подходящее место подальше от барака, раскорчует землю и посадим, что успеем. Вывезли нас сюда надолго, нужно добиваться разрешения и строить собственный дом, сушняк кругом валяется много.

– А где купить семян картошки, пропуска никому не дают,

– возразила мама. Разговор остался незаконченным. Поздно вечером, при слабом свете лампы расстелили на полу матрасы, набитые соломой и легли спать. Рано утром я отправился в инструментальную, осмотрел инструмент: двуручные пилы, топоры, багры, металлические клинья. Некоторый инструмент требовал заточки, замены рукояток и черенков. Подходили женщины, молча брали пилы, топоры и клинья.

– Вы куда собрались? – спросил я. – На валку леса, куда же ещё, – удивилась моему неуместному вопросу женщина в поношенной куртке.

Когда раздал инструмент, понял, – главной рабочей силой лесоучастка были женщины и старики. Мужья сидели по тюрьмам, женщины зарабатывали хлеб насущный непосильным трудом, чтобы кормить себя и детей. От работы освобождались только больные.

Вечером, после окончания рабочего дня, всех работающих переселенцев собрали возле конторы. Вынесли стол, накрытый красным ситцем, и три стула. Из конторы вышел комендант, начальник участка и женщина – комиссар в кожаной куртке и красной косынке. Начальник участка говорил о низкой выработке, отсутствии энтузиазма у рабочих. Комендант грозил жестокостью наказаний за невыполнение норм дневного задания. Комиссар молча слушала.

– В чём дело, почему так плохо работаем? – строго спросила, внимательно рассматривая молчаливых рабочих. Что мешает производительному труду? Рабочие зашумели.

– Что вы там обсуждаете? Расскажите, что мешает работе, – великодушно разрешила комиссар. Из задних рядов неожиданно вышел пожилой мужчина.

– Какую выработку вы ждёте от нас, мы едва ноги передвигаем от голода, – срывающимся от возбуждения голосом начал говорить лесоруб. – Имеем деньги, но не можем ничего на них купить. В Хабаровск пропуска не выписывают, землю под огороды разрабатывать не разрешают.

– Молчать, – крикнул комендант, – тебе слова не давали. – Не пугай, – не унимался рабочий, при такой жизни мы скоро все здесь содохнем, некому будет норму выполнять. Зайдите на кладбище, посчитайте сколько за зиму новых могил прибавилось.

Покрасневшая от гнева комиссар выхватила наган, ударила рукояткой по столу, да так, что чернильница перевернулась и

залила чернилами скатерть. – Застрелит мужика, – промелькнуло у меня в голове. Но гнев был направлен против начальников.

– Что же вы так относитесь к людям? Родина ждёт лес для строительства новой жизни, а вы голодом морите рабочий класс, – распаляла себя комиссар. Никто не ожидал такого оборота событий. – Да вас расстрелять будет мало. Люди приехали к вам надолго, нужно обустраивать их быт, всячески поддерживать желающих построить собственное жильё, разрабатывать огороды, разводить скот. Рассмотрите в срочном порядке увеличение размера продуктового пайка работающим членам семьи. Об увеличении лимитов я похлопочу. Начальник участка и комендант с побелевшими лицами слушали гневное выступление комиссара.

С сего момента стали беспрепятственно выписывать пропуска желающим выехать на закупку продуктов и прочего. Отводить без волокиты выделение земли под огороды и постройки. Не думаю, что комиссар выдумала всё, чтобы покрасоваться перед народом. Скорее всего, такое решение уже было принято на верху, а она его эффектно преподнесла. Как бы там ни было, а после приезда комиссара обстановка на лесоучастке стала меняться к лучшему.

Григорий Лукич получил пропуск на себя и троих членов семьи, для закупки картофеля и семян в селе Соколовка. В воскресенье, едва забрезжил рассвет, тронулись в путь. Дороги не было, шли цепочкой по едва заметной тропе, когда она уходила в сторону, шли напрямиком, пробивая новую. Болота ещё не растаяли, их переходили без труда. Пятнадцать километров одолели к полудню. Усталые и голодные вышли на окраину посёлка и пошли по единственной улице, вдоль берега реки Кия. Продать картофель жители отказывались, ссылаясь на отсутствие излишков. Наконец, нашли дом, где согласился продать картошку. Хозяин открыл погреб и разрешил набирать. Михаил, Анна и я спустились в погреб. Отбирали мелкий, чтобы больше посадить.

Отец наверху разговаривал с хозяином. Когда я поднялся из погреба с первым ведром картофеля, увидел неожиданную сцену. Отец с хозяином крепко обнялись и плакали. Оказалось, что хозяин Павел Курдюков служил вместе с Григорием Лукичом в 1914 -1917 годах в Хабаровске, в составе особой казачьей сотни Амурского казачьего войска. Дружили, кровати стояли рядом. Спиртным не увлекались. Во время массовых загулов сотни, в смутном 1917 году, кормили и поили лошадей всей сотни. Успокоившись, отец

с Павлом зашли в дом. Набрав мешок картошки мы поднялись из погреба и грелись на солнце, хотелось есть. Из дому вышла хозяйка, поздоровалась и пригласила в дом. На столе стоял чугунок сваренной картошки в «мундирах», и большая чашка отварной кеты. За долгие полуголодные дни мы впервые наелись досыта. Денег за картошку Павел Курдюков не взял, а дал в придачу две солёных кетины. Так в семье решилась проблема с семенами для весенней посадки».

После этой встречи, старые друзья часто встречались. Павел приезжал в посёлок Сита несколько раз в год, вместе с женой. Эти встречи продолжались до 1939 года, когда семью Боброва, выслали в Нанайский район. Что касается огородов, то землю раскорчевали в лесу, в километре от посёлка, не дожидаясь разрешения. Посадили картошку, свёклу, тыкву, фасоль, кукурузу. Выбрали участок в 20 соток для строительства дома, между станцией и посёлком. Наша мама Феодосия, добилась наконец пропуска для поездки в Биробиджан, чтобы забрать корову, оставленную у родителей при высылке. Она никогда не рассказывала подробности этой поездки. С какими трудностями ей пришлось столкнуться, сколько денег, нервов и здоровья потратить – мы не знаем. Но корову она привезла. Для бурёнки за баракom соорудили сарай, огородили жердями. Пасти корову поручили Дарье. В семье появились молоко, творог, простокваша. Сбылись обещания комиссара, – продуктовые нормы лесорубов увеличили вдвое.

Из воспоминаний мамы Феодосии Александровны:

– Наступил Великий православный праздник Троица. Нарубили молодых берёз, поставили у входа в барак, на пол настелили свежескошенной травы. В воскресенье я решила прополоть посадки картофеля.

– Не ходи, – посоветовала свекровь, – сегодня это большой грех.

– В труде греха нет, – возразила я и ушла на огороды. Не прошло и получаса, как прибежала запыхавшаяся Дарья.

– Тётя Феня, Маруся заболела, мама велела идти домой. Бросив работу быстро пошли домой.

– Утром была здорова, весело играла, что же могло случиться, – тревожные мысли роились в голове.

Вбежала в барак, на постели лежала мокрая от пота дочка, свекровь прикладывала к голове ребёнка влажное полотенце. Вызвали фельдшера. Мужчина осмотрел ребёнка, дал таблетки,

посоветовал ставить компрессы. Предложенное лечение не помогало, ребёнку становилось всё хуже, вскоре она впала в кому, стала бредить и вечером умерла. Похоронили Марию на кладбище, возле семафора. Через три дня заболела с такими же симптомами младшая дочь Галина и так же скоропостижно ушла из жизни. Горе наше было безмерно. Нужно было учиться жить с этой болью.

Потомки славных Амурских казаков приспособлялись жить в этих тяжёлых условиях. На отведённом под строительство дома участке выкорчевали пни, огородили забором из жердей. В свободное от работы время мотыжили целину под будущий огород. В хозяйстве недоставало главного помощника казака – лошади. В леспромхозе лошадей было много, на них вывозили брёвна с лесосеки. Животных, не пригодных к тяжёлой работе, периодически выбраковывали. Вскоре, представилась возможность купить за небольшие деньги такую лошадь. Серко – так звали жеребца, стал надёжным помощником в хозяйстве. Григорий Лукич выписал в леспромхозе лес, разрешили брать только засохшие на корню деревья – сухостой. По воскресным дням стали завозить бревна для будущего дома. Накосили и свезли к сараю сено для коровы и лошади. Построили погреб для хранения картофеля и овощей, хорошо утеплили. Осенью собрали неплохой урожай картофеля и овощей, особенно ценной были фасоль и кукуруза.

– *Теперь голодная смерть нам не угрожает*, – радовался дедушка.

Заложили клад дома, начали поднимать стены. Отец Григорий, сыновья Михаил и Роман хорошо знали плотницкое дело, работа спорилась, за зиму поставили сруб. К концу 1935 года дом, в основном, был построен. В семье ждали ребёнка.

В конце ноября в холодном сарае, где содержалась корова и лошадь, при тусклом свете фонаря, на охалке сена, покрытого куском ткани, Екатерина Даниловна приняла роды у нашей мамы. Слава Богу, роды прошли благополучно, на свет явилась здоровая девочка – назвали Валентиной. Местное начальство позаботилось о новорождённой и выделило семье топчан.

К этому времени пришла ещё одна хорошая новость – в стране отменили карточную систему распределения продуктов. Деньгам, наконец, вернули частично их основные функции – на них стало возможным что-то купить. Весной 1936 года большая семья Бобровых, наконец, переехала в свой дом.

Радость приобретения собственного жилья переполняла. В

доме не было мебели, но все верили, что скоро она будет. Мебель в магазине не продавалась, не было возможности купить её у населения, большую часть жителей лесоучастка составляли спецпереселенцы, приехавшие с узелком вещей. Выход был один – учиться делать самому.

С особым усердием обучался столярному делу Михаил Григорьевич. Он обзавёлся столярными инструментами. Вскоре в доме появились большой стол, скамейки, табуретки, шкафчик для посуды. Под потолком качалась зыбка.

Однажды вечером попросились переночевать двое мальчишек, одетых в одинаковые рубашки. Беспризорниками оказались сбежавшие из приюта внуки Гриша и Миша. Грязные, голодные они неделю добирались из Хабаровска до посёлка Сита. Бабушка была счастлива. Сделали запрос в краевое управление опеки по младшей внучке Феодосии. Из приюта ответили, что такой девочки нет. Она попала в приют в возрасте двух лет и, видимо, не могла назвать свою фамилию. Работали наши родители с полной отдачей сил.

В газете «Тихоокеанская звезда» 21 апреля 1936 года директор Оборского леспромхоза И.М. Мальцев писал: *«Стахановское движение у нас началось ещё в ноябре прошлого года. Бобровы, отец и сын, срубили в течение одного дня 30 кубометров леса. Но не прошло и двух-трёх дней, как победа Бобровых стала достоянием десятков лесорубов».*

Фотография на валке леса Григория Лукича и сына Романа, опубликованная в газете, прилагается. Пара рубщиков всегда имела две пилы, затупившийся инструмент тут же точил пилоправ. У вальщиков с собой был топор, флакон с керосином, металлические клинья.

В мартовских номерах газеты «Ленинец», в 1985 году, были опубликованы материалы об истории становления и развития лесной и деревообрабатывающей промышленности района имени Лазо «Как это было?» Автор – бывший директор Оборского леспромхоза В.А.Струков, в конце 30 х годов начальник Нижнепереселенческого участка. Он так описывает стахановское движение: *Регулярно проводились рекордные дни. Начинался рекордный день в 8 утра на лесосеке. О его начале оповещал выстрел из ружья. На шесте вывешивался красный кушак. На, вверенном мне Нижнепереселенческом участке, на рубке леса трудилась бригада Григория Касьяненко, а на Ситинском участке*

– отец и сын Бобровы. Эти две стахановские бригады не уступали друг другу. Григорий Лукич, как говорили раньше старики, был, злой до работы, под стать ему был сын Роман. В день рекорда между делянами устанавливалась телефонная связь, назначались десятники, каждый час они сообщали соревнующимся бригадам о результатах труда.

Что это была за работа! Трудно передать красоту размеренных движений, в которых чувствовался точный расчёт и сноровка, недюжинное здоровье и выдержка людей. Сейчас только старики вспоминают, а молодёжь с трудом верит, что в трескучие январские морозы лесорубы работали в нательных рубашках и не боялись простудиться. И так восемь часов, с перерывом на обед и трёхминутным часовым перерывом. Вечером домой надо было идти через овраг. Я каждый раз думал, – Не дойдут, упадут, обессилевшие. Ничего подобного. В посёлке победителей встречал начальник главного управления. Играл духовой оркестр. В торжественной обстановке подводили итоги, вручали дневную зарплату, угощали бесплатным ужином.

Нам сегодня трудно объяснить истоки трудового энтузиазма наших родителей. Что ими двигало: желание больше заработать, тщеславие? Как бы там ни было, можно констатировать – они приняли новую власть, не смотря на унижения и обиды.

Наступивший 1937 год в сложившийся уклад жизни большой семьи Григория Лукича внёс значительные изменения. Сын Михаил взял в жёны Прасковью Дмитриевну Пустынцеву. В сентябре, в семье сына Романа родился внук, назвали Владимиром. В доме жили три семьи, численностью 10 душ. Это хуже любой коммунальной квартиры.

Возращение беглого сына Александра с молодой женой Анной и её отцом Власом переполнило чашу терпения. Невестка Анна была из семьи староверов, строго придерживалась своих традиций. На этой почве постоянно возникали конфликты, жить вместе отказалась категорически. Григорий Лукич решил отгородить перегородкой часть дома и сделать отдельный выход, хотя в строительстве дома Александр не участвовал и доли своей не имел. Переехав в отдельную комнату, Анна продолжала обижать детей от первого брака. Гриша и Миша сполна познали «любовь» мачехи. Григорию Лукичу пришлось вновь взять внуков на содержание.

Дочь Григория Лукича Анна уехала в Биробиджан, где вскоре

вышла замуж за Шаталова Александра, вскоре мужа перевели служить в город Павлодар и семья сменила место жительства. В 1939 году родился сын Юрий. Дочь Аксинья жила в Биробиджане, вышла замуж за Якунина Николая, у них уже было двое детей дочь Валентина и сын Владимир. В семье Михаила Григорьевича в 1939 году родился мальчик, нарекли Геннадием.

Бурно развивающийся Оборский леспромхоз гарантировал стабильную работу и хороший заработок, ничто не предвещало беды. Между тем, тучисгущались. В 1937 году Япония оккупировала весь северо-восток Китая и систематически испытывала на прочность дальневосточные рубежи нашей страны. В августе 1938 года японские войска вторглись на территорию СССР на границе с Китаем, у озера Хасан. Тяжёлые кровопролитные бои продолжались две недели, граница была восстановлена.

На границе, проходящей по реке Уссури в 45 километрах от Ситы, тоже было беспокойно. Угроза возможной войны с Японией усиливалась. В приграничных районах стали рассредоточиваться войска. Территория Оборского леспромхоза, с железной дорогой широкой колеи, была удобным местом. В глубине тайги начали прокладывать временную железную дорогу, параллельно существующей в районе станции Сита, строить военные городки. На южной окраине поселка началось строительство большого аэродрома. Работы велись силами Главного Управления Аэродромного Строительства «ГУАС НКВД», такими же подневольными людьми.

В таких условиях, держать рядом с границей более двух тысяч человек семей «террористической организации», якобы готовившей государственный переворот на Дальнем Востоке, по мнению начальников НКВД представляло угрозу государству. Было принято решение переселить их подальше от границы.

В начале июня 1939 года спецпереселенцев предупредили о предстоящем переезде. Место для переселения держалось в тайне. На подготовку к отъезду выделили двое суток. В это время семьи уже вспахали и посадили огороды, некоторые пропололи картофель. Горько было сознавать, что многодневный труд потрачен напрасно. Со слезами на глазах покидала родной дом, построенный своими руками, семья Бобровых. Его передали леспромхозу. К вечеру второго дня свезли вещи к железной дороге. Ночевали под открытым небом, ночь была прохладная, грелись у костров. Удручённые предстоящими изменениями, люди

вполголоса обсуждали непонятное будущее, плакали от бессилия хоть как-то повлиять на происходящее. Во многих семьях были маленькие дети. Рано утром на станцию поставили длинный состав старых двухосных вагонов.

– Далеко не повезут, – заметил Григорий Лукич, – иначе сделали бы нары. Никто ему не возражал, это никак не объясняло цель предстоящей поездки. Помощник коменданта (начальник эшелона) распределил семьи по теплушкам, в каждой назначил ответственного и разрешил грузиться. Началась невообразимая суеда, все спешили, мешая друг другу, стараясь первыми втиснуть свои вещи.

– Прекратить погрузку, – громко скомандовал комендант, – старшие по вагонам, определите очерёдность погрузки семей, отведите в вагоне место для складирования мебели, вещей и отдыха.

На погрузку нам дали два часа. После распоряжения начальника погрузка пошла быстрее. К середине дня, наконец, загрузили последний вагон домашним скотом. Никто уже не плакал, не сокрушался – слезами делу не поможешь. Обращались с переселенцами, как с преступниками. Выходить из вагонов запретили, на тормозных площадках первого и последнего вагонов разместили стрелков ОГПУ. Паровоз подал длинный гудок, тяжело запыхтел, выбрасывая клубы белого дыма, вагоны несколько раз дёрнулись и покатались, гроыхая сцепками, постукивая колёсами на стыках рельсов. Состав двигался без остановки и вскоре остановился в тупике на станции Кругликово. В вагонах было жарко, хотелось пить, разрешили набрать воды на водокачке, где заправляются паровозы, справили свои естественные потребности в ближайшем кустарнике. В сумерках эшелон тронулся в сторону Хабаровска. Поезд то двигался, то останавливался на каких-то станциях, пропуская вперёд поезда. На ночь двери были закрыты. На рассвете состав поставили в грузовом порту г. Хабаровска.

С восходом солнца перед переселенцами открылась величественная панорама могучего Амура. Противоположный берег виделся узкой полоской кустарника. Северный ветер нагонял серые барашки волн, раскачивал лодки рыбаков и перевозчиков людей с левого берега. У дебаркадера нещадно дымил пассажирский пароход, набирая пары. На рейде стояли буксиры с плотами и нефтеналивными баржами. От воды веяло

прохладой и специфическим запахом сырости, тины, рыбы, керосина и ещё чего-то необъяснимого. На прибрежном плёсе, из рыбацких лодок шла бойкая торговля свежей рыбой.

Люди вышли из вагонов и с интересом наблюдали за жизнью речного порта: маневровые паровозики, вагоны, краны, баржи, буксиры, бригады грузчиков двигались без суеты управляемые невидимой рукой. У невысокого причала стояли пришвартованными две больших баржи и маленький буксир. Поступила команда к разгрузке вагонов и погрузке на баржу. Маневровый паровоз продвинул состав вплотную к причалу. Семьи выгружали из вагонов вещи и переносили сразу на баржу, затем состав ещё продвигали, из следующих вагонов опять выгружали. Так, без суеты, через пару часов все переселенцы были на первой большой барже. На вторую погрузили скот и сено. Вновь прошла перекличка пассажиров, разместившихся на барже, и проведён инструктаж о правилах нахождения на плавсредствах. Сплав сопровождали двое сотрудников ОГПУ. Катер и баржи отшвартовались от причальной стенки и медленно заскользили вниз по течению. По правому берегу проплывали высокие берега, поросшие мелким кустарником, скрывающие от глаз пассажиров город.

Григорий Лукич служил в Хабаровске и хорошо знал его окрестности, бывая в караульных разъездах. Сплав вынесло на стремнину. Подплыли к утёсу, было видно, как бурлит вода, разбиваясь о скалы.

– Сакральное место, – думал Григорий, – с ним связана история города, нужно рассказать детям, пусть помнят подвиги казаков. Собрав вокруг себя ребятишек начал рассказ.

– Посмотрите на макушку утёса, что вы видите? -- спросил дедушка. Дети разглядывали скалу. – Какой то, обтёсанный камень, – неуверенно вымолвил старший Гришка.

– Это действительно большой обтёсанный камень, – продолжил разговор дедушка, – на нем стоял памятник губернатору Восточной Сибири Николаю Николаевичу Муравьеву-Амурскому, присоединившему к России Приамурье. Этот камень был вырублен в Дитурских сопках и привезён сюда из села Бабстово, где родился я и ваши родители, а мой тятя приплыл на плоту из Забайкалья почти 70 лет тому назад.

– Посмотрите, какой большой мост, – продолжил рассказывать дедушка, – его построили в 1916 году, в октябре. По этому поводу

был большой праздник, а наша казачья сотня почти сутки патрулировала улицы города, чтобы не допустить безобразий. Мост простоял два года, в 1918 году его взорвали. Видите, с левой стороны одна ферма не похожа на все остальные, её привезли и поставили на место взорванной в 1925 году.

Медленно проплыли под мостом, слышался грохот проходящего железнодорожного состава, вскоре не стало слышно шума большого города, проплыли мимо стоящих за насыпью военных кораблей Амурской флотилии. Дальше с обеих сторон были пустынные берега. Монотонно стучал дизель катера, ярко светило солнце, от воды тянуло прохладой. На катере находился ответственный за сплав сотрудник ОГПУ. К буксиру была привязана лодка. Баржи были состыкованы, три раза в день со второй баржи передавали парное молоко. За животными ухаживали женщины, среди них была и наша мама. На вторые сутки пришвартовались в районном центре, село Троицкое.

С баржи всех сгрузили на берег. Было жарко, донимал гнус. Руководство Троицкого леспромхоза не ожидало такого количества переселенцев и не подготовило помещения для их проживания. Треть новосёлов разместили в районном центре, остальных погрузили на плашкоуты и спустили на 30 км. вниз по течению, до старого нанайского стойбищ – села Лидога. Посёлок состоял из единственной улицы протянувшейся вдоль протоки, по обеим сторонам которой вперемежку стояли срубленные дома и нанайские яранги. Несколько семей поселили в свободные квартиры в посёлке.

В числе счастливицов попал Александр Григорьевич с семьёй. Вскоре у них родился первый ребёнок от второй жены, сын Николай. Основную массу, около двадцати семей, временно разместили в бараке на острове Ченка, отделённом от посёлка протокой.

– Опять барак, – возмущалась бабушка Екатерина Даниловна, – набили народу, как селёдку в бочку. Она была права. Переселенцев в бараке было около ста человек. Семьи старались как могли обустроить свой быт – отгородились простынями, расставили скромную мебель. Вокруг барака стихийно вырос табор из печек, наспех сделанных из камней и глины, навесов из жердей, загонов для скота. Многие обзавелись лодками.

Ещё были свежи в памяти голодные 1933-1934 годы и переселенцы активно принялись разрабатывать землю для огородов

на месте сгоревшего леса. Наша мама Феодосия, золовка Прасковья, племянник Григорий, вооружившись мотыгами, энергично принялись мотыжить целину. Супесчаная земля легко поддавалась обработке. Посадки закончили к 25 июня, не рассчитывая получить хороший урожай, – все оптимальные сроки посадки давно прошли.

Наступил жаркий июль. В бараке стало душно, донимал гнус. Вместо стёкол на окна натянули марлю. Пищу готовили на улице. Духота вынудила взрослых перебраться на чердак барака. Из переселенцев собрали бригаду плотников, началась подготовка комнат для расселения спецпереселенцев в бараках села Лидога. Григорий Лукич с сыновьями Михаилом и Романом от работы в бригаде отказались, так как приняли решение строить собственный дом. Будущую усадьбу выбрали на окраине посёлка на высоком берегу протоки. Времени сушить лес не было. Дом решили строить из сухих стволов сгоревшего в прошлом году леса. Стройка занимала всё свободное время, каждый день после работы, в воскресные дни, невзирая на погоду, строился дом. Чтобы не штукатурить стены, внутреннюю сторону брёвен прострогали. Сруб дома рос на глазах.

Бригада сплавщиков, где работал Григорий с сыновьями, готовила последние плоты для сплава леса на стройки нового города Комсомольска-на-Амуре. Они быстро освоили тонкости мастерства сплавщиков, уверенно держались на плывущих брёвнах, ловко подталкивая брёвна баграми к собираемому в дальнюю дорогу плоту, лихо перескакивая с одного бревна на другое. Бабушка, мама и невестка Прасковья занимались домашним хозяйством: ухаживали за детьми, готовили пищу на всю семью, обрабатывали огороды, следили за домашними животными. Мама ждала ребёнка.

Незаменимым помощником в домашних делах был племянник Григорий, который теперь постоянно жил у дедушки. Он быстро изучил опыт рыбной ловли местными рыбаками и стал надёжным добытчиком свежей рыбы для всей семьи. В рационе питания рыба стала занимать ведущее место. Её варили, жарили, коптили, вялили, солили. Избыток рыбы позволял стабильно обеспечивать ею не только семью и соседей, но и использовать на корм для свиней. За повседневными хлопотами незаметно подкралась осень. Убрали огороды. Удобрённая золой во время пожара земля удивила богатым урожаем картофеля и овощей. В достатке

заготовили сено для скота.

Семьи переселенцев переезжали в подготовленные квартиры. Барак постепенно пустел. Дом Бобровых ещё не был готов для заселения. Приближались холода, нужно было спешить, на доме работали каждый день, невзирая на погоду. В холодный дождливый и ветреный день Григорий Лукич простудился. Лечение народными средствами: горчичники, втирание барсучьего жира, не помогало. Больного отправили катером в районную больницу в село Троицкое. Врачи поставили диагноз – крупозное воспаление лёгких. Эффективных средств борьбы с этим страшным заболеванием в то время не было, через неделю дедушка умер. Невосполнимая потеря была для Екатерины Даниловны и всей семьи Бобровых. Ушёл из жизни не просто человек – ушла личность объединявшая семью, хранившая казачьи традиции и православие. Хоронили Григория Лукича на поселковом кладбище села Лидога, недалеко от недостроенного дома. Проводить его в последний путь собрались все родственники, соседи. Взрослые оплакивали мужа, отца, свёкра, дедушку. Маленькие внуки ещё не понимали, что произошло и почему дедушка не просыпается.

Тяжело переживала утрату любимого человека бабушка, она замкнулась в себе, всё внимание и заботу теперь посвящала внукам. Любимым внуком Елизаветы Григорьевны был старший Григорий. Он был похож на деда внешне, с таким же мягким характером и отзывчивой доброй душой. Тяжёлая болезнь и смерть отца замедлили строительство собственного дома, но к середине октября удалось закончить стройку и переехать в небольшой, но уютный дом всей семьёй. Трудные месяцы бытовых неудобств, наконец, закончились. Жизнь большой семьи приобретала спокойный, размеренный ритм.

Дарья Григорьевна вышла замуж за Ивана Нигей и жила отдельно. В нашей семье родилась девочка, назвали Марией. В доме под потолком вновь качалась зыбка. Старший внук Григорий пошёл учиться в четвёртый класс местной школы. Среди одноклассников он выделялся высоким ростом и крепким телосложением, и не мудрено, он был старше их на четыре года. Причиной этому были, скитания по спецпосёлкам, где не было даже начальных школ. В небольшом классе было треть детей-переростков.

На Лидоге семья проживёт три достаточно благополучных года в относительном достатке. Мужчины будут заняты на валке и сплаве леса, неплохо зарабатывать, женщины заниматься

воспитанием детей, ведением домашнего хозяйства. Особое место в жизни будет занимать ловля рыбы. Это логично, жить на Амуре и не пользоваться его богатствами, было неразумно. Рыбалка стала любимым занятием не только мужчин и подростков, но и женщин. Главным рыбаком семьи был пятнадцатилетний внук Григорий, в любое время года он находил время для ловли рыбы, владел всеми способами её добычи, в семье всегда была свежая рыба. Выкраивали время удить рыбу и наш отец Роман с братом Михаилом.

Отец рассказывал мне, как они удили карасей на «чёрном озере»: – В середине мая, когда зацвела черёмуха, мы на лодке поднялись по протоке и по узкой речушке вошли в озеро, расположились на низком берегу. Вода действительно была чёрно – коричневого цвета.

– В прошлое воскресенье Гришка здесь удочкой поймал около полусотни карасей, – рассказывал Михаил, – думаю и мы вернёмся не с пустыми руками. Слышался шорох и всплески копошившихся в прибрежной траве карасей. – Нерестятся, – полушёпотом предупредил брат, – не шуми, распугаешь рыбу.

Чтобы не мешать, мы расположились подальше друг от друга, забросили удочки. Вскоре на крючке Михаила сверкал золотистый карась. Поправив насадку он забросил удочку, и поплавок мгновенно исчез под водой, подсечка, и новый красавец вновь трепещет на крючке. Мне не везло, мой поплавок не двигался.

– Наверно съели червя, – подумал я и вытянул крючок из воды. Червяк был на месте. Между тем брат снимал с крючка четвёртого карася.

– Неудачное выбрал место, – с досадой произнёс я шёпотом и, пройдя десяток метров, сел на высокую кочку, забросив крючок подальше в воду. Поплавок начал колебаться и погрузился в воду, сердце заколотилось от радости, я дёрнул за удилище, и вытянул из воды касатку. Я вновь поменял место, вместо червя насадил на крючок хлеб – попался мелкий карасик. Чудеса продолжались. Мы поменялись с Михаилом удочками. Моей удочкой он поймал десяток карасей, а я его удочкой одного. Поменялись местами, он на моём месте ловил карасей, а на его месте рыба на мой крючок не шла. Мне приходилось рыбачить сеткой, перемётом, неводом, но удочкой я старался не рыбачить.

В 1940 году в семье Михаила родилась дочь, назвали Зинаидой. Отважной рыбачкой была наша мама. Она не умела плавать, но

лодкой управляла хорошо.

Из воспоминаний Феодосии Александровны:

– Когда племянник отсутствовал, я по утрам проверяла перемёт. Однажды, продвигаясь поперёк протоки, я пропускала по краю лодки бечеву перемёта, очищала его от мусора, снимала рыбу, насаживала на крючок наживку. Улов был небогатый. Бечеву временами что-то дёргало. По мере продвижения рывки усиливались. – Опять бревно зацепилось, – с досадой подумала я, – помучаешься с ним, пока отцепишь. Медленно передвигая лодку, я увидела на поводке огромную щуку. Она, видимо, давно попала на крючок, сил сопротивляться у неё не было. Сердце бешено колотилось в груди от страха, но азарт победил. Я медленно подвела поводок со щукой к самому борту лодки, наклонила его так, что зачерпнула воды и, резко дёрнув за поводок, затащила щуку в лодку. Рыбина длиной около полутора метров отчаянно билась в лодке, угрожая её опрокинуть, пока я её не ударила веслом по голове. Успокоившись, я ополоснула лицо проточной водой, поблагодарила Бога и ангела хранителя за моё спасение.

– Осталось немного, закончу проверку, и пора возвращаться, – размышляла я, продолжая выбирать перемёт. Бечеву перемёта вновь стало дёргать, с ужасом я увидела на крючке такого же размера щуку. Во мне опять боролись два чувства – страх и азарт рыбацкой удачи. Не торопясь, имея определённый опыт, сняла с крючка вторую рыбину. Причалив к берегу, я попробовала вытащить из лодки рыбины, но моих сил не хватило. Попросила помочь соседа по бараку Мефодия Нигей, кстати, оказавшегося, на берегу.

– Вот это рыбацка! – воскликнул он, увидев в лодке щук, – как же у тебя хватило сил справиться с ними! – Не спрашивай, Мефодий, лучше помоги донести до дому. – Это можно, – согласился сосед. Долго он приспособливался нести такую тяжесть, наконец, взвалил на плечо и понёс к дому, хвост щуки волочился по земле. Весу в них было около пуда в каждой. Рыбу поделили с соседями.

Достаточно благополучная жизнь на Амуре закончилась неожиданно. В июне 1941 года пришла страшная весть о начале войны с Германией. По радио ещё звучали лозунги «Враг будет разбит, победа будет за нами», а Совинформбюро называло «оставленные после тяжёлых, кровопролитных боёв» города Литвы, Эстонии, Латвии, Белоруссии. Тревожная обстановка была на советско-китайской границе. Началась мобилизация

мужчин в возрасте с 18 до 50 лет. Из молодёжи допризывного возраста и мужчин старше 50 лет стали формироваться отряды самообороны. Обстановка становилась всё тревожнее – враг подходил к Москве. В жизненном укладе особых изменений не происходило, работали в обычном режиме, рубили и сплавляли лес, ловили рыбу, но людей не покидала тревога.

Что происходит? Почему наша «непобедимая и легендарная» Красная армия всё время отступает? В село пришли первые сообщения о гибели родственников. Почтальона теперь встречали с тревогой – что он принёс в сумке, повестку в военкомат или похоронку? Наконец, стали приходить добрые вести о начале наступления Красной армии под Москвой. Радость переполняла людей, тяжёлые предчувствия надвигающейся катастрофы сменились надеждой победы над супостатом, но сколько страданий и лишений предстояло пережить им.

В декабре 1941 года были введены продуктовые карточки, появились трудности с хлебом, но люди не голодали, главным источником питания оставалась рыба.

Жизнь готовила переселенцам новые испытания. Летом 1942 года всем переселенцам, вывезенным в 1939 году на средний Амур, сообщили о предстоящем возвращении в Оборский леспромхоз. Причина срочного перемещения рабочей силы объяснялась возросшей потребностью оборонной промышленности в ритмичном получении качественной древесины в любое время года. В условиях войны никто уже не вспоминал о возможной угрозе от «опасных» переселенцев. Кроме того, большая часть войск была передислоцирована на западный фронт. Начиналась, Сталинградская битва. Военные городки освободились.

В июле бригаду мужчин-плотников отправили на новое место жительства, готовить в бараках отдельные комнатки для размещения семей. Наша мама уехала вместе с мужчинами, чтобы накосить сено для коровы, подготовить сарай и будущую квартиру, троих детей оставила на попечение свекрови Екатерины Даниловны.

В первых числах сентября к берегу посёлка Лидога пришвартовался катер с большой баржой. Спецпереселенцев, с имуществом и домашним скотом, погрузили и доставили в Хабаровский грузовой порт, откуда в грузовых вагонах привезли в посёлок Сита, Оборского леспромхоза. За прошедшие три года, лесоучасток превратился в большой прифронтовой посёлок.

Шла война, в посёлке Сита и окрестностях рассредоточилось крупное воинское формирование, построили большой полевой аэродром. Бараки, где жили когда-то спецпереселенцы, были заняты офицерским составом. Занят был и дом Бобровых. Общее население возросло многократно. Появились крупные социальные объекты: больница, школа, пекарня, баня, ветлечебница, клуб и даже стадион с летним кинотеатром и танцплощадкой.

Заготовка леса уже не велась, строевой лес на расстоянии 5-6 километров вокруг посёлка был вырублен. Лесоучастки перемещались в глубину тайги.

Чтобы приблизить лесозаготовительные участки к лесосекам был использован опыт железнодорожных войск Красной Армии, строивших временные дороги для перегруппировки войск. На очищенную бульдозером землю разбрасывали горбыль (отходы переработки леса), на них укладывали шпалы и крепили рельсы. Насыпи делались только к мостам через небольшие речушки. Такая временка широкой колеи была проложена от станции Сита на расстоянии 10-15 км., параллельно Оборской железной дороге, протяжённостью более 30 километров. Здесь перед началом войны были построены военные городки барачного типа со всей необходимой инфраструктурой, где размещались резервные воинские части: Дача, Ситинск -1, Ситинск -2, Ситинск -3, Горелая поляна.

С началом Сталинградской битвы войска были передислоцированы на западный фронт, а жилые бараки освободились, после небольшого ремонта в них оборудовали комнаты для проживания семей спецпереселенцев. На самом большом лесоучастке Ситинск - 2, в бараках, разместили сорок семей. Бобровы – 4 семьи, Кореневы, Нигей – по 2 семьи, Путько – 3 семьи. Суворовых, Иващенко – по 2 семьи. Строевы, Филины, Романюк, Гиря, Кочкины, Кичигины, Мориковы, Черкасовы, Пустовые, Гуцины и другие переселенцы. Кроме того, в общежитии поселили около пятидесяти одиноких. Я перечислил фамилии спецпереселенцев, так как история нашей семьи будет ещё не раз пересекаться с ними. В одной из казарм оставалась воинская часть группы наведения полевого аэродрома.

Впервые за десять лет ссылки государство позаботилось о создании сносных условий проживания бесправных переселенцев. Для людей, не один год проживших в общем бараке, пусть маленькая, но отдельная комната была роскошью, тем более, в годы войны.

Семьи Боровы впервые стали жить в отдельных квартирах. Михаил Григорьевич, с матерью Екатериной Даниловной, женой Прасковьей, сыном Геннадием, дочкой Зинаидой, племянником Григорием поселились в двухкомнатной квартире первого барака. Роман Григорьевич, с женой Феодосией Александровной, сыном Владимиром и дочками Валентиной и Марией – в небольшой комнатке с противоположной стороны. Александр Григорьевич, с женой Анной Власьевной, сыновьями Михаилом и Николаем, дочкой Екатериной, тестем Власом, получившем кличку «кержак» за свой суровый нрав – в шестом бараке на северной окраине посёлка. В отдельной комнате общежития жила Дарья Григорьевна. О строительстве собственного дома не могло быть и речи. Горький жизненный опыт подсказывал, что проживание на новом лесоучастке временное, такие посёлки не долговечны. Лес в округе вырубят, лесоучасток закроют, лишившиеся заработка семьям придётся менять место проживания. Но это будет не скоро. Пока на участке шла напряжённая работа, без праздников и выходных, а на пилораме и раскряжёвке – в две смены.

Отец работал на гусеничном тракторе модели С-80 «Сталинец», его брат Михаил в паре с ним, прицепщиком. Работали, не считаясь со временем, весь световой день. Александр Григорьевич возглавлял бригаду вальщиков. Газета «Тихоокеанская звезда» за 25 февраля 1943 года опубликовала материал под броским заголовком «Рубрики фронтовой бригады Александра Боброва решили давать по три с половиной нормы ежедневно». В статье указывается количество спиливаемых за день деревьев – от 180 до 200, это более 1000 кубометров! Месячный план за 10 дней. Здесь, далеко от фронта, война оставалась главной, ежедневно обсуждаемой темой и общей для всех трагедией. В посёлке не было радио, газеты приходили с задержкой на неделю и более.

Главным информатором был десятник Губченко Николай, каждый день, получающий из п. Сита по телефону сводку Совинформбюро.

Отдельно обсуждались связанные с войной события сельского масштаба: письмо с фронта, призыв юношей в армию, возвращение фронтовика - инвалида, сообщения о гибели земляка. Девятого сентября 1942 года призвали в армию Боброва Григория Александровича, старшего внука Екатерины Даниловны. Провожали будущего защитника отечества всей семьёй. Больше всех сокрушалась бабушка. Горько плакала,

видимо предчувствовала, что видит любимого внука в последний раз. Вскоре пришло от Григория письмо с коротким сообщением, что служит во Владивостоке.

Переселенцам стали приходить письма на новые адреса. Старший сын Иван Григорьевич сообщил Екатерине Даниловне о призыве сына Алексея в действующую армию и своей тревоге за его судьбу. Он участвовал в боях на Волге. После долгого молчания, пришло письмо от маминого отца Александра Васильевича, где он подробно рассказал о судьбе пяти её братьев, Абрам, Захар, Евгений мобилизованы в Красную армию в 1941 году и участвуют в боевых действиях на западном фронте. Младший Изот служит на Дальнем Востоке, пишет не часто, и всё из разных мест. Егора по состоянию здоровья направили работать на военный завод, дома бывает редко. Отец пообещал приехать в гости посмотреть новое жильё, познакомиться с внуками.

У нас в семье случилась новая трагедия. Во время переезда из Лидоги простудилась младшая дочка Мария и после непродолжительной болезни умерла. Похоронили её за речкой, на поселковом кладбище. Это был уже третий в нашей семье ребёнок, умерший в ссылке. Неустроенность быта, ветхая одежда, недостаток калорийной пищи для малолетних детей были губительны. Между тем, с фронта вновь приходили тревожные новости. В сводках Совинформбюро сообщалось о тяжёлых, кровопролитных боях на Дону и под Сталинградом – разворачивалось крупнейшее сражение Второй Мировой войны. Тревога за будущее страны судьбу родственников, участвующих в боевых действиях, овладела жителями посёлка лесорубов. Не было семей, чьи родные и близкие не служили в армии. Остро не хватало продуктов питания. Привезённые с собой, небольшие запасы картошки, фасоли, кукурузы, вяленой рыбы стремительно сокращались. Получаемых по карточкам продуктов не хватало, купить за деньги было негде. Наступил голод, более жёсткий, чем в 1933 году.

Отец работал на соседнем лесопункте, раз в две недели приезжал попутной оказией, или приходил пешком домой и приносил сэкономленных из скудного пайка несколько постных лепёшек. Для Володи и Валентины это был самый дорогой подарок. Спасала от голода корова. Молоко, творог, простокваша были постоянно в рационе семьи, помогали и соседям. Сметана была недоступна – её собирали, взбивали сливочное масло и сдавали

государству, это был налог. Мама не работала, ухаживала за детьми, вела домашнее хозяйство. Долгими зимними вечерами, она при свете керосиновой лампы вязала кружева для простыней, наволочек, настольных скатертей по заказам односельчан. Перелицовывала старую одежду и шила курточки, брючки, кепи для детей, за небольшую плату. Вечером дети засыпали под стук старенькой машинки «Зингер», а утром просыпались под этот же звук. Когда она спала?

Стало модным жевать живицу, её варили из засохшей смолы кедра и лиственницы. Она не утоляла голод и даже наоборот, разжигала аппетит, но идеально чистила зубы, предохраняла от цинги и создавала иллюзию пережёвывания пищи.

Серьёзной угрозой стал педикулёз. Голод, неустроенность быта постоянные стрессы, отсутствие элементарных средств гигиены превратили его почти в эпидемию. Боролись с этими паразитами всеми доступными средствами: кипятили одежду и бельё, в волосы втирали керосин, мальчиков стригли наголо. Но не все и не всегда регулярно это делали и заражали здоровых людей. В итоге, борьба шла с переменным успехом. В те времена можно было видеть женщин, ведущих задушевную беседу и выбирающих у соседки из головы насекомых. В таких трудных условиях, как и все труженики тыла, наши родители ковали победу работая весь световой день без выходных и обеспечивая оборонную промышленность лесом. Древесина была необходима фронту не меньше, чем снаряды и патроны. Автомобили, обозные телеги, корабли, самолёты, железнодорожные вагоны и шпалы, ящики для упаковки боеприпасов, продуктов и другого имущества и много ещё чего делалось из древесины.

При скудном питании наши родители делились пищей с соседскими детьми. Рядом с нами жила семья Мориковых. Отец воевал на фронте, мать работала на соседнем участке, с маленькими детьми занималась старенькая бабушка. Маленькие голодные девочки Шура и Нюра были предоставлены сами себе. Рано утром они приходили к нам, мама их усаживала за стол, как своих детей и делила пищу на всех поровну. Старшая сестра Валентина поддерживает с ними контакты, по сей день. На 80 летнем юбилее старшей Александры (Шуры) Валя присутствовала.

– Если бы ваша мама Феодосия Александровна не подкармливала нас в голодные военные годы, мы бы умерли от голода, – вспоминали сестры в кругу родственников и близких.

Голодная зима 1942-1943 года заставила переселенцев заняться производством собственных продуктов питания. Самый простой, и проверенный жизнью метод – выращивание продуктов сельского хозяйства на огородах. Такая деятельность властью поощрялась. С наступлением весны семьи энергично принялись разрабатывать целину и готовить землю для посадки, использовалось старое орудие труда – мотыга. Наши родители подготовили под огороды два участка. Один, небольшой возле барака, для овощей, а второй, в лесу – под картофель. Треть земли засеяли кукурузой и фасолью. Оно и понятно – это растительный белок.

Мама рассказывала про ту голодную весну:

– Питались только продуктами, получаемыми по карточкам, жили впроголодь. Особенно от недоедания страдали дети. Посадку заканчивали. Я по краям грядок сеяла семена кукурузы, подсолнечника, тыквы. Со мной был сын Володя, ему было пять лет. – Мама, я хочу, есть, – попросил он. – У меня нет с собой ничего. Вот посадим кукурузу и тыкву, вырастут из семян высокие стебли с большими початками и круглые жёлтые тыквы, мы их сорвём и сварим вкусную сладкую кашу. Ничего не сказал Володя, только слёзы текли по щекам. Когда же это будет? До урожая ещё нужно было дожить. Пока, же дети собирали молодые листочки подорожника для зелёного борща, заправленного молоком. Но голод постепенно отступал, в июне появились первые овощи, в июле ранний картофель, осенью собранный урожай бережно сложили в подполе. Самые ценные продукты – зерно кукурузы и фасоль хранили в квартире. Кукурузу мололи на ручных жерновах, из крупы пекли лепёшки и варили кашу. Голод отступил.

В тяжёлых голодных условиях тыла, несмотря ни на что, пробивала ростки новая жизнь. В июне в семье Михаила Григорьевича родился сын, назвали Григорием в честь деда Григория Лукича. Рождались дети и в других семьях.

В посёлке было много детей, в том числе, школьного возраста, но школы не было. Родители обращались к руководству лесопункта, писали письма директору леспромхоза, в райисполком, но вопрос не решался. Наша мама поехала в посёлок Сита, встречалась с комендантом спецкомендатуры, директором леспромхоза, секретарём парткома, директором Ситинской средней школы. Вопрос был решён, но только с нового учебного года, в 1944 году.

Отец дома бывал редко, зимой работал на дальних участках, летом ремонтировал трактор в мастерских леспромхоза в посёлке

Обор. К работе относился добросовестно, входил в тройку лучших трактористов леспромхоза. В нашей квартире часто стояло переходящее красное знамя победителя соревнования. Все семейные проблемы: заготовка дров и сена, посадка огорода и уборка урожая, уход за скотом, поддержание порядка в доме и воспитание детей – лежали на хрупких плечах мамы, Феодосии Александровны. О таких женщинах писал Некрасов свои стихи.

Летом 1944 года отец жил дома. В составе бригады плотников ремонтировал в общежитии классную комнату и квартиру для учительницы.

Из воспоминаний отца: – *Стояли жаркие июльские дни. Феодосия ходила на последнем месяце беременности. Вечером начались схватки. Я в ужасе метался, не зная, что делать.*

– *Да не мельтеши ты перед глазами, отведи детей к матери, попроси, чтобы пришла помочь, – усталым голосом распорядилась она. Когда зашёл с детьми к маме, она всё поняла без моих слов.*

– *Не суетись, управимся, не в первый раз, – успокоила меня и пошла, принимать роды.*

– *Я ходил возле крыльца, нервно потирая руки и прислушиваясь к глухим стонам, доносящимся из квартиры. Неожиданно громкий плач ребёнка разорвал тишину и долго не прекращался. В моей голове роились тревожные мысли – неужели двойняшки родились? Плач прекратился, вышла мама. – Двое или трое? – задал я нелепый вопрос. – Дурачок, – ласково ответила мать, – заходи, родился мальчик. Так в нашей семье появился второй сын, назвали Александром.*

Приближалась осень, заканчивалась подготовка начальной школы к новому учебному году. Привезли парты, счёты, большую чёрную доску, потрёпанные учебники. Дети каждый день ходили смотреть школу, ждали приезда учительницы. По рассказам родителей, учитель должен быть строгим и требовательным. Но приехала молодая девушка, закончившая в текущем году среднюю школу в селе Полётное – Полякова Мария Ивановна. В школу набралось 12 учеников, двое во второй класс, остальные первоклассники. В первом классе были дети с разницей в возрасте до пяти лет, сестре Валентине было девять лет, а Володе семь. Бумаги не было, учились писать на сшитых нитками старых газетах. Читать учились по двум букварям и газетам. Познание азов чтения и счёта шло трудно. Мама помочь не могла, читать она не умела.

С фронта приходили хорошие новости, фашистов выгнали за пределы государственной границы. В посёлок стали чаще заезжать передвижные киноустановки, показывали киножурналы, отснятые на фронте, художественные фильмы.

Утром 10 мая 1945 года до жителей посёлка дошла весть о победном завершении Великой Отечественной Войны. Всё население собрали перед клубом. Командир воинской части, размещённой в посёлке, поздравил всех с победой. Началось стихийное ликование, женщины обнимались и плакали, солдаты бросали вверх пилотки и смеялись, несколько минут многоголосое «УРР-ААА» перекачивалось над головами, особенно старались дети.

В июле стали возвращаться первые демобилизованные воины победители. Не было предела радости у соседей Мориковых – вернулся отец. Радость была недолгой, 8 августа вновь собрали жителей, объявили о начале войны с Японией и введении военного положения в приграничной зоне. Слова военачальника, заглушил плач женщин – опять война. Расходились молча, каждый думал о своём и предстоящих новых лишениях. Но демобилизованных вновь не призывали. Война была скоротечной, 19 августа военные действия в Маньчжурии были завершены, а 2 сентября Япония подписала акт о безоговорочной капитуляции.

Радость победы и завершение Второй Мировой войны была омрачена пришедшей похоронкой. Погиб в Корею старший сын Александра Григорьевича, старший внук Екатерины Даниловны, наш двоюродный брат Григорий Александрович.

В Книге Памяти, изданной в 1995 в Хабаровске, во втором томе, на стр.457 значится: *«Бобров Григорий Александрович, матрос. Родился в 1924 году в селе Бабстово, Ленинского района ЕАО, Хабаровского края. Призван 4. 9. 42 г. военкоматом р-на им. Лазо. Погиб в бою 12.08.45 г. Похоронен в г. Чхончжин провинции Хамгён - Путко (КНДР).»*

Война для жителей Ситинска-2 не закончилась. В 1946 году на участок завезли и поселили в бывшей армейской казарме большую группу репатриированных военнопленных. Мужчины, прошедшие горнило войны, познавшие ужасы концентрационных фашистских лагерей, истощённые, подавленные обидой за жёсткий приём на родине, представляли гремучую смесь, готовую вспыхнуть по любому поводу.

Вскоре повод нашёлся. Выявились якобы факты занижения объёмов выполненных работ. Обвинили начальника участка и десятников. Вспыхнул бунт. Вооружённые ножами и палками, зачинщики разгромили контору, магазин и бросились искать начальников в квартирах переселенцев, вспыхивали драки и между репатриантами.

Между тем, начальники скрывались в подполе Бобровых Михаила и Романа. Войти к нам в квартиру бунтовщики не решились, уважали родителей, а кто-то ещё и пустил слух, что у нас есть ружьё и карабин. Отчасти это было правдой, такое оружие было у старшего брата. К утру бунтовщики протрезвели и угомонились, приехали сотрудники НКВД, зачинщиков арестовали, некоторых перевели на другие участки. Постепенно ночь страшного русского бунта забылась.

Началась перестройка государственной экономики на мирные рельсы. Был ослаблен контроль над переселенцами. Семьи, чьи мужья и дети принимали участие в ВОВ, получали паспорта и имели право выбора места жительства. Уехала из спецпосёлка семья Александра Григорьевича, вначале в п. Сита, в освободившуюся половину родительского дома, затем в город Хабаровск, и затем – в посёлок Хурба Комсомольского района. Здесь он отстроил дом и прожил до глубокой старости. В семье родилось ещё пятеро детей: Анна, Зинаида, Валентина, Катерина, Антонина.

В 1946 году заготовка леса на участке Ситинск-2 прекратилась, семьи стали готовиться переезжать в другие участки, где была работа. В роду Бобровых прибавилось: у Михаила родился сын, назвали Романом. В нашей семье тоже родился мальчик, новорождённого назвали Михаилом. Я полагаю, что выбранные имена свидетельствуют об особо уважительном отношении братьев друг к другу.

Стояло жаркое лето, на лесопункте распространилась инфекция дизентерии. Заболел Володя, в тяжёлом состоянии его увезли в Ситинскую больницу. Затем заболел я, но меня вылечили марганцовкой. Следом заболел младенец Миша. Мама с ребёнком тоже срочно уехала в больницу, но через два дня вернулась домой. Младший брат умер. Володя вернулся домой через месяц, измученный недугом и похудевший от скудного питания. По причине болезни ему пришлось пропустить год занятий в школе. Но была и приятная новость: в 1946 году отец

был награждён первой правительственной наградой – медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.»

Заготовка леса на лесоучастке Ситинск-2 не велась второй год. Ещё был при должности начальник участка Губченко, но отгружали теперь не лес, а демонтированное оборудование пилорамы, неисправную технику, лишних лошадей. Под особым контролем была организация перевозки семей на новые лесоучастки Оборского леспромхоза: Дурмин, Сидима, Хоменгу, Куликовку и другие. Разбирались и вывозились на новые лесоучастки освободившиеся бараки. Железнодорожное полотно, от покинутых жителями дальних участков разбиралось, рельсы грузились на платформы и вывозились на станцию Сита.

В апреле 1947 года семья Михаила Григорьевича переехала в освободившийся в Сите жилой дом, построенный ещё в 1936 году. Соседи Мориковы переселились в Куликовку. Уезжали и другие семьи. Нашей семье тоже предстояло сделать свой выбор. Из всех предложенных вариантов выбрали Ситу. Это был большой посёлок, где проще найти работу, в средней школе дети могли учиться, поселковая больница гарантировала своевременное лечение, и главное – вскоре должна была освободиться вторая половина дома, где и должна поселиться наша семья. Отъезд отложили до осени. К этому времени жильцы обещали переехать в новый дом. Позже выяснилось, что квартиру освободят только весной будущего года. Переезд пришлось отложить и готовиться зимовать в бараке.

Конец 1947 года запомнился двумя крупными внутриполитическими событиями. С 16 по 22 декабря была проведена денежная реформа. Старые денежные знаки были обменены, по курсу 10 к 1. Родители не имели сбережений, и спокойно обменяли в конторе месячную зарплату у приехавшего из сбербанка кассира.

Одновременно была отменена карточная система на продовольственные и промышленные товары. Были установлены единые по стране цены за 1 кг : хлеб пшеничный – 4,4 р., хлеб ржаной – 3 р., пшено – 6 р., макароны – 10 р., масло сливочное – 62 р., рыба – 12 р., мясо – 30 р., сахар – 13,5 р., картофель – 1 р. и т.д. Но отмена карточек ещё не означала, что можно купить сколько душе угодно. В магазинах ограничивали

продажу по одному килограмму в руки, что породило очереди в магазинах. Они стали постоянными спутниками послевоенной жизни. Но, безусловно, это был прорыв. У людей появилась надежда на улучшение жизни. Лица людей, выходявших из магазина с буханкой хлеба, светились от счастья, они садились в укромное место, отламывали куски тёплого хлеба и утоляли голод, затем вновь становились в очередь.

Последняя зима 1948 года в Ситинске запомнилась сильными снегопадами. Железная дорога от снега не чистилась и не использовалась. Добраться до посёлка можно было только на лошадях, запряжённых в сани, или пешком. Донимали волки, ночами они чувствовали себя хозяевами. Случаев нападения на людей не было, но нашего пса задрали. Утром, после снега, возле барака и даже на крыльце, были видны многочисленные следы хищников. В начальной школе осталось семь учеников. Новая учительница на выходной уходила домой, а после больших снегопадов не могла пробиться и пропускала занятия неделями. Неудивительно, что все ученики, кроме сестёр Мориковых, остались на второй год в третьем классе. В начале мая начали вывозить семьи, мы тоже готовились к переезду. Взяв трёхдневный отпуск, пришёл домой отец. Ожидалось прибытие мотовоза с платформами для перевозки четырёх семей: Кочкиных, Нигей, Бобровых. Скромную мебель, вещи, продукты свезли к железнодорожному полотну, укрыли досками от дождя. Стояла пасмурная погода, моросил дождь.

На следующий день пришёл мотовоз с вагоном и двумя платформами. Скотину погрузили в вагон, на платформы вещи и взрослых членов семей, детей втиснули в кабину мотовоза. Для меня это была первая в жизни поездка по железной дороге, я с интересом наблюдал за происходящим. Мотовоз дёрнул и медленно двинулся, стуча колёсами на стыках рельс. Надрывно гудел, временами чихая, старенький мотор, громко стучали приводные цепи, за окном медленно проплыл последний барак и конюшня. Я попрощался со своей малой родиной, больше мы сюда не приедем. Постепенно в кабине стало тепло. Мотовоз качало на неровностях дороги, кабина скрипела, казалось, что на очередном ухабе она разрушится. Закопчённые окна заливало брызгами дождя, дорогу не было видно. Машинист Очеретяный часто выглядывал в открытое окно и подавал хриплые сигналы, предупреждая кого-то об опасности. Стоял

страшный грохот. Ехали около часа, наконец, преодолели затяжной подъём через мост и стали въезжать в большой посёлок.

Для меня все было интересно. С обеих сторон вдоль дороги стояли жилые дома, многие в строительных лесах. По железной дороге шли люди, уступая нам дорогу, в этом месте она была улицей. С левой стороны, за огородами, видна длинная куча угля, круглое высокое здание (позже я узнал, что это водокачка) и большой паровоз, выбрасывающий из трубы огромные клубы дыма и пара. Перед стрелкой мотовоз заскрипел тормозами и остановился. В ушах стоял звон.

Григорий Лукич Бобров 1939 г.

Фото из газеты 1934 год. Дедушка Григорий Лукич и отец Роман Григорьевич. Победители стахановского движения в Оборском леспромхозе.

Семья Александра Григорьевича Боброва

*Бобров Александр Григорьевич
с сыном и племянниками*

*Григорий Александрович Бобров
4 справа в последнем ряду. П. Лидога 1941 г.*

Бекетовы-Димовы. Свердловск 1955 г.

*Семья Шохирева Изота Александровича
с отцом и матерью*

Дедушка Александр Васильевич и бабушка
Елизавета Фёдоровна. п. Ситинск 1947 г.

ПОСТОРНОЕ

в том в книге Актёв, при гражданском состоянии

в книге 11-05-1947

5

наде производится соответствующая запись

на № 4

После регистрации брака присвоены фамилия:

мужу Шохирев

жене Шохирева

Место регистрации с. Ленинское

Ленинского района

Звёздской Обл. Обл. Обл.

10. Января 1968

1-124 X 028560

М. Шохирев

С. Шохирева

5/1-1905 года

нашего года, од

мыслиа девятис

нашего года

С. Шохирев

Е. Шохирева

10. Января 1968

1-124 X 028560

М. Шохирев

С. Шохирева

*Бабушка Екатерина Данильевна Боброва с
невестками Прасковьей Дмитриевной (слева) и
Феодосией Александровной (справа). 1949 г.*

*Отец Бобров Роман Григорьевич на вывозке леса
с прицепщиками корейцами. Пак и Цой. 1951 г.*

*Герой ВОВ,
танкист Бобров Алексей Иванович. 1947 г.*

*Братъя Шохиревы Изот, Егор, Евгений, Захар.
Племянник Виктор*

*Роман Григорьевич (отец),
Михаил Григорьевич Бобровы. 1948 г.*

*Иван Григорьевич
Бобров*

*Евгений Александрович
Шохирев. 1943 г.*

Семья Косолапова Павла Степановича

СЛАДКОЕ СЛОВО СВОБОДА

Вещи сгрузили с платформы. Транспорта для перевозки не было. Квартира, где предстояло нам жить, размещалась в середине соседней двухсторонней улицы Октябрьской. Носить вещи было далеко. Чтобы сократить расстояние, разобрали тыльную часть ограждения усадьбы и носили вещи через огород. Завершили эту тяжёлую работу поздно вечером. При свете лампы родители, просматривая разложенные по углам вещи, не нашли швейной машинки.

– Господи, – вспомнила мама, – я же её оставила в мотовозе. Для семьи это была ощутимая потеря, она обеспечивала дополнительный заработок. Ночью, в дождь, в непроглядной тьме, в незнакомом посёлке, мама со снохой Прасковьей пошли искать мотовоз, и ведь нашли и вернули машинку. Отчаянной женщиной была Феодосия Александровна.

Не очень приветливо встречал в третий раз нашу семью посёлок Сита. Дом, где предстояло нам жить, выглядел неухоженным. Часто меняющиеся квартиранты не прилагали усердия к его обустройству. Во дворе усадьбы было две постройки – сарай для скота и покосившийся туалет. Ветхий забор нуждался в ремонте. Вторая половина дома, куда мы должны были вселиться, была занята семьёй Саввовых. Они достраивали свой дом и не торопились освобождать квартиру. Пришлось уплотнять семью Михаила Григорьевича. Как и в 1936 году, на 30 квадратных метрах разместились 12 человек. В углу стояла кровать, где спала бабушка, возле печки небольшой кухонный столик, к стене прибит шкафчик для посуды, в центре обеденный стол со скамейками. На стене висела большая чёрная тарелка радио, транслирующего последние новости или весёлые песни. Спали все на полу, на матрасах, набитых соломой.

Утром постель убирали и складывали на кровать. Отец с братом Михаилом уходили на работу. Мама с тётёй Пашей хлопотали по дому. Забот хватало – подоить коров, выгнать на пастбище, наносить воды из колодца, постирать, приготовить пищу и накормить большую семью, отмыть от грязи ребятишек и помыть полы, перечень дел был бесконечен. Когда они спали? От постоянного недосыпания Прасковья при удобном случае засыпала днём, чем вызывала недовольство свекрови и мужа.

С детьми управлялась бабушка, ей исполнилось уже 66 лет. Для нас совместное проживание было не в тягость, скорее доставляло удовольствие. Для игр и шалостей обстановка была идеальная. Мы быстро познакомились с соседскими ребятами: Масловы, Саввовы, Степановы, Ермошкины, Ступины, Ищенко были у нас частыми гостями. Двор всегда был полон детворы и гудел как растревоженный улей, затишье наступало на время обеда и поздно вечером, когда родители звали детей домой. Когда бабушка, устав от детского гомона, выпроваживала всех за калитку, ватага перемещалась в соседний двор или устраивала игру на улице, с участием всей детворы. Это мог быть футбол, лапта или пятнашки.

Наступило время посадки огородов. Приусадебный участок, поделенный на две части, не мог обеспечить семьи овощами в полной мере. Картофель, тыкву, фасоль тайно разместили в лесу, в полутора километрах от посёлка, на разработанной ещё в 1936 году земле. Официально больше земли на приусадебном участке не полагалось.

В феврале 1949 года, постановлением Совмина СССР «О коллективном и индивидуальном огородничестве и садоводстве рабочим и служащим», разрешили выделять по 6, а многодетным по 12 соток земли бесплатно, не облагая налогом доходы с участка. Это позволило на пустыре, возле ремонтных мастерских, в складчину на троих, раскорчевать и разрыхлить гусеницами около 40 соток дернины для будущих посадок. Новый участок был значительно ближе, но главное, завезти семена, вывезти урожай можно было любым транспортом.

Это было особое послевоенное время, народ стремился забыть военное лихолетье, быстрее восстановить разрушенное, построить новое, надёжное, уютное жильё – лучшее, чем до войны. Началось великое переселение миллионов людей. Сотни тысячи семей возвращаются из эвакуации в свои квартиры. Десятки тысяч переселяются из забытых богом глухих углов в города и крупные посёлки, где возможно получить постоянную работу, а детям образование. Возвращаются домой демобилизованные из армии солдаты.

Центром притяжения стал посёлок Сита. Сюда переезжали семьи из закрывающихся ближайших лесоучастков: Джулиха, Змейка, 12 километр, 19 километр, 1 й, 2 й, 3 й, Ситинск и др. Возвращались узники из лагерей и ссылки. Леспромхоз оставался местом ссылки неблагонадёжных, из Украины, Белоруссии,

Прибалтики – где начался процесс коллективизации. Центральная усадьба Оборского леспромхоза превратилась в большую стройку.

На улице Октябрьской, где мы поселились, строились Васильевы, Саввовы, Путько, Галёссо, Масловы. Строились своими силами, никто не рассчитывал на помощь государства, у разрушенной войной страны пока не было возможности помочь. Единственным подспорьем были ссуды Сберегательного банка, выдаваемые без залога под небольшой по настоящим меркам, один процент.

С наступлением тёплых ночей в переполненном доме было душно. Родители и старшие дети перебрались ночевать на чердак. Бабушка с младшими внуками спала в доме. В жаркие июльские дни, когда невозможно было найти прохладное место, детям разрешали купаться в безымянной речушке. Иногда Володя или Валя брали меня с собой. Какое наслаждение доставляло купание на мелководье в тёплой, прогретой солнцем воде. Склон высокого глинистого берега обливали водой, получалась прекрасная горка. Дух захватывало от стремительного спуска нагишом с откоса высокого глинистого берега, влетая в речку мы выплёскивали воду так, что виделось дно. От плескавшихся в воде ребятишек вода становилась жёлтой, такого же цвета были и наши, перепачканные глиной, тела. Но за удовольствие приходилось расплачиваться. От грязной воды кожа на ногах и руках трескалась и начинала кровоточить.

– Опять «цыпки» развели, – сокрушалась мама, – пока не вылечим, на речку не ходить. Начинался карантин, утром и вечером ноги парили в горячей воде, протирали насухо, смазывали вазелином или гусиным жиром.

Посёлок Сита протянулся на пять километров вдоль железной дороги, население превысило две тысячи человек и продолжало расти. Чтобы проще ориентироваться, жители условно разбили его на мелкие поселения. Официально это не было зарегистрировано, но названия прижились. Первым был посёлок «23 километр», затем Сита, где была сосредоточена вся социальная инфраструктура, потом «26 километр» и последний, «27 километр».

Мы жили на первом. Посёлок разделяла на две неравные части безымянная речушка, мелководная в засуху, но буйная во время паводков. Моста не было. Жители левого берега могли добираться домой пешком по брёвнам, переброшенным между берегами, а во время паводков только по железнодорожному мосту. В заречном посёлке ещё сохранились бараки, где с 1933 по 1936 год

жила наша семья, но уже было построено около десятка частных домов. За речкой простирался огромный косогор. Когда-то он был густо покрыт лесом, о прошлом великолепии напоминали тысячи пеньков, обгоревших во время ежегодных палов. Сейчас он служил пастбищем для многочисленных домашних животных. Дальше к мелколесью, уходили сенокосные угодья, в том числе нашей семьи.

Незаметно подкралась осень. Старшие брат с сестрой пошли в среднюю школу. Школа размещалась на нашей улице. В большом и длинном здании занимались старшие классы, в здании поменьше – начальные. Между зданиями спортивная площадка, оборудованная стационарными снарядами: турником, брусками, бревном, козлом, канатом и шестом, закреплённым на высокой перекладине. Володя, в возрасте 12 лет, пошел учиться в четвертый класс. Молодая учительница Кашигина Валентина Яковлевна прилагала неимоверные усилия, чтобы подтянуть ребятшек приехавших из отдалённых сёл, до уровня знаний местных детей. Валя училась в параллельном четвёртом, её учительницей была Горючко Антонина Фёдоровна, но трудности были одинаковы. В эти непростые послевоенные годы, разница в возрасте обучающихся в классах детей достигала 4-5 лет. Трудно было и детям, ощущение собственной неполноценности на фоне более подготовленных ребят давило на психику, некоторые, достигнув 14 лет, бросали школу и шли работать.

С наступлением холодов отец с братом Михаилом ушли работать на лесоучасток «Дачи», в 10 километрах от посёлка. Все тяготы семейного хозяйства вновь легли на плечи женщин. К повседневным заботам добавились проблемы кормов для скота. Накошенное в достатке сено находилось в двух километрах. Подвезти его можно было только зимой, когда замерзала речка. Приходилось носить сено вязанками, кстати, носили сено не только мы, но и другие семьи, у кого не осталось прошлогодних запасов. Трудно было с дровами. Вообще то они были, это был сырой швырок (длинные толстые поленья для топок паровозов и котельных), который нужно было распилить пополам, а порой и расколоть. Жили скромно, покупали в магазине самое необходимое: хлеб, крупы, постное масло, соль.

В первых числах ноября 1948 года, наконец, освободилась вторая половина дома – наша квартира. После мелкого ремонта и побелки, накануне праздника 7 ноября, мы въехали в свою квартиру

площадью 18 квадратных метров. Это было радостное событие. Михаил Григорьевич освободился от порядком надоевших родственников, а мы приобрели свой угол. Входить в новую квартиру нужно было через высокое крыльцо без перил и сени. Маленькая кухня служила одновременно и прихожей. Комнату от кухни отделяла деревянная перегородка. У перегородки поставили кухонный стол с табуретками, в углу повесили угловой шкаф для посуды, на стену у двери деревянную вешалку. В небольшой комнате поместилась, родительская кровать, мамин сундук для белья и старенькая этажерка для книг.

Переезд в собственную квартиру был кстати. Через неделю, 13 ноября, мама родила сестрёнку, назвали её царским именем Тамара. В доме вновь качалась зыбка. Это был желанный ребёнок, заботы о малышке легли на плечи всех членов семьи. Когда мама была занята, следили за ребёнком Валя или Володя, иногда приходила бабушка, в редких случаях качать зыбку доверяли мне, чем я очень гордился. Незаметно наступила зима, а затем и новый 1949 год. Для нашей семьи он стал переломным – закончилась ссылка. Уже в феврале, родители, впервые в жизни, получили паспорта гражданин СССР.

Как же они гордились этим документом, какой радостью светились их лица! Получение паспортов означало окончание ссылки, отмену всех ограничений спецпереселенца, возвращение гражданских прав, гарантированных Конституцией СССР.

В марте прошли первые после войны выборы депутатов Верховного Совета СССР. Это был всенародный праздник, с песнями, застольем, катанием на тройке с бубенцами. И не важно, что с депутатом никто не был знаком. Люди, опуская бюллетень, голосовали за лучшую жизнь. Это был счастливый период жизни наших родителей, они преобразились, появилась уверенность в лучшем будущем. Больше никуда не вывезут, можно строить собственное жильё, обживать хозяйство – раскулачивать не будут.

Кстати, к этому времени относятся снимки нашей мамы, отца, дяди Михаила, тёти Паши и бабушки, сделанные профессиональным фотографом. Их можно встретить в семейных архивах наших родственников.

Справка. «По данным журнала «Социум» (Социологические исследования,) за август 1992 года, в статье «Судьба кулацкой ссылки» ...На 1 июля 1938 года в стране числилось населения в

«кулацкой ссылке» 997329 человек. С кулаками было покончено, ряд смягчающих мер освободили сотни тысяч ссыльных. По состоянию на 1 ноября 1946 года – 599477 человек. В Хабаровском крае на 1 января 1946 года в спец. поселениях находилось 5463 семьи, 16634 человек, в том числе, мужчин – 4225, женщин – 5498, детей – 6911».

В книге «Памяти жертв политических репрессий на территории Еврейской автономной области», изданной, в Биробиджане в 2011 году, приведены данные о репрессиях. По данным переписи 1926 года в Биро-Биджанском районе проживало 32250 человек. С 1930 по 1957 годы подверглись репрессии 6038 человек. Арестовано – 3493 ч., расстреляно – 1066 ч., выслано – 2545 человек. Раскулачивание и выселение в Биро-Биджанском районе шло особенно интенсивно и этому были определённые мотивации. Жилые помещения, оставленные семьями репрессированных, заселяли еврейскими переселенцами.

Последствия многолетней ссылки для семьи Боброва Григория Лукича, нельзя оценивать однобоко. Безусловно, негатива было через край. Насильственный слом веками сложившегося казачьего и крестьянского быта разрушительно сказались на формировании личностей детей. Никто из них не получил даже полного начального образования. Да и не стремился получить его. Как результат – ограничения в возможности выбора профессии. Тяжёлый физический труд – для сыновей, уборщиц и подсобных рабочих – для дочерей. Дед Григорий был трезвенником и глубоко верующим человеком, сыновья же редко вспоминали Бога, чаще находили утешение в алкоголе. От ужасных условий жизни, голода, отсутствия медицинского обслуживания, умерли жёны старших сыновей, десять внуков. Не пережил ссылки и сам глава семейства Григорий Лукич.

Но были и положительные моменты. Размер заработной платы в лесной промышленности был в несколько раз выше, чем в колхозе. Интенсивность труда была ниже, чем в частном крестьянском хозяйстве.

Однажды я спросил маму Феодосию Александровну: – Мама, ты хотела бы вернуться в Бабстово, к тем условиям жизни, что были до раскулачивания? – Нет, – твёрдо ответила она. – Мы работали (чертомелили) по 15-16 часов в сутки, много делали бессмысленной работы. Зачем нужно было держать 20-25 коров, если молоко сбывать некуда. Для чего нужно было засеивать несколько десятин рисом, чтобы потом кормить им лошадей. Рис

никто не покупал.

– Три раза в неделю нужно было испечь хлеб на всю большую семью, – сейчас его можно свободно купить в магазине. – Нет, возвращаться в условия прежней жизни, я не хочу.

Завершение ссылки подтолкнуло родителей к необходимости улучшения жилищных условий. Отец, с братом Михаилом, приняли решение, капитально отремонтировать отцовский дом для семьи Михаила, а нашей семье построить новый дом. Мы, дети, не знали о масштабных планах наших родителей и не слышали, чтобы они обсуждали её публично. Всё происходило, как бы, само собой. В апреле завезли строевой лес к железнодорожному мосту через речку и раскрывали. В июле, во время паводка, сплавили брёвна до посёлка. Во время этого действия отец, с братом Михаилом, показали мастерство сплавщиков. Они плыли с длинными шестами на брёвнах, подталкивали на стремнину застрявшие в траве, ловко перескакивая с бревна на бревно. Строевой лес был выкачен на высокий берег. Годы ссылки на Амуре не прошли даром.

Для нашей семьи кулацкая ссылка в 1949 году закончилась, а для кого-то она только начиналась. После окончания Великой Отечественной войны, на основании Ялтинской конференции, к СССР присоединились, бывшие Российскими территории Украины, Белоруссии, Молдавии, Прибалтики. На новых территориях стали действовать советские законы.

Частная собственность стала вне закона. Национализация собственности, коллективизация сельского хозяйства вызывали определённое противодействие части населения. Были для этого и объективные обстоятельства.

В начале 20 века, на этих территориях России была частично проведена земельная реформа, по проекту великого русского реформатора Столыпина. Крестьяне получили по 10-15 десятин земли (отруба), построили усадьбы (хутора). Вели, по сути, натуральное хозяйство, излишки сбывали на рынке. Не все соглашались добровольно передать годами нажитое имущество безвозмездно в собственность колхоза или государства. К таким семьям применяли старый метод убеждения – ссылку. И поехали опять составы спецпереселенцев в Сибирь, Среднюю Азию, Дальний Восток. Были среди них и те, кто служил или работал на фашистов.

В конце августа 1949 года на станцию Сита специальным

эшелоном, под конвоем, привезли несколько сотен переселенцев из Западной Украины и выгрузили на привокзальную площадь. Эта новость мгновенно облетела весь посёлок. – Бандеровцев привезли!

Измощённые многодневной поездкой в товарных вагонах, люди сложили на землю свои вещи и готовили на кострах скромную пищу, многим готовить было нечего. По домам стали ходить женщины с детьми и просить милостыню. Даже в самые голодные годы войны такого не было. Просить милостыню было не у кого, все жили впроголодь.

По разному встречало переселенцев население, многие делились тем, что имели: кусок хлеба, картошку, лук. Были и такие, кто прогоняли несчастных со двора. Женщина, с грудным ребёнком на руках и маленькой девочкой лет семи, зашла в наш двор. – Добри люди, допомогти шматком, хлиба, або картопли, – неуверенным голосом попросила она. Во дворе, как всегда, была ватага ребятишек. Непонятные нам слова рассмешили нас и мы стали громко смеяться. Женщина растерялась и собралась уходить. Услышав шум, во двор вышла наша мама, без слов ей было всё понятно – обидели человека. Она резко оборвала наше веселье. Пригласила женщину с детьми в дом, покормила тем, что было, дала полбулки хлеба, картошки и проводила до калитки нежданных гостей. Они низко поклонились и поблагодарили:

– Дякую, пани! Мама выпроводила со двора соседских ребятишек, а нас собрала возле крыльца нашей квартиры. Разговор был жёсткий.

– Вы что забыли, кто мы? Нас так же, в 1933 году, вывезли сюда на голодную смерть. Мы 16 лет были такими же бесправными, как они, лишь недавно получили паспорта. Чтобы я больше никогда не слышала оскорблений. Они такие же люди, как мы. А слабым всегда нужно помогать. Нам был преподан наглядный урок сострадания и милосердия. Я его запомнил на всю жизнь.

В тот же вечер старший брат Володя повёл меня в клуб посмотреть кинофильм. Клуб размещался в обычном бараке, вместе с продовольственным магазином. К нему примыкала большая площадь, бывший армейский плац. Вся площадь была заполнена людьми. Они сидели группами возле костров, разговаривая вполголоса, на огне готовилась какая-то пища. Я никогда ещё не видел такого скопления людей.

– Кто они? – спросил я брата. – Переселенцы из Украины,

– коротко объяснил он. Показывали фильм «Дети капитана Гранта». Фильм часто прерывался и закончился поздно. Когда мы вышли на улицу, было темно и прохладно, площадь освещалась догорающими кострами, вокруг которых были видны силуэты сидящих людей. Разве я мог знать, что среди этих несчастных есть девочка, которая через 19 лет станет моей женой.

Через несколько дней большую часть переселенцев развезли по лесоучасткам и расселили в бараках. Семьи, трудоустроившиеся на работу в Сите, разместили временно в теплушках, переоборудованных под жильё. На железнодорожном тупике появилась «украинская слобода». Через год их переселили в щитовые двухквартирные дома с земельными наделами. Наиболее предприимчивые, построили собственные дома и переехали в них. Работящие и исполнительные, они быстро адаптировались к новым условиям жизни. Некоторая напряжённость между поселенцами и местным населением исчезла. Да и чего было делить, все жили в одинаковых условиях.

Радостная новость о завершении ссылки дошла до многочисленных наших родственников, проживающих в Биробиджане, Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре. В после-военные годы ещё сохранялся жёсткий закон к нарушителям трудовой дисциплины. За опоздание на работу можно было получить административный арест. Рабочая неделя длилась шесть дней, выходным днём было воскресенье. Поехать в гости можно было только во время праздничных дней, на 7 ноября и 1 мая.

Праздновать «32 годовщину Великой Октябрьской Социалистической революции» приехали тётки и дяди, как Бобровой, так и Шохиревой родни. Гуляли с казачьим размахом. Весёлое застолье, с песнями и плясками под гармонь, продолжалось весь день. Несколько часов компания пела и плясала в нашей квартире, затем перешла в квартиру дяди Миши, а завершила гуляние у тётки Анны. Переход весёлой компании по улице сопровождался песнями, частушками и плясками под аккомпанемент гармони и бубенцов. Соседи с завистью наблюдали за компанией. Это тоже была старая казачья традиция. Работать – так до седьмого пота, гулять – так с размахом!

Наступила зима. С наступлением устойчивых морозов была прочищена дорога, соединившая посёлок с федеральной трассой Хабаровск-Владивосток. По зимнику стали завозить автомобилями срочные грузы. В посёлке дорога проходила по

нашей улице. Движение машин было достаточно интенсивным, что создавало определённые неудобства. От грохота проезжающих грузовиков и тракторов дрожала земля, звенели стёкла, ночью яркий свет фар освещал окна так, что в доме становилось светло.

Вскоре машины утрамбовали колёсами на улице снег, он стал блестять. Местные ребята быстро сообразили, что по такой дороге можно кататься на коньках. Так улица превратилась в мини стадион. Здесь устраивались забеги на коньках, прикрученных верёвками к валенкам, самокатах, сделанных своими руками. Но самыми популярными были командные соревнования по зимнему футболу и хоккею с мячом. По выходным дням зимние забавы продолжались весь день. Только наступившая темнота прерывала спортивные баталии.

Перед новым 1950 годом, в школе была установлена большая ёлка, украшенная самодельными игрушками. Для детей устроили утренники, где водили вокруг ёлки хороводы, а детям, спевшим песенку или прочитавшим стихотворение, дарили скромные подарки со сладостями. Впервые была установлена небольшая ёлочка и в нашей квартире.

В казачьих семьях не праздновали Новый год. По Юлианскому календарю, 25 декабря, встречали Рождество Христово, затем шли рождественские праздники, завершавшиеся 7 января Крещением Господним. По астрономическому календарю, именно с 24 декабря начинает увеличиваться продолжительность дня, а значит и наступает новый годовой цикл. В советской стране празднование нового года становилось хорошей традицией, и в последующие годы, к новогодним праздникам, ёлка в доме ставилась обязательно.

Наступила весна. Накануне в нашей семье отметили Великий праздник – Пасху. Стояла непривычно тёплая весенняя погода, буйно цвела верба, на ней гудели пчёлы, собирая весенний нектар. В такой погожий день мама собралась идти к единственному на нашей улице колодцу по воду. Мы, с двоюродным братом Григорием, пошли вместе с ней. Колодец находился во дворе школы. Возле колодца стояла группа женщин, дожидаясь своей очереди. Двое, не спеша вращали рукоятки ворота, поднимали тяжёлую бадью с водой, наполняли стоящие рядом с колодой пустые вёдра и опускали в колодец за следующей порцией. Попутно обсуждали последние поселковые новости. Подойдя к женщинам, мама подключилась к беседе. Чтобы не слушать

женские разговоры, мы с братом убежали на железную дорогу в пятидесяти метрах от колодца, чтобы набрать камешков для рогатки. Заскрипели тросики, семафор открылся, разрешив въезд на станцию. Приближался паровоз с длинным составом порожних вагонов, спустившись к мосту, он стал подниматься на затяжной подъём, замедляя ход. Локомотив тяжело пыхтел, выбрасывая клубы дыма, пара и снопы искр, медленно проехал мимо нас, издав пронзительный гудок. Всё заволокло дымом. Вскоре смрад рассеялся, затихли звуки втягивающихся на станционные пути вагонов.

– Смотри, кажется, школа горит, – заикаясь, больше обычного громко сказал Гриша. Я посмотрел на здание. – Ничего не вижу.

– Ну, посмотри, возле второй трубы! – возмутился он. Я внимательно посмотрел и, действительно, увидел возле трубы небольшой костерок, быстро увеличивающийся в размерах.

– Школа горит, школа горит, школа горит, – разом закричали мы, перебивая друг друга, и бросились бежать к колодцу, где стояли женщины. Здание школы, построенное в начале 30 х годов, было покрыто тонкой дранью, огонь разгорался стремительно. Пока мы бежали, пламя взметнулось в небо, повалил чёрный дым, неожиданно поднявшийся ветер разбрасывал горящие угли. Женщины и без нас видели пожар. – Бегите домой, а то вас тут затопчут, – бросила на ходу мама и побежала к школе. В школе шли уроки второй смены, старшая дочь Валентина и сын Владимир были на занятиях. Но вряд ли мама думала о безопасности только своих детей. Не раздумывая, она бросилась в горящее здание.

Позже мама рассказывала, как бежала по задымлённому коридору, открывала двери классов, громко объявляла о пожаре, просила открывать окна и быстро уходить из класса. Выйти из школы через дверь она уже не могла. Огромные языки пламени завывало ветром с крыши до самой земли.

Из воспоминаний сестры Валентины:

– Во время урока неожиданно открылась дверь. – Открывайте окна и быстро выходите на улицу! Школа горит! – громко крикнула какая то женщина и громко хлопнула дверью. Я плохо помню, как выходила из класса, но, когда оказалась на улице, в руке у меня была только ручка. Брат Володя, когда объявили о пожаре, молча, зажав под мышку учебники вскочил на парты, подбежал по ним к окну, выбил его ногой и выскочил на улицу. Всех учеников и преподавателей успешно вывели из горящей школы благополучно,

через окна с подветренной стороны. Тяжёлые ожоги получили несколько детей пытавшихся выбежать через входные двери.

Мы с Гришей, отбежали на некоторое расстояние и стали со страхом наблюдать за разворачивающейся трагедией, но вскоре убедились в разумности маминого совета. Со всех сторон к школе бежали люди с вёдрами лопатами и баграми. Испугавшись, мы убежали домой, взобрались на верхнюю ступеньку лестницы, приставленной к чердаку, и со страхом наблюдали за чёрными клубами дыма поднимавшегося высоко в небо. Ближайшие здания скрывали от нас происходящее, слышался только треск горящей древесины, громкие голоса борющихся с огнём людей, тревожные гудки подъезжающего к школе паровоза. Через час огонь, наконец, потушили, но поезд дежурил до утра, заливая вновь возникающие возгорания. Школа представляла жалкое зрелище. Кровля сгорела полностью. Выгорели окна и двери с северной стороны, стены обгорели и были черные, как головешки, но сруб удалось отстоять. Воды домой мама так и не принесла, найти в общей массе грязных помятых вёдер свои было невозможно, а воду из колодца вычерпали так, что ведро зачерпывало только ил.

Занятия в школе прекратились. К счастью, школьная мебель хоть и была залита водой, но сохранилась. Через три дня были оборудованы временные помещения в бараках и некоторых административных помещениях. Занятия возобновились, но в три смены.

В таких экстремальных условиях заканчивался в школе учебный, 1950 год. На восстановление школы были брошены все возможные силы леспромхоза. Собраны лучшие плотники и столяры, в том числе, и наш дядя Михаил. Работы велись весь световой день, без выходных. По воскресеньям на помощь приглашали родителей. К началу учебного года здание школы было восстановлено под новой тесовой крышей. О страшном пожаре напоминали лишь чёрные бревна сруба. С учётом демографического бума, районной властью было принято решение о закладке фундамента новой двухэтажной школы в центре посёлка, с центральным отоплением, на 450 мест.

В июне 1950 года начались работы по ремонту нашего дома на две семьи, построенного наспех в 1936 году. Отец, с братом Михаилом, взяли отпуска, привлекли к работам старших детей и работа закипела. Во дворе были построены из горбыля две небольшие кухни, где можно было готовить пищу, укрыться от

дождя. Из дома была вынесена скромная мебель, выставлены окна. С двух сторон под дом подвели длинные брусья (ваги), на них прибили большие деревянные ящики. В ящики лопатами, одновременно с двух сторон, бросали землю. Удивительно, но через два часа, многотонная махина дома, потрескивая, оторвалась от подгнившего оклада и зависла в воздухе. Подгнившие брёвна убрали, подвели новые, из сухой лиственницы, и аккуратно опустили на них дом, выбрасывая землю из ящиков.

Старая казачья технология подтвердила мудрость житейского опыта. Подручными средствами была решена сложнейшая инженерная задача. К осени отделочные работы в квартирах были закончены. По сути, это были новые квартиры с ровно оштукатуренными стенами, побеленными белой известью, новыми голубыми рамами и гладким полом, впервые покрашенным жёлтой краской. Мы через окна любовались новым обликом жилья и с нетерпением ждали, когда высохнет краска, чтобы переселиться из сараев в уютные квартиры. Не случайно, я упомянул, что впервые выкрашены полы. В квартирах обычно полы были не крашенные по простой причине – не было краски. Полы женщины мыли раз в неделю, оттирая грязь с помощью скребков, пучков медной проволоки, или веников из сухих прутьев. Это была тяжёлая физическая работа, отнимающая немало времени.

В начале сентября, мы, наконец, заехали в отремонтированные квартиры. Это был праздник! Особенно радовалась маленькая Тамара, яркие краски приводили её в восторг. После уборки огородов дом побелили снаружи. На фоне других он теперь выглядел опрятно и празднично.

Велись подготовительные работы для строительства нового дома нашей семье. Родители выбрали участок под усадьбу на окраине посёлка, в самом конце улицы имени разбойника Емельки Пугачёва. Улицей её можно было назвать с большой натяжкой. Жителей на ней пока не было, выделены лишь земельные участки для застройки, только на одном начато строительство. Можно было подобрать другой участок, ближе к центру посёлка, но родители веско обосновали все преимущества усадьбы на окраине. В любое время можно привезти дрова и сено, не в ущерб соседям, построить на краю усадьбы баню. Протекающая рядом речушка обеспечит водой хозяйственные нужды, удобны для выпаса скота и водоплавающей птицы прилегающие болота

и редколесье. Есть возможность добавить к огороду несколько соток земли. Возражения старших детей, Валентины и Владимира, не оказали влияния – решение было принято.

Вскоре землемер отмерил 20 соток земли, обозначил усадьбу колышками. Отец выкорчевал трактором старые пни и разрыхлил землю гусеницами, участок огородили жердями. С наступлением холодов на усадьбу завезли строевой лес для строительства дома.

Уходящий год запомнился одним удивительным событием. К нам в гости приехал двоюродный брат отца Димов Никита Дмитриевич. В 1918 году он эмигрировал с семьёй в Китай, жил в Харбине, где окончил Русский университет. В совершенстве овладел китайским и японским языками. Нашёл своё место в бизнесе. Владел крупным магазином. После революции его бизнес выкупило китайское правительство. Никита вернулся с семьёй в СССР богатым человеком. Попросил разрешения у властей собрать в ресторане г. Хабаровска своих родственников, но ему не разрешили. Тогда он решил посетить родных сам.

Обычно, приезжающие к нам родственники большую часть времени уделяли застолью. Никита Дмитриевич был другого воспитания. Его не интересовал алкоголь. Он рассказывал много интересного о жизни в эмиграции, происходящих изменениях в Китае. Внимательно слушал рассказы родителей о скитаниях во время ссылки. Интересовала его судьба родственников и условия жизни в СССР, предстояло приспособиться к новой жизни. Утром он уехал в Хабаровск. Ему не разрешили поселиться на Дальнем Востоке, сослали в город Свердловск. Редкий случай. Обычно, вернувшихся из Китая граждан направляли на 5-10 лет в колонии, для профилактики. Опыт и знания Никиты были востребованы в Сибири, он получил предложение, возглавить отдел тканей крупнейшего в сибирской столице универмага. Его часто приглашали для участия в переговорах с китайскими делегациями, приезжающими на Уралмашзавод, в качестве переводчика. Его сын Гедеон окончил горный институт и работал на том же заводе, поднялся по ступенькам служебной лестницы до главного инженера промышленного гиганта.

Наши родители в дальнейшем поддерживали постоянные контакты с семьёй Димовых, регулярно обменивались письмами. Внимательный Никита часто присылал познавательные журналы и книги, помогал саженцами сибирских ягодников. 1951 год запомнился рядом важных событий в жизни посёлка и

нашей семьи. На смену старенького паровика в мастерские леспромхоза привезли мощный дизель-генератор, позволивший электрифицировать весь посёлок. Осенью электричество подвели и к нашему дому. В те времена электрических счётчиков ещё не было. Плата взималась за каждую лампочку, независимо от того пользовался ты электричеством или нет. За установленную розетку взимались большие деньги. Особой нужды в установке розеток не было, в те времена электрических бытовых приборов промышленность ещё не выпускала. Конечно, это было знаменательное событие, заметно улучшившее условия жизни. Электричество подавалось круглосуточно. На столбах появились фонари. В праздничные дни на мастерских, клубе, станции зажигались гирлянды из электрических лампочек.

К концу года состоялось открытие поселкового клуба. Красивое здание с большим зрительным залом, библиотекой, буфетом, бильярдным залом и огромным фойе стало центром культурной жизни леспромхоза. В посёлок стали ездить артисты хабаровской филармонии, и даже цирк шапито, регулярно показывали кино. Рядом с клубом был стадион.

Летом, когда закончилась зимняя заготовка леса, отец вернулся домой. Началось строительство нашего дома. Отец с братом Михаилом и двумя нанятыми плотниками за месяц поставили сруб и накрыли крышу. Незаметно наступила осень, и мы с двоюродным братом Григорием пошли в школу. Начальные классы размещались в отдельном здании. Нас посадили за одну парту. Нашей первой учительницей была Кашигина Валентина Яковлевна, уже опытный педагог. Она умело управлялась с разновозрастным классом ребятшек. Некоторым первоклассникам было по 12 лет. Она никогда не повышала голоса на учеников, не унижала отстающих, старалась всем уделить внимание и отдать частичку своей души. Применяла новаторские, по тем временам, методы обучения.

Когда мы только учились складывать по слогам первые слова, не у всех это получалось. Тогда прочла нам сказку Пушкина «О золотом петушке» наша сверстница Бойчукова Люба. Спокойно, не запинаясь, меняя интонацию с учётом знаков препинания и смысла текста, она быстро прочла текст в десяток страниц. Мы прослушали её, не шелохнувшись. Для нас это был шок. Казалось, что она вообще из другого мира. Оказывается, научиться читать можно, нужно только постараться. Позже мы узнали, что мама девочки преподаватель начальных классов. Она научила дочку

читать и писать до поступления в школу. К сожалению, особого рвения к учёбе мы не проявляли, отличниками в классе были не многие.

В послевоенные годы в стране стремительную популярность стали набирать шахматы. Толчком к появлению модной игры стал прошедший в 1948 году в Москве мировой матч-турнир по шахматам, где победителем стал советский гроссмейстер Михаил Ботвинник. В шахматы стали играть повально все, от старого до малого. В моде стала шахматная терминология: дебют, гамбит, эндшпиль, гарде. Тормозило развитие этой интеллектуальной игры отсутствие шахмат. В сельском магазине их не продавали. Дефицит компенсировали умельцы. Шахматную доску делали из картона, фигуры лепили из глины, вырезали из дерева.

Володя, старший брат, вырезал оригинальные фигурки из дерева, это были лучшие шахматы. На них мы обучались основным принципам древней игры. Володя играл прилично, почти всегда выигрывал у сверстников.

Однажды, поздним зимним вечером, когда все члены семьи крепко спали, брат предложил поиграть в шахматы. При свете керосиновой лампы состоялась шахматная баталия. Я не надеялся на победу, слишком неравные были возможности соперников, старался продумывать каждый ход, Владимир снисходительно смотрел мою игру и неожиданно проиграл.

– Поздравляю! Ты подаёшь надежды, – пожал он руку сопернику. Предложил новую партию. Партия была долгой, брат был внимателен, но опять проиграл. Ущемлённое самолюбие требовало реванша. После проигранной третьей партии Володя стрёб шахматы и забросил в печь. Что это было? Везение, озарение, но я у брата никогда больше не выигрывал.

Впервые за многие годы отец работал на вывозке древесины в лесных угодьях посёлка Сита и жил дома. Уходил на работу рано утром, возвращался поздно вечером, обедать домой не приходил, а брал с собой узелок с едой. Вскоре отец получил отпуск, и на нашем доме возобновилось строительство. Основную работу выполнял отец с братом Михаилом. В отделочных работах участие принимали все члены семьи, кроме Тамары. Ощутимую помощь взрослым оказывали Владимир и двоюродные братья Геннадий и Юрий. Им поручалась не самая ответственная, но нужная работа. Они копали погреб и поднимали вёдрами глину на чердак. Сухая глина была хорошим теплоизолятором, сохраняла тепло и слу-

жила противопожарным средством. Драли дранку для кровли, забора и штукатурки. Изготовленная из лиственницы, она служила десятилетиями. Строгали ручным рубанком доски для пола и тёс. Для неокрепших подростков это было тяжёлым испытанием, но они держались достойно. Мне, с двоюродным братом Григорием, доверяли шкурить столбики для забора, обивать узкой дранкой стены внутри дома для штукатурки, рубить из проволоки гвозди, убирать строительный мусор. К штукатурке дома готовились тщательно. Загодя приготовили глину, нарубленную короткими кусочками солому, наносили в бочки воды. Собрали нужный инструмент: носилки, лопаты, затирочные доски, козлы, вёдра и т.д. На воскресенье пригласили родственников, знакомых, соседей. На просьбу оказать помощь, откликнулись многие. Нигей, Масловы, Путько, Ступины, Ищенко и близкие родственники. К восьми часам утра, собралось около двадцати человек.

Руководил процессом Михаил Григорьевич. Он распределил всех по бригадам: штукатуров, кто владел навыками, водоносов, замесчиков глины, подносчиков. С песнями, шутками, приколами началась работа. Выкладывались с полной отдачей, никто не отлынивал. Это был настоящий праздник труда! Все работы делались вручную. В сколоченном из досок ящике, месили ногами глину, перемешанную с мелко порубленной соломой. Носилками заносили в дом. Женщины руками бросали глину на стены и потолок, разравнивали затирками. Слышались удары глины, вбиваемой в набитую дранку, смех и чертыханье от попадающих в лицо брызг и напевы старинных казачьих песен.

К двум часам дня штукатурка была закончена. Участники субботника, усталые, забрызганные глиной, но гордые успешно сделанной работой, со смехом умывались и приводили себя в порядок. Во дворе, к этому времени был накрыт длинный стол с закусками и выпивкой. Веселье под гармонь продолжалось до вечера. Так наши родители, в экстремальных случаях, решали житейские проблемы. Это были старые казачьи традиции.

Наша мама рассказывала, что так сажали в Бабстово картофель на приусадебных участках. Готовили загодя землю, семена и в определённый день, собравшись вместе, женщины высаживали картофель на одном огороде, затем переходили к соседям и т.д. За день засаживали по 6-8 огородов. Посадка картофеля в одиночку, занимала бы несколько дней. Мужчины огородами никогда не занимались, эта работа считалась женской.

В августе 1952 года в посёлке произошло знаменательное событие – закончилось строительство новой двухэтажной школы на 450 мест. Учебный год мы начали в просторных светлых классах, пахнущих древесной смолой и масляной краской. На первом этаже была большая раздевалка, библиотека, пионерская комната, четыре классных комнаты, кабинет завуча, радиоузел, буфет. На втором этаже – учительская, кабинет директора, семь классных комнат. Особой гордостью школы считался огромный холл, где проводили школьные «линейки», праздничные вечера, занятия физкультурой в непогоду.

Помню первую линейку, посвящённую началу учебного года, которую открывал молодой директор Деев Григорий Семёнович. Он будет возглавлять школу более десяти лет, а нам, через девять лет, вручит аттестаты зрелости и отправит в самостоятельную жизнь. Рядом со школой, через дорогу, находился построенный в предвоенные годы огромный стадион с обветшалыми трибунами. По тем временам, школа считалась современным зданием, с центральным отоплением, но без водопровода и канализации, по причине отсутствия таковых коммуникаций в посёлке.

В конце сентября новоселье отметила и наша семья. Строительство дома закончили в августе, но переезд отложили до завершения уборки на огороде урожая овощей и картофеля. Мы с нетерпением ждали этого события, часто приходили в новый дом, заканчивать мелкие недоделки. В дом заходили босиком, чтобы не испачкать, покрашенный светло-коричневой краской, пол. Долгожданное событие для меня прошло достаточно буднично. Днём переезда была назначена суббота. Отец отпрашился на работе во второй половине дня, приехал на тракторе с огромными деревянными санями, застеленными досками, через огород к самому дому. На сани погрузили вещи, картофель, овощи, улья с пчёлами, клетку с курами, привязали к саням за верёвку корову и годовалого бычка, нашлось место и для членов семьи. Отец завёл трактор, и сани плавно заскользили по мягкой огородной земле. Через полчаса обоз был возле нового дома.

К сожалению, я не видел этого и не участвовал в историческом переезде. Наш класс занимался во вторую смену. Когда я вернулся из школы домой, квартира была пуста, что-то наше, родное уже покинуло её. Двери были распахнуты настежь. На полу небрежно лежали обрывки газет, на стене белели пятна от висевших фотографий. По квартире, бродила наша кошка, тревожно мяукая.

В суматохе переезда её забыли. Я взял кошку и пошёл по санному следу, к новому месту жительства.

Стоял тёплый осенний день, последние лучи солнца уходили за горизонт, смеркалось. В доме было темно. Из открытых окон выходил дым. Вся семья собралась возле костра, где готовилась пища для ужина. Недавно сложенная, печь ещё не просохла и нещадно дымила. Электричество к дому ещё не подвели. Это несколько омрачало праздничное настроение. Зажгли керосиновые лампы и квартира преобразилась. Привезённые вещи не были разложены, в трёх комнатах было просторно.

Всей семьёй сели ужинать за большой стол в прихожей. В сравнении с предыдущей квартирой, было просторно. Чувствовалась определённая неустроенность, к новому дому нужно было ещё привыкнуть. За окнами стояла непривычная тишина и непроглядная темень, ближайшее от нас человеческое жильё было не ближе 200 метров.

На новой улице им. Пугачёва, из 6 домов закончено строительство только двух. Первый, семьи Шулак, и последний – наш. К новым условиям жизни нужно было приспосабливаться, смириться с отдалённостью от центра посёлка, где сосредоточены все социально значимые объекты: школа, больница, магазины, клуб, железнодорожная станция, почта и т.д. В доме не было радио, электричества, с перебоями приносили почту. Новые испытания принесла рано наступившая снежная зима. Нашу усадьбу буквально заметало снегом. Стоявший на отшибе дом, огороженный забором, задерживал снег, сметаемый ветром с огромных, пока незастроенных, пустырей. Даже небольшая позёмка за день заметала снегом узкий двор – от дома до калитки на высоту забора. Приходилось регулярно прокапывать тоннель в сугробах. Старший брат Володя подошёл к уборке снега творчески. Ровные стенки снега украсил замысловатыми барельефами, что вызывало определённую зависть соседей. После очередного снегопада приходилось прокладывать в снегу первую тропу до ближайшей дорожки. Снег на улицах в те времена не чистили. Были и плюсы большого снега, горки для катания на лыжах и санках были везде, и местная детвора с удовольствием этим пользовалась.

Незаметно подкрался новый, 1953 год. В школе, на втором этаже, в холле была поставлена огромная ёлка, здесь проводили праздничные хороводы для учеников разных возрастных групп.

Впервые, на собранные с родителей деньги, детям младших классов были розданы скромные новогодние наборы. Многие из нас впервые узнали вкус ароматных мандаринов. Радостные чувства вызывали предстоящие каникулы. Жизнь шла своим чередом, люди ожидали очередного снижения государственных цен на продовольственные и промышленные товары для населения. Ничто не предвещало серьёзных изменений. В феврале отец был награждён второй правительственной наградой – медалью «За доблестный труд». По статуту полагался орден, но что-то не сложилось. Отец рассказывал, что накануне, он приехал в посёлок Сита на тракторе с пятитонной цистерной на санях, за дизельным топливом. На нефтебазе залил в цистерну соляру. Подъехал к столовой, пообедал. Во время стоянки, кто-то набирал, точнее, воровал соляру и в спешке неплотно закрыл кран. При отсутствии керосина население использовало соляру для керосиновых ламп. Не проверив герметичность крана, отец поехал. Соляра тонкой струйкой продолжала течь. Когда приехал на лесоучасток «Дачи», в цистерне осталось половина топлива. Стоимость топлива вычли из зарплаты, но проступок видимо не забыли.

ЭПОХАЛЬНОЕ ПОТРЯСЕНИЕ

Между тем, страну ждали серьёзные перемены, изменившие будущее развитие государства. После непродолжительной болезни неожиданно, на 75 году жизни, умер Генеральный секретарь ЦК, Председатель Президиума ЦК КПСС И. В. Сталин. Человек, возглавлявший одновременно партийную и государственную власть, большевистской пропагандой был возведён в ранг полубога. Все успехи государства приписывались, мудрому руководству И.В. Сталина. Для населения страны, особенно для государственной власти всех уровней, его смерть было шоком.

– Как мы будем жить без вождя? По всей стране был объявлен траур. Я вспоминаю день похорон 5 марта 1953 года. В посёлке тревожно гудели гудки паровозов, и котельной мастерских, на предприятиях и в организациях проходили траурные митинги. В школе прошла траурная линейка, на которой присутствовали ученики обеих смен. Выступали преподаватели и ученики, многие искренне плакали. Мероприятие затянулось. Опасаясь наказания за самовольный выход из строя, несколько детей первоклашек описались. Не все оплакивали смерть вождя.

В нашей семье мнения тоже разделились. Мама кратко выразила своё мнение. – Прибрала, наконец, смерть изверга! Какие лишения нам пришлось пережить, сколько детей похоронили!

– Сталин великий полководец, с ним мы выиграли войну, разгромили фашистов, – возражал отец. Он не знал, что творили с народом Ежов и Ягода.

Прошло более 70 лет, но в обществе нет единого мнения. В последнее время многие политологи оценивают деятельность вождя положительно, несмотря на имевшие место репрессии и ошибки в управлении государством.

Умудрённый жизненным опытом, дядька Михаил почесав затылок, попытался предсказать будущее: – Два-три года, мы проживём по сталинским планам, а вот, что будет дальше – предсказать трудно. Простой деревенский мужик, не зная о придворных интригах, предвидел предстоящие изменения в стране. В столице шла смертельная схватка за власть.

Временно государство возглавил председатель Совета Министров Л.П.Маленков. В марте объявили амнистию. Из

тюрем выпустили сотни тысяч заключённых, в том числе, и уголовников. Страну захлестнула преступность. Докатилась она до таёжных посёлков лесорубов. В деревнях не было воровства, двери домов даже не закрывались на замок. Этим воспользовались преступники. Прокатилась волна ограбления квартир, угона скота. Не устояли против бандитов, оборудованные крепкими запорами и замками магазины. На одном из лесопунктов бала ограблена касса, женщина сторож убита. Убийцу вскоре поймали. В поселковом клубе состоялся показательный суд, бандита приговорили к смертной казни. Но от этого не стало спокойнее. В обществе нагнеталось ощущение страха, надвигающейся катастрофы.

Возникли проблемы с хлебом. Чтобы купить буханку хлеба, нужно было выстоять длинную очередь. Как я ненавидел эти очереди! Порой меня сдавливали так, что было трудно дышать, ноги уставали, я подгибал ноги и висел, сдавленный взрослыми.

Летом мы узнали, что министр Комитета Государственной Безопасности Л. П. Берия – враг народа и английский шпион. В этот день, с двоюродным братом Григорием, мы возвращались домой из клуба после киносеанса. Подходя к дому, мы слышали, как младшие братья Григория, бегая по улице, хором выкрикивали крамольные слова – Берия, Берия, вышел из доверия, товарищ Маленков надавал ему пинков, а товарищ Ворошилов, засунул в ж.... шило. Мы надавали им подзатыльников и в слезах привели к родителям. Каково же было наше удивление, когда мы слышали экстренное сообщение по радио об аресте Л. П. Берии. В сентябре Первым секретарём ЦК КПСС избран Н. С. Хрущёв.

Политические катаклизмы государства не особенно влияли на обычную жизнь. Нужно было сажать огороды, ухаживать за скотом, подсобное хозяйство оставалось основным кормильцем семьи. С наступлением весны, отец занялся строительством бани на краю огорода. Вскоре небольшая банька с холодным предбанником была готова. Наши родственники, соседи, по субботам, стали приходить мыться в бане. Для Володи с Валеи появилась новая забота – наносить в баню воды.

Началась огородная компания, которая затянулась на всё лето. Кроме посадки, прополки и окучивания, началась работа по расширению огорода. Только теперь мы поняли, что означали слова родителей, об удачном расположении усадьбы. Рядом с забором оставались неразработанные небольшие участки земли,

где невозможно было разместить ещё одну усадьбу, но можно было их разработать и прибавить к огороду.

Каждый день, мама давала каждому из нас задание, протяпать мотыгами один-два метра целины. Дернину отрубали тонкими пластами и переворачивали. Монотонная тяжёлая работа в жаркий день, откровенно говоря, не вызывала у нас энтузиазма. Володя не высказывал недовольства, но старался привлечь помощников: двоюродных братьев, друзей по футбольной команде, или найти причину уклониться от выполнения задания. Мы с Валентиной добросовестно тяпали в поте лица. Основную работу выполняли всё же родители, рано утром и поздно вечером. К огороду прибавилось несколько соток земли.

К осени в посёлке открылась школа ФЗО (фабрично – заводского обучения). Здесь должны были готовить специалистов для лесной и деревообрабатывающей промышленности. Срок обучения, десять месяцев. Для школы построили учебный городок, со спальными корпусами, столовой, мастерскими, гаражом для техники. Появился ещё один культурный центр, куда с удовольствием стали ходить по субботним вечерам местные девчата на организуемые администрацией танцы. Многие ребята, бросив школу, пошли получать рабочие профессии.

На нашей улице завершили строительство домов ещё две семьи: Приходько и Светловы. Появились основания требовать электрификации и радиофикации улицы. В сентябре в нашем доме появилось электричество и радио, а на столбах, в начале улицы и в конце, загорелись лампочки. К нам вернулась цивилизация.

Старшие, сестра Валентина и брат Владимир, стали взрослыми, сестре исполнилось 18, а брату 16 лет. У них появились свои, недоступные для нас интересы. Обучение в школе Володе давались легко, Вале – труднее, ей не доставало усидчивости.

Природа не обидела брата талантом. Всё, за что он брался, у него получалось. Он мог неделями заниматься одним делом, пока не добивался результата. Но когда исполнял задуманное, загорался новой идеей, а к предыдущему больше не возвращался. Одно время занялся моделированием кораблей и самолётов. Когда планер полетел, а подводная лодка поплыла, потерял к ним всякий интерес. Купил балалайку, изучил нотную грамоту по самоучителю, научился играть несколько десятков мелодий, но вскоре охладел к ней. Научился играть на гармонии, его стали приглашать на школьные вечера, семейные праздники, но

появились баяны, электрические проигрыватели и брат посчитал гармонь анахронизмом и играть на торжествах стал отказываться. На всю жизнь он остался верен изобразительному искусству и спорту.

Володя с детства хорошо рисовал. В школе оформлял школьную стенную газету, включая раздел сатиры и юмора. За обличительные карикатуры на нарушителей дисциплины и двоечников, неоднократно выслушивал обиды от одноклассников. Пробовал писать маслом. Сделал копию картины «Три богатыря» работы Васнецова.

В послевоенные годы были популярны небольшие настенные «коврики», намалёванные масляной краской на загрунтованной ткани. Сюжет, как правило, был незатейливый: кошки, голуби, плавающие лебеди. Володя подошёл творчески. Размер коврика увеличил до размера кровати. На фоне природы изображал изящных животных: косуль, изюбрей, оленей. Вначале нарисовал и повесил у кровати родителей, затем родственникам, дяде Мише и тётке Анне. Молва о красивых недорогих «коврах» разнеслась по посёлку, посыпались заказы. Дело было поставлено на поток. Отец сделал подрамник. Мама закупала недорогую ткань, сшивала её. Ткань грунтовалась клейстером, и после сушки, покрывалась олифой и наносился рисунок. В доме постоянно стоял запах олифы и масляной краски. Помощь семейному бюджету была ощутимой. Вскоре Володе эта халтура надоела. Заказов он больше не принимал. Думаю, он понял, что без образования не добиться высокого профессионального мастерства.

Между тем, в народе приход к власти новых руководителей государства вызывал оправданную тревогу. Особыми заслугами перед родиной они не отличались. Кто знает, что у них в голове, куда они поведут огромное государство? В стране сохранялся крайне низкий уровень жизни населения. Впервые после войны не были снижены цены на продукты питания, более того, они выросли, терпение народа истощалось. Особенно тяжёлым было положение с хлебом. В феврале, 1954 года как-то незаметно прошло сообщение о безвозмездной передаче Российской Федерацией полуострова Крым Украине.

– Передали не чужому государству, а своей республике, – говорили мужики. Кто бы мог подумать, какой ценой, в будущем, придётся расплачиваться народу за возвращение его в Россию.

В начале 1955 года Хрущёв избавился от своего главного

соперника Маленкова. На очередном Пленуме ЦК КПСС он был обвинён в «правом уклоне», то есть в том, что предлагал развивать производство товаров широкого потребления, а не тяжёлой промышленности. Вслед за Маленковым, от должности был отстранён Л.М. Каганович, отвечающий за развитие планирования промышленности. Единоличным руководителем страны стал Хрущёв.

В этих перестановках была не только политическая, но и идеологическая подоплёка. Маленков и Каганович полагали, что в стране построены только «основы социализма». Хрущёв же считал, что до коммунизма рукой подать. Скорое его наступление оправдывало все тяготы и репрессии. В народе стал популярен слоган «Товарищ верь, взойдёт она, на водку старая цена, и на закуску будет скидка, когда умрёт Хрущёв Никитка». Конечно, история не терпит сослагательного наклонения. Но у страны был шанс развития по более оптимистическому сценарию. Деньги, вложенные в лёгкую промышленность, окупаются на порядок быстрее, чем тяжёлую. А сохранение частной собственности способствовало бы более гармоничному развитию общества. Мартовский пленум ЦК КПСС принял решение «Об увеличении производства зерна». Перед страной была поставлена задача – распахать миллионы гектаров целинных земель на Юго-Западе Сибири, в Алтайском крае, Оренбургской области, Казахстане.

В степь, где не было ни дорог, ни жилья, ни воды были направлены десятки тысяч добровольцев, тысячи тракторов и сельскохозяйственной техники. Каждый день из репродукторов звучали бравурные марши, а корреспонденты рассказывали об очередной партии молодёжи выезжающей в Сибирь, строительстве новых совхозных посёлков. Молодые люди ехали на целину не только «по зову партии», многие надеялись устроить там свою жизнь. Дети военных лет бежали от полуголодного существования в клетушках бараков и коммунальных квартир. Несколько молодых семей уехали на «целину» из нашего посёлка. К стати, неплохо там устроились, назад не вернулись.

Чтобы как-то смягчить в стране дефицит продовольствия, снизить растущее недовольство населения внутренней политикой государства, правительство пошло на беспрецедентные меры. Разрешило выделять, неудобные для сельского хозяйства земли, садово-огородным товариществам.

Тысячи семей получили бесплатно по шесть соток земли на

неудобьях. Непригодные для земледелия участки земли, люди тяжёлым и многолетним трудом делали плодородными. Ими двигал инстинкт собственника: все в стране общественное, а это – своё! Всё свободное время и даже отпуск они посвящали работе на своём клочке земли. Население самообеспечивало себя продуктами питания. Стало возрождаться то, против чего беспощадно боролись большевики. Шесть соток стали зачатком массовой частной собственности в стране. В пятидесятые годы дачные участки имели около 100 тысяч семей, в семидесятые – 3 миллиона, в восьмидесятые – 8 миллионов. Сегодня дачные участки не в моде. На получаемую зарплату, пенсию можно купить свежие картофель и овощи в любое время года в магазине.

В сентябре осторожно начался процесс реабилитации политических заключённых. В Оборский леспромхоз стали приезжать освобождённые из гулаговских лагерей политзаключённые, въезд которым в Москву был запрещён.

Чтобы отвлечь молодёжь от тяжёлых условий жизни, в стране активизировалась работа по возрождению физкультуры и спорта. Начали восстанавливаться, обветшавшие за время войны, спортивные сооружения, строиться новые. В прокат вышли кинофильмы, посвящённые популярным видам спорта. Появился спортивный марш: «Чтобы тело и душа были молоды, были молоды, были молоды. Ты не бойся ни жары и ни холода, закаляйся, как сталь....». Рано утром репродуктор, после кроткого сообщения важнейших новостей, приглашал всех на зарядку под весёлую музыку. Это было время бурного возрождения в стране любительского спорта. Всем хотелось стать чемпионами, если не страны, то хотя бы района.

Особой популярностью в нашем посёлке пользовался футбол. Это была самая доступная игра, не требующая особого инвентаря и оборудованного стадиона. Футбольным полем служила любая площадка с воротами, сделанными из жердей, или просто двух палок, воткнутих в землю. Появились дворовые команды. Центральной спортивной ареной был старый армейский стадион. Вскоре в посёлке Сита появились спортивные команды футболистов, волейболистов, лыжников, легкоатлетов. Шефство над спортсменами взял комитет профсоюза работников лесной и деревообрабатывающей промышленности Оборского леспромхоза.

В первое воскресенье августа, в день физкультурника и

профессиональный праздник железнодорожников, впервые была организована спартакиада Оборского леспромхоза. Это был настоящий праздник. На центральную усадьбу леспромхоза приехали команды спортсменов из крупных посёлков: Обор, Сидима, Дурмин, Золотой.

На стадионе собралась треть населения посёлка. Началась спартакиада с парада команд. Затем, по укороченной программе проводились розыгрыши кубка по футболу и волейболу. Соревновались легкоатлеты. Играл духовой оркестр, с лотков продавались кондитерские изделия, мороженое, морс. В отдельной палатке продавали бочковое пиво. Ватаги детей, перебегали от футбольного поля, к секторам лёгкой атлетики, волейбольной площадке и опять на футбол. Хотелось увидеть всё, не пропустить интересное. Весёлые ситуации возникали в разных секторах стадиона. Вокруг беговой дорожки, где проходил забег на дистанцию 3000 метров стояло много болельщиков. Наш сосед пятидесятилетний Ищенко Никита, немножко «под мухой», так болел за своего кумира, бегущего вторым, что не удержался и побегал впереди спортсменов. При этом нещадно дымил «козьей ножкой». Зрители со смехом поддерживали пожилого спортсмена.

– Молодец Никита, покажи молодёжи, как нужно бегать! Пробежав половину круга, он сошёл с дистанции, но его кумир выиграл забег. Ему и достались овации зрителей.

Наша мама впервые смотрела футбольный матч. Вообще то, она критически относилась к спорту, считая его бессмысленным времяпровождением. А наши переживания за успех команды – чудачеством. Каково же было наше удивление, когда она так болела за приезжую команду, что у неё поднялось артериальное давление.

– Мама, а почему ты болела за команду гостей, – спросил я. – Так они же гости, – удивилась она. А гостей обижать нельзя.

Брат Володя, отстаивал честь посёлка, вначале в футбольной команде, а затем в волейбольной. Мне доверил нести домой его форму. В конце праздника судьи подвели итоги. Победители получали почётные грамоты и скромные сувениры. Для меня, с младшей сестрой Тамарой, спортивный брат Владимир стал примером для подражания.

Спартакиады по летним и зимним видам спорта стали в посёлке проводиться ежегодно. Бурное развитие спорта пятидесятых

-обязано деятельности энтузиастов спорта. Время послевоенных, добровольных и насильственных переселений свели в одном месте талантливых спортсменов и мудрых организаторов.

В Отдел Рабочего Снабжения (ОРС) Оборского леспромхоза приехал молодой специалист, футболист Дементьев Владимир Иванович. Он стал главным организатором спортивных состязаний в посёлке, был капитаном футбольной команды. После отбытия наказания был выслан в посёлок Сита бывший член футбольной команды Московского «Спартака» Стрекалёв Анатолий Александрович. В числе высланных из Украины в Оборский леспромхоз в 1949 году группы спецпереселенцев, были молодые люди, игравшие в молодёжной команде Киевского «Динамо» – братья по фамилии Мацук.

Интересна история появления в посёлке Анатолия Стрекалёва. Существовала традиция: весной, за час-полтора до начала вечернего киносеанса в клубе, на стадионе собирались члены футбольной команды. Они «оттачивали» спортивное мастерство, пробивая по воротам мячом с разных дистанций. Вратарь делал вид, что мячи ловит. Подростки и взрослые зеваки стояли за линией ворот, наблюдая за тренировкой. Подошёл к зевакам незнакомый мужчина невысокого роста, в поношенной фуфайке. Он долго смотрел за ленивой тренировкой и, наконец, попросил разрешить ему пробить мяч по воротам. Просьба вызвала смех футболистов, считавших себя опытными спортсменами. Но ударить по мячу разрешили. Незнакомец немного отошёл и, разбежавшись, ударил поношенным ботинком по мячу. Мокрый, тяжёлый мяч, бешено закрутился, описал дугу и влетел в верхний угол ворот. Стало непривычно тихо.

– Попробуй ещё, – предложил Владимир Редько, полузащитник команды. Второй мяч влетел в левый нижний угол. Третий – в правый нижний. Зеваки от восторга засвистели и стали аплодировать. Так состоялась премьера Стрекалёва, он стал ведущим игроком поселковой футбольной команды. Футболисты команды посёлка, стали постоянными участниками ежегодных чемпионатов района, края, общества «Спартак». Регулярные футбольные матчи на стадионе – настоящим праздником для молодёжи и взрослых любителей футбола.

ОТТЕПЕЛЬ

Весной 1955 года мне предстояло выдержать первые в жизни экзамены. По действующим в то время правилам все ученики, начиная с четвёртого класса, сдавали экзамены. По окончании четырёх классов выдавалось свидетельство о получении начального образования. По окончании седьмого класса – свидетельство о семилетнем образовании, а по окончании 10 класса – аттестат зрелости. Помню первый день экзаменов. После торжественной линейки в коридорах школы звучала популярная песня «Ландыши».

– Чему радуются? – недоумевал я. Получишь неуд и оставляют на переэкзаменовку. Всё закончилось благополучно. Экзамены сдал успешно. Преодолею первое испытание и двоюродный брат Григорий. Мы учились в одном классе. Родовались вместе, не зря протирали штаны за партой четыре года.

В том году в первый класс пошла учиться младшая сестра Тамара. Ей ещё не исполнилось семи лет, пришлось просить учительницу, чтобы её зачислили в первый класс. Первой учительницей сестры была всё та же Валентина Яковлевна, только фамилия у неё стала другой после замужества – Бойко. Володя учился в девятом классе. Старшая сестра Валентина, решила не продолжать дальше обучение. Не закончив девятый класс, она стала подыскивать работу. Почему Валя не попыталась поступить в техникум, чтобы получить профессию? Она не могла ответить. Наверное никто из родственников не подсказал. Услужливые тётушки, посоветовали поехать в город Биробиджан и устроиться на работу на одном из предприятий лёгкой промышленности.

Город заслуженно считался центром лёгкой промышленности Дальнего Востока. Здесь компактно размещались фабрики: текстильная, швейная, трикотажная, обувная, пимокатная. Если сюда добавить кондитерскую, хлебозавод, мясокомбинат и молокозавод, где использовался в основном женский труд, городу смело можно присваивать звание «город невест». Не зря тётушки от городской цивилизации сбежали в посёлок Сита.

Выбор был большой, но везде требовались специалисты. На предприятиях предлагали работу подсобных рабочих, или учеников с минимальной оплатой труда. Сестре предложили работу уборщика на текстильной фабрике. Это был тяжёлый труд

– при высокой температуре и влажности, под грохот десятков прядильных и ткацких станков. Восемь часов приходилось непрерывно убирать от работающих станков очёсы. Технология не позволяла останавливать производство, текстильщики работали в три смены.

Жить Валентина устроилась, в доме бабушки Шохирева Александра Васильевича. Сним жилею младший сын Изот с семьёй. Валя впервые так далеко уехала от родного дома. Необычный ритм жизни, тяжёлые условия труда, тоска по домашнему уюту угнетали её. Проработав три недели она уволилась и вернулась домой. Работать устроилась в ремонтные механические мастерские леспромхоза. Наверное, это был правильный выбор. «Где родился, там и пригодился» гласит русская пословица. В ней обобщён глубокий жизненный опыт. Устраивать свою семейную жизнь всегда легче рядом с родителями. К сожалению, к такому выводу приходишь, набив много шишек на своём жизненном пути.

20 съезд КПСС, прошедший в начале 1956 года в Москве, принял новый пятилетний план, как всегда, уделявший главное внимание тяжёлой промышленности. Съезд признал возможным мирное существование двух систем, возможный переход от капитализма к социализму конституционным путём. Фактически это означало, что СССР отказывается от претензий на руководство всем коммунистическим движением. Подтвердили ленинские принципы коллективного руководства партии. Осудили культ личности Сталина. После съезда в стране начались значительные социальные преобразования.

Смягчено жёсткое антирабочее законодательство предвоенной поры. Разрешено увольнение «по собственному желанию». За опоздание или прогул уже не привлекали к уголовной ответственности или административным наказаниям. Принят закон о пенсиях. Выплаты пенсий работающим пенсионерам были прекращены. Увеличен размер пенсии. Появились социальные пенсии. Впервые стали назначаться пенсии колхозникам, правда, на пять лет позже, чем рабочим и служащим. Колхозники, как и прежде, не имели паспортов и не могли уехать из колхозов. Принята программа массового строительства недорогого жилья эконом-класса...

Это важные государственные программы, а что же менялось в посёлке? Изменения, пусть не такие заметные, как писали в

газетах, но всё же происходили. Нашей бабушке Екатерине Даниловне, наконец, назначили социальную пенсию, совсем небольшую, но она радовалась и малому. Легче стало с хлебом и крупами, в хлебном магазине исчезли очереди.

В посёлке построили первый сборный щитовой двухквартирный дом. Многие ходили смотреть как, с помощью крана из готовых панелей строители за день собирали стены. Через два месяца дом сдавали жильцам. В посёлке, на постоянной основе, открылся строительный участок с собственной базой. Вскоре на окраине появилась новая улица, в основном застроенная щитовыми домами. Назвали улицу «Мирная».

Обустривалась и наша усадьба. Отец срубил добротную кухню из осиновых брёвен, оборудовал верстаком, провёл электричество и развернул бурную деятельность по изготовлению собственной мебели. Его идейным наставником был старший брат Михаил. В доме появились крепкие табуретки, столы, скамейки, шкаф для посуды. Венцом его столярного мастерства стал двухъярусный буфет, украшенный выточенными из дерева стойками. Над стёклами потрудился брат Володя, превратив их в изящные витражи. Новая кухня стала постоянной столовой в тёплое время года. На чердаке мы с Володиёй оборудовали из досок гамак, подвешенный на цепях к балкам кровли. Летом эта была наша спальная комната. Даже после жаркого дня на чердаке было прохладно. Главное преимущество было в том, что мы могли возвращаться в любое время ночи, не беспокоя родителей. Мы знали, что в кухне, на столе, нас ждёт парное молоко хлеб и мёд. Для столярных, плотницких, слесарных работ отец пристроил к сараю дощатую мастерскую. Столяру требовался значительный перечень инструмента. Им обменивались мастера по мере надобности.

С момента переезда в новый дом у нас всегда были пчёлы. Вначале было два улика. Хлопот с ними было много, а мёда мы почти не видели. Отец предлагал бросить это пустое дело. Мама не соглашалась с отцом, развернула бурную деятельность, подключила к этому всю семью. Отец стал делать из толстых досок улья. Получались добротные домики, где пчёлы могли жить при температуре до – 20 градусов. Нам с Володиёй поручили готовить рамки по образцу, куда наклеивалась вощина. Кстати, не такое простое дело. Они должны строго соответствовать размерам и прошиты струной. Для одного улика требовалось 15 рамок. Был

закуплен весь необходимый инвентарь пасечника, от дымара до медогонки. Через два года у нас было 12 пчелиных семей. Научился ухаживать за пчёлами и отец. Жаркое сухое лето 1956 года способствовало богатому медосбору липового и цветочного мёда. Мы помогали маме качать мёд. Приносили в сарай тяжёлый ящик с рамками мёда, срезали запечатанные воском соты, ставили рамки в медогонку и аккуратно раскручивали. По стенкам медогонки серебрились тонкие струйки янтарного мёда, медленно стекая на дно. Из медогонки поднимался божественный аромат свежего мёда. Этот букет сладких запахов можно почувствовать только у медогонки, налитый в тарелку свежий мёд имеет уже другой запах. Странно, но пчёлы спокойно вели себя и не препятствовали изъятию из ульев мёда. Посуды для хранения не было, в цинковых ведрах хранить мёд нельзя. Пришлось отцу срочно делать дуплянку из ствола липы.

С пчёлами связаны несколько забавных историй. Весной выставили из подпола пчелиные ульи для облёта. Вечерело, мы с сестрой Тамарой сидели на корточках с боков улья и с интересом наблюдали, как у летка хозяйничали пчёлы. Одни жужжали крыльями, загоняя свежий воздух в улей, другие вытаскивали мусор, третьи строго следили, чтобы в улей не попала чужая пчела. На нас они не обращали внимания. Неожиданно, Тамара со всей силы дунула на пчёл и убежала, а весь клубок насекомых, оказался у меня на лице. Видимо, это им не понравилось и некоторые укусили меня. Я взревел от боли и бросился в дом. Перепуганная криком мама, увидев меня, поняла опасность произошедшего. Вытащила пчелиные жала, положила на лицо холодный компресс. У меня поднялась температура. К утру моё лицо опухло так, что я ничего не видел. Два дня, я не ходил в школу, пока не спала опухоль.

Летом родители, Валя и Володя ушли на сенокос. Мы с Тамарой остались на хозяйстве. Мама предупредила, что может выйти рой из четвёртого улья. Часа в три по полудню вокруг улика стали виться пчёлы. Я принёс два ведра с водой и стал веником брызгать на роящихся насекомых. От волнения дрожали руки. Я видел, как это делала мама, но сейчас ловил рой впервые сам. Имитация дождя на рой подействовала. Пчёлы стали садиться на ранетку. Вскоре серый ком пчёл облепил ветки куста. А что делать дальше? Рой мы с Тамарой всё же поймали. Вечером вернулись родители и удивились, что мы не только задержали рой пчёл, но и упаковали

его в наволочки. Большого дохода пчеловодство не приносило, но мед в семье был круглый год.

Произошло в этом году и ещё одно запоминающееся событие. Володя, первым из потомков династии Боброва Григория Лукича, успешно закончил Ситинскую среднюю школу и получил среднее образование. Нужно было выбирать, куда пойти учиться. Брат решил поступить в Индустриальный техникум в городе Хабаровске. К сожалению, он не прошёл медицинскую комиссию, и не был допущен к вступительным экзаменам. Время подать документы в другое учебное заведение было упущено. Вернулся домой Владимир не особенно расстроенный и устроился на работу, учеником слесаря-инструментальщика в ремонтные механические мастерские.

Закрытый доклад и осуждение съездом «культа личности», постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности Сталина» имели далеко идущие последствия. Сам того не желая, Хрущёв породил настоящую оппозицию, не в партийном аппарате, а в обществе. В самых широких слоях общества вера в непогрешимость партии была подорвана и, самое важное, стала вызывать сомнения идея построения коммунизма.

Хрущёв пытается исправить ошибку, форсирует создание условий коммунистического общества. В движении к коммунизму определялись три направления: стирание классовых различий, борьба с «пережитками капитализма» (религиозным мировоззрением и частной собственностью) и создание материального изобилия. Борьба с частной собственностью и попытка стереть все классовые различия, прежде всего, ударили по деревне. Началось резкое укрупнение колхозов, центральным усадьбам которых предстояло превратиться в агрогорода, где колхозники могли бы вести социальный образ жизни. Там строились хорошие 2-3 этажные дома, но не предусматривалось индивидуальных участков. Сельское хозяйство должно было стать отраслью индустрии, и требовало интенсивного коллективного труда, на своё хозяйство колхозникам просто не оставляли времени. Колхозы переименовывались в совхозы, причём, без выкупа государством колхозной земли.

С «пережитками капитализма» боролись и в городах. Предлагалось ввести обязательное восьмилетнее образование, с обязательной работой на производстве. Это якобы должно было способствовать, стиранию граней между физическим

и умственным трудом. Дальнейшие знания предполагалось получать в вечерних школах.

Одновременно интеллигенция и служащие стали привлекаться, к неквалифицированному и почти неоплачиваемому труду – от помощи на уборке урожая, до всевозможных субботников и воскресников.

Благородные намерения на деле выглядели серьёзными перекосами. Рабочие и инженерно-технические работники, предприятий и учреждений стали тысячами выезжать в село для оказания помощи в уборке урожая. Крупные промышленные предприятия, в ущерб собственному производству, брали шефство над совхозами. Строили жильё, косили сено, убирали овощи и зерновые культуры. Первый учебный месяц – сентябрь, ученики старших классов, студенты проводили на совхозных полях.

В пятом классе мы выезжали на уборку картофеля в пригородное хозяйство Оборского леспромхоза. Для нас было понятно, выращенная продукция поступит в столовые и магазины отдела рабочего снабжения леспромхоза. В последующие годы нас, деревенских детей, не понаслышке знающих полеводство и животноводство, стали приобщать к колхозной жизни.

Во время зимних каникул 1957 года наш седьмой класс, на деньги заработанные за собранную макулатуру, металлолом и золу, повезли показать передовое животноводческое хозяйство в колхозе «Кантонская коммуна» в Хабаровском районе. Вдоволь надышавшись ароматами свинофермы и коровника, мы приехали обедать в столовую города Хабаровска на улице Карла Маркса. Наша одежда настолько пропиталась аммиаком, что посетители столовой обходили нас стороной. Кому-то в руководстве школы пришла идея приучать нас к сельскому труду. Они в этом деле явно перестарались. Убогость колхозного бытия навсегда убила в нас желание связать свою жизнь с колхозом. Никто из одноклассников не выбрал профессию, связанную с сельским хозяйством.

В дальнейшем это только закреплялось. В июне 1957 года седьмые классы Ситинской школы на месяц вывезли в село Гродеково, одноимённого колхоза. Поселили нас в поселковом клубе. Из досок мы сколотили топчаны, набили соломой матрасы, застелили простынями, получилась убогая казарма. Девочки разместились на сцене, отгородившись от нас занавесом. Мальчишки – в зрительном зале.

Клуб стоял на левом берегу реки Кии, медленно несущей свои чистые воды в стремительную Уссури. У самого уреза воды, под лёгким навесом, была летняя кухня с длинными столами из досок. Пищу готовили сами. Накормить пятьдесят человек – не простое дело. Шеф-поваром была местная женщина, помогали ей девочки. Изысков не было, но питались мы неплохо. На качество пищи жаловаться было не принято.

Руководителем нашего отряда, был наш классный руководитель, Панченко Иван Евменович, преподаватель физкультуры и военного дела. Работали мы на очистке распаханной целины от корней, палок, камней. Весь мусор выносили на край поля. Поле было далеко от нашего жилья, на правом берегу реки. Ходили на работу пешком, время в дороге занимало половину рабочего времени. По завершении нашей командировки, для жителей колхоза, дали импровизированный концерт художественной самодеятельности. Всё, что мы заработали, пошло на оплату питания. Наше пребывание в колхозе было омрачено трагическими событиями. Утонула в реке девочка из параллельного класса. Наш одноклассник заболел менингококком. Осенью, на месяц, наш класс направили в село Марусино собирать кукурузные початки.

В августе 1957 года в нашей семье произошло знаменательное событие. Вышла замуж старшая сестра Валентина. Гордая, всегда модно одетая, она вскружила голову не одному юноше в посёлке, но своё сердце отдала рабочему парню Косолапову Павлу. Кстати, он обучал брата Владимира слесарному мастерству. Не всем родственникам нравился будущий жених, но Валентина была непреклонна.

Родители подготовились к свадьбе с размахом. Забили телка, наготовили закусок. Из зала в доме вынесли мебель, накрыли столы на полсотни гостей. Свадебное торжество продолжалось два дня. Сестра переехала к родителям мужа на соседнюю улицу. Часто приходила в гости. Но я чувствовал, как она отдаляется от нас. Что поделаешь – такова жизнь. Весной 1958 года Вале с мужем леспромхоз выделил однокомнатную квартиру в сборно-щитовом доме на улице Мира. Семья зажила самостоятельной жизнью. В апреле у них родилась дочка, ей дали имя Галина. Сестра стала чаще бывать у нас в гостях, а после окончания декретного отпуска, стала оставлять дочку нянчиться маме. Декретный отпуск в то время полагался один месяц. Так в нашей семье появилась внучка

родителям, а нам – племянница. Ребёнка окружили заботой и вниманием, всем хотелось по нянчить малышку.

Я закончил седьмой класс и получил свидетельство о семилетнем образовании. Желающих продолжать обучение в школе набралось не много. Из двух седьмых классов укомплектовали с трудом один. Большая часть учеников, поступили учиться в школы ФЗУ, некоторые в техникум, а кто-то пошёл работать.

Мы были последним выпуском, кому вручали свидетельства об окончании семи классов. Начиналась очередная реформа системы образования. Обязательным было признано восьмилетнее образование. Введены дополнительные уроки труда. Возле школы построили два новых класса. Столярную и слесарную мастерские. Я подал заявление, для зачисления в восьмой класс. Двоюродный брат Григорий, поступил в ФЗУ на специальность столяр. С этого момента наши пути разошлись. Окончив учебное заведение он получил направление на работу в Хабаровский судостроительный завод и поселился в заводском общежитии.

В школе начался новый учебный год. В расписании учащихся 8-10 классов появился предмет «трудовое воспитание». Более полувека прошло с тех времён, но и сегодня, я с благодарностью вспоминаю своих преподавателей. Перетятко Фёдора Григорьевича, обучившего меня работе на всех деревообрабатывающих станках, имевшихся в мастерской. Мельникова Анатолия Михайловича, ознакомившего с азами профессии слесаря. Три года я активно участвовал в работе столярного кружка. Мы делали из натурального дерева комоды, шифоньеры, буфеты, трюмо достаточно высокого качества. Каждый экземпляр был эксклюзивный. Лицевая сторона мебели была отделана тонкой вязью, выточенной из дерева. Над ними работали две учебных четверти. Во время весенних каникул наши изделия выставлялись на районной и краевой выставках детского творчества. Популярным было выжигание по дереву. Кстати, некоторые мои работы были выставлены в разделе «Детское творчество» краеведческого музея города Хабаровска и хранились там до начала нового тысячелетия. Навыки полученные в мастерских пригодились в жизни.

Сбылась давняя мечта брата Владимира, он успешно сдал вступительные экзамены в художественно-графическое училище города Владивостока. После экзаменов брат на неделю приехал домой, чтобы собрать вещи. Его ждала новая, ещё не изведанная, студенческая жизнь в общежитии. Первые «лекции» ждали его

на колхозных полях на уборке картофеля. Собирали Володю основательно, он впервые надолго покидал отчий дом, мама старалась предусмотреть всё до мелочей. Рано утром проводили его всей семьёй до поезда. Писал домой он редко. Письма были полны оптимизма и юмора. Между строк можно было прочесть, что студенческая жизнь полна лишений.

У меня с братом не было доверительных отношений. Он считал меня ребёнком и никогда не делился мужскими тайнами, сказывалась разница в возрасте. Письма брату о нашем бытии писал я. На меня переложили дополнительные обязанности по хозяйству, которые выполнял Володя: наносить воды, почистить сарай от навоза, подвести на санях дров, протопить в субботу баню и т.д.

Студенческая жизнь брата продлилась недолго. Едва закончилась первая сессия, как он получил повестку из военкомата, о призыве на срочную службу. Всё происходило очень быстро, он не мог заехать домой. Сообщил по телефону, что ночью пассажирским поездом, в составе команды новобранцев, уезжает в Сибирь. Что в полдень будет проезжать станцию Кругликово, что пожитки собрал и отправил домой посылкой, а письмо напишет с места службы. Новость была неожиданной для нашей семьи. Мама плакала, мы с Тamarой, как могли, успокаивали её.

– Ну что ты так расстраиваешься? Войны нет. Многие служат и возвращаются домой.

Двоюродные братья Юрий и Геннадий решили ехать на ст. Кругликово, чтобы встретиться с братом. Для них он был кумиром. Это была бесполозная затея, поезда дальнего следования на этой станции не останавливались, но они поехали. Встречи, естественно, не состоялось, местный поезд ушёл, а им пришлось возвращаться пешком.

В феврале 1957 года на пленуме ЦК КПСС было принято решение «О реабилитации репрессированных народов», за исключением: крымских татар, турок-месхетинцев и немцев Поволжья. Сотни тысяч уголовных дел, пересматривались медленно. Уголовным делом № 478 – 1933 «Амурцы», занимался заместитель начальника следственного отдела УКГБ, при Совете Министров СССР по Хабаровскому краю, капитан Черкасов.

Два года он проводил дополнительную проверку документов, встречался с бывшими узниками. 31 декабря 1958 года он вынес заключение. Дело «Амурцев» – плод чекистской фантазии

и чудовищных фальсификаций, а осуждение Ерыгина, Шалыгина, Приезжих, Буркова, Бочкарёва, Горбунова и других – необоснованно.

Президиум Хабаровского краевого суда, постановлением от 6 марта 1959 года решение «тройки» при ПП ОГПУ по ДВК от 17 ноября 1933 года и уголовное дело прекратили, в связи с недоказанностью обвинений и отсутствием в действиях осуждённых состава преступления.

В конце апреля 1959 года почтальон, как обычно, принесла почту, но не положила в почтовый ящик, а зашла в дом и вручила заказное письмо.

– Вот здесь распишитесь, – предложила она маме карандаш.

– Я не грамотная, пусть распишется сын.

Я расписался в ведомости и взял конверт. В конверте была повестка. «Гражданин Бобров Р. Г. приглашается в Управление КГБ СССР по Хабаровскому краю 28 апреля на 12 00, следователь Черкасов» – прочёл я скороговоркой, не вникая в суть письма.

– Господи, неужели опять арест, сейчас то за что? – со слезами на глазах произнесла мама.

Взяла из моих рук письмо, внимательно осмотрела его, и положила на край буфета, как что-то мерзкое. В доме витало предчувствие надвигающейся беды. Нужно было готовить уроки, я пытался сосредоточиться, но голове роились чёрные мысли.

– Что делать, если отца арестуют? На что мы будем жить? Внутренний голос протестовал.

– Чего слюни распустил, тебе скоро исполнится 15 лет, пойдёшь работать и учиться в вечерней школе. Безвыходных положений не бывает. И потом, с чего это ты решил, что отца арестуют –, я немного успокоился.

Вернулся с работы отец. Увидев наши испуганные лица, спросил с усмешкой: – Что случилось, кто-то умер? На вас лица нет.

Мама молча подала ему конверт. Отец прочёл повестку, усмешка на его лице сменилась тревогой: – КГБ это серьёзно, но какие они имеют ко мне претензии? Разве, что за выпивку на работе, но такими мелочами занимается милиция. Что бы там ни было, нужно ехать. На всякий случай, Феодосия, приготовь смену чистого белья и еды на пару дней. Погладь костюм и светлую рубашку.

Отец молча умылся, переоделся, стал подбирать документы. Пришла после окончания уроков Тамара, весело бросила свой

портфель на кровать, и стала переодеваться в зале, попутно рассказывая о своих успехах в школе. Она заканчивала четвёртый класс. Сели ужинать, сестра продолжала свой рассказ и обратила внимание на то, что её не слушают.

– Мама, а что случилось? – наконец спросила Тамара.

– Отцу пришла повестка из следственного управления КГБ Хабаровска, завтра нужно прибыть к 12 часам. Не знаем, что и подумать.

Ужинали молча, хотя каждый думал об одном и том же, но со своей колокольни. После ужина родители остались за столом и о чём то, полушёпотом, долго разговаривали друг с другом. Мы с сестрой ушли в зал и тоже обсуждали последствия неожиданно свалившейся на нашу семью беды.

Проснулись, едва забрезжил рассвет. Отец уже собрался в дорогу. Перекусив на ходу, он проверил ещё раз свои документы, попрощался с нами, взял сумочку с бельём и продуктами, и, накинув плащ, поспешил на вокзал. Пассажирский поезд отправлялся в 7 часов утра. Мы проводили отца до ворот, он остановился, обнял нас, и не оборачиваясь, быстро зашагал по переулку. Мама и Тамара заплакали, я шмыгал носом, с трудом сдерживая слёзы.

Тяжёлый день тревожных ожиданий тянулся медленно. На уроках в школе я сидел с отсутствующим взглядом, на вопросы одноклассников отвечал невпопад. К счастью меня не вызывали. Поделиться случившимся с друзьями не имел права. Может отца и не арестуют, но новость разнесут по всему посёлку.

Вечером, после рабочего дня, к нам пришла Валентина с дочкой и мужем. Пришла из школы Тамара. Стоял тёплый апрельский вечер. Все расположились на крылечке, и ждали, когда появится отец. Деревья ещё не распустились, и через голые кроны был виден весь переулок. Прошло уже более часа, как пришёл вечерний пассажирский поезд, которым должен был вернуться отец, но его не было.

– Наверное, не успел на этот поезд, – успокаивал зять, – приедет вечерним поездом.

– Может и не приедет, могли и арестовать, – предположила худшее мама.

Смеркалось, в гости зашёл соседский парень Андрей. – Вы кого-то ждёте? – спросил он.

– Отец должен был приехать этим поездом, – ответила Валентина,

не вдаваясь в подробности. – Да я его видел на вокзале, кажется выпивший немного, – сообщил он радостную новость.

Мы многозначительно переглянулись. Наш отец, как всегда в своём амплуа. И действительно, в конце переулочка показался покачивающийся силуэт отца. Мы с облегчением вздохнули – вернулся! Вместе с отцом зашли в дом.

– Рассказывай, как всё было, – предложила мама.

– Приехал я вовремя, зашёл в управление. Меня остановил дежурный офицер, спросил, по какому вопросу я пришёл, проверил документы и просил подождать. Я присел на один из стульев, стоящих вдоль стены, по спине пробежали мурашки. Вспомнился первый допрос в пересыльной тюрьме в 1933 году, с каким страхом я входил тогда в кабинет следователя. Сейчас такого страха не было, но чувствовал я себя скованно. Изредка мимо проходили молодые парни крепкого телосложения в военной форме, не обращая на меня никакого внимания. Наконец, ко мне подошёл мужчина средних лет, в гражданской одежде. Представился.

– Капитан Черкасов. Вы Бобров Роман Григорьевич? – уточнил он. Я молча кивнул головой, поднимаясь со стула. Чувствуя, что ноги дрожат. – Да не волнуйтесь вы так, всё будет хорошо, – улыбнувшись, успокоил меня следователь. Следуйте за мной.

Мы зашли в небольшой, скромно обставленный кабинет. Черкасов предложил мне сесть, достал из сейфа папку с моим уголовным делом, пролистал его.

– Я два года занимался изучением уголовных дел осуждённых «тройкой» 17 ноября 1933 года. Сделал вывод, что все 233 человека, в том числе и Вы, осуждены незаконно. Постановлением Президиума Хабаровского суда постановление «тройки» отменено и уголовное дело прекращено в связи с недоказанностью обвинений. Приношу вам официальное извинение. Судимость с Вас снята.

– Если не секрет, по чьему доносу меня отправили за решётку? – спросил я.

– Ну, какой тут секрет. На вас написал донос ваш дальний родственник Димов. Якобы, вы участвовали в обстреле парохода на Амуре. Им, как председателем сельсовета села Бабстово, представлена справка об имущественном положении, искажающая действительность, а социальное положение определено – кулак.

– Вот сволочь, – не удержался я, – чем же я ему помешал?

– Сам написал, или его принудили к этому сейчас установить

невозможно, он умер, – прокомментировал Черкасов. До свидания. Вы свободны в прямом и переносном смысле.

– Я вышел на улицу, чувство радости переполняли меня, улыбка не сходила с моего лица. Хотелось кричать, чтобы все слышали, – я не виновен! Приехал на вокзал, зашёл в буфет, немножко выпил с радости. Купил билет на автобус, приехал, в аккурат к поезду.

Мы молча прослушали рассказ отца. Вопросы никто не задавал. Затянувшуюся паузу прервал отец.

– Теперь мы действительно свободны, и никто не смеет упрекнуть нас в том, что в нашей семье были враги народа! А вам дети не будет препятствий для учёбы и служебного роста. – подвёл итог разговора отец.

БУДЕМ СТРОИТЬ КОММУНИЗМ?

В начале 1959 года в стране произошло одно знаменательное событие – состоялся внеочередной, 21 съезд КПСС, который принял семилетний план развития страны и объявил о начале строительства коммунистического общества в СССР.

– Нынешнее поколение людей будет жить при коммунизме! – на весь мир заявил глава государства Н. С. Хрущёв. Хорошая идея. Но коммунистическую систему государственного управления ещё никто не строил. И как её строить в такой огромной стране никто не знал. В трудах учёных марксизма - ленинизма были обозначены лишь концепции общественно-экономических формаций, приходящих на смену капитализма. Низшей ступени – социализма и высшей ступени – коммунизма.

Военный коммунизм в 1918 - 1920 годах в стране уже был. Чем закончилось – известно. В соответствии с концепцией, коммунистическое общество предполагает:

- единую общественную собственность на средства производства;
- бесклассовый общественный строй;
- полное социальное равенство всех членов общества, в котором на базе мощного роста производительных сил осуществляется принцип: «от каждого по способности, каждому по потребности» и обеспечивается всестороннее развитие личности.

Эти постулаты нам стали вбивать в головы преподаватели школы на уроках истории. Красивое светлое будущее они представляли весьма туманно. Ответить на наши конкретные вопросы не могли.

– Что такое коммунизм? – задала однажды мне вопрос мама. Она полагала, что если я заканчиваю 8 класс, то стал грамотным человеком и всё знаю. Ну что я мог ответить, толком не понимая, какое общество планируют построить в стране?

– Понимаешь, – начал я подбирать слова, – это общество, где будет единая общественная собственность, полное социальное равенство, а социальные блага будут распределяться всем по потребности. Мама не поняла, что я сказал.

– Работашь, или не работашь, а в магазине можешь взять что хочешь? – уточнила она.

– Люди станут сознательными, все добросовестно будут работать, а в магазинах будут брать только то, что им необходимо,

–парировал я.

– Лодыри были, есть и будут всегда, но при таком обществе их станет большинство, кто же будет работать? – сделала она неожиданный вывод.

– Твой отец работает, не считаясь со временем, а зарабатывает мало. Многое из того, что лежит на прилавках магазинов, для нас недоступно. Если бы мы не держали хозяйство, да не сажали огород, – жили бы бедно. Какой коммунизм? Красивая мечта.

Наш спор продолжать было бессмысленно, ничего убедительного я не мог предложить. Между тем, жизнь в леспромхозе менялась к лучшему. Власти стали активнее решать копившиеся годами обычные житейские проблемы. Впервые в посёлке стали приводить в порядок улицы. Развороченные тракторами ямы засыпали гравием и выровняли грейдером. Отремонтировали перрон на железнодорожном вокзале. Убрали из центра посёлка складские помещения отдела рабочего снабжения леспромхоза, источавшие зловонные запахи испорченной рыбы. На освободившемся месте стали строить двухэтажные жилые дома из кирпича. На месте старых бараков – двухквартирные дома из деревянного бруса. Появились новые социальные объекты: баня, поликлиника, библиотека, аптека, магазины и другие социальные объекты.

По строительным меркам называть старой школу, построенную семь лет назад, язык не поворачивался. Но здание действительно было поражено грибком настолько, что находиться в нём было опасно. Аукнулись стахановские темпы строительства школы в 1951-1952 годах из сырого бруса, без специальной обработки. Балки перекрытия первого этажа прогнулись и могли рухнуть на учеников. Чтобы избежать трагедии во время летних каникул, в школе провели ремонт. На первом этаже, вдоль стен, под потолком, поставили три ряда деревянных брусьев на подпорках. В центре классной комнаты, где мы занимались, стояла металлическая труба, подпиравшая потолок. Грела душу мечта о новой школе, где на трёх этажах должны были разместиться кроме учебных классов спортзал, столовая, актовый зал, библиотека.

Стадион огородили забором, построили трибуны для зрителей, восстановили все спортивные секторы. Он стал местом притяжения молодёжи не только летом, но и зимой. Впервые был залит каток, открыт пункт проката коньков, построена высокая горка. Ночью каток освещался, транслировалась музыка. Для детей это был настоящий праздник, который продолжался до весны.

В леспромхоз пришло большое электричество. Была построена высоковольтная линия передач. Все посёлки леспромхоза подключили к единой энергосистеме Хабаровского края. Электричество подавалось круглосуточно и бесперебойно. Появилось освещение на улицах посёлка.

В городе Хабаровске построили телецентр, в посёлок пришло телевидение, хотя качество сигнала было нестабильным. Закончились занятия в школе, я перешёл в девятый класс, Тамара в пятый. Володя служил в Красноярском крае, в воздушно-десантных войсках стрелком-радистом, писал редко. Видимо, служба ему не доставляла удовольствие и более того, тяготила его.

В конце июля от него пришла телеграмма о предстоящей демобилизации по состоянию здоровья. Для нас это было тревожное известие. По какой причине комиссовали, мы не знали и предполагали разные трагические варианты: получил тяжёлую травму, тяжело заболел. Если стал инвалидом, то почему не просит его встретить?

Его донимала гипертония: головные боли, головокружение, тошнота не давали покоя. Но об этом он не писал. Внешне незаметная болезнь, была несовместима с полётами. Лечение в госпитале не дало результатов. В итоге – непригодность к службе в армии. Но мы об этом не знали. Не знали и дату его приезда. Он приехал неожиданно.

Стоял тёплый августовский вечер. Мама накрывала стол для ужина в летней кухне. Отец уже вернулся с работы, и старательно отмывал запачканные машинным маслом руки подумывальником. Мы с Тамарой отдыхали на веранде, отмахиваясь ветками полыни от назойливых комаров. Скрипнули открывающиеся ворота, во двор вошёл стройный мужчина в выгоревшей на солнце гимнастёрке, с тощим вещмешком на плече. Началась радостная суета с крепкими объятиями и поцелуями.

– Слава Богу, приехал! Руки ноги целы, а хворь, вылечим! – обнимая сына, со слезами на глазах, вымолвила мама.

Володя наслаждался семейным уютом, но болезнь не отступала. Обратился в поселковую больницу, его госпитализировали. Воздух родного края, внимание родных, интенсивное лечение, изменение ритма жизни сделали своё дело. Ему стало легче. О военной службе ему напоминали лишь полёты реактивных истребителей над посёлком, ежедневно прочерчивающих небо следами конверсии. Через три недели уехал во Владивосток,

где, восстановился в художественном училище и продолжил обучение. Его ждала, насыщенная событиями студенческая жизнь с присущими тяготами и лишениями. Он получал стипендию в 13 рублей и ещё десять ему присылали родители. При этом платил ещё за съёмную квартиру. Чтобы не голодать, постоянно подрабатывал в порту грузчиком.

Наступивший 1960 год принёс новые смягчения условий труда. С первого мая в стране введён семичасовой рабочий день. В субботу шесть часов, с 8 до 14, без перерыва. Продолжительность рабочей недели сократилась с 48 до 41 часа. Свободного времени стало больше, но и заработная плата рабочих несколько сократилась.

В январе отмечали золотой юбилей нашей мамы, Феодосии Александровны. На семейном празднике присутствовали только близкие родственники. Вспоминали прожитые годы, пели старинные казачьи песни, дарили скромные подарки. Я слушал рассказы взрослых и думал, как много бед и лишений пришлось пережить маме, но она считает себя счастливой и радуется жизни.

Подошла пора заготовки дров. Мама оплатила за 16 кубометров дров в лесхозе. Отец по месту работы выписал на воскресенье трактор. Кстати, в субботу приехал на зимние каникулы брат Владимир. Вечером, за праздничным ужином, отец предупредил о предстоящей поездке. В воскресный день рано утром, как только забрезжил рассвет, к воротам подъехал трактор. Мы, уже ждали с братом у калитки с инструментами: пилой «Дружба, с запасными цепями и канистрой с топливом, двумя топорами с бруском для заточки, и вязанкой металлических тросов для чекеровки хлыстов. Тяжёлые тросы нанизали на вставленный в прицеп лом, а топоры и мотопилу подняли в кабину. Поднялись по гусенице в кабину и сели на мягкие, но холодные, покрытые снежной порошей сидения.

Кабина была сварена из толстых металлических труб, с крышей, защищала тракториста от возможных падений сучков и деревьев. От ветра и снега она не защищала. Наконец, двигатель взревел, выбросил из трубы клубы чёрного дыма, трактор рванулся с места, позванивая белыми гусеницами.

Встречный ветер сдувал снежную пыль, поднимавшуюся прямо в лицо. От таявших на лице снежинок лицо стало мокрым. Я опустил уши шапки и завязал туго тесёмки. Лицо закрыл меховой рукавицей, стало теплее. Посмотрел на отца, ему ведь тоже холодно. Но отец не обращал внимания на снег, подёргивал

рычагами фрикционов, управляя огромной машиной, изредка потряхивая головой.

Через полчаса мы подъехали к опушке деревьев, преимущественно лиственницы, ставших жертвой лесного пожара. Большая часть стволов были без кроны, у других кора частично или полностью содрана трудолюбивыми дятлами, добывающими червей короедов. Отец заглушил двигатель трактора. В ушах стоял звон, он постепенно затихал, и когда прекратился, стал слышен дробный стук дятла, потрескивание страдающих от мороза деревьев. Поднимающееся зимнее солнце осветило розовым светом их макушки, покрытые инеем. Снежные кристаллы засверкали, переливаясь всеми цветами радуги, как в сказке.

– Пора ребята браться за дело! – вернул нас из сказки отец. Отгребли снег у комля, отец отошёл от ствола, определил направление наклона дерева. Запустил пилу и сделал на стволе неглубокий пропил. Топором стесал часть дерева до пропила. Вновь запустил пилу, и с противоположной стороны, выше пропила, начал пилить ствол. Хорошо проточенная цепь безжалостно вгрызалась в древесину, разбрасывая на белом снегу жёлтые, пахнущие смолой, опилки. Дерево задрожало и, потрескивая, стало медленно наклоняться, набирая скорость. Мы отбежали на безопасное расстояние. Лесина ударилась о землю, подняв облако снежной пыли. Послышался треск ломаемых сучьев, подгнившая макушка отломилась. Я с топором пошёл вдоль ствола обрубать сучья, Володя пробивал тропу к следующему дереву.

Вскоре согрелись, развязали ушанки, расстегнули фуфайки. Работать топором в меховых рукавицах было неудобно, я поменял их на голицы. Через час отец запустил двигатель трактора, прогрел его и заглушил. Работа спорилась, к обеду свалили 12 стволов, сучья снесли в кучу и подожгли. У костра наскоро перекусили и продолжили работу.

Тросом цепляли лесины за макушки и трактором свозили по три - четыре на волок. Наконец, весь сваленный лес был скомплектован в большой веер, упирающийся верхушками в прицеп трактора. После неоднократных попыток, удалось наконец, сорвать брёвна с наста и трактор медленно двинулся, выбрасывая клубы чёрного дыма.

Тяжёлая машина с трудом тянула вязанку длинных брёвен. Мы

с братом шли следом, по укатанному брёвнами снегу, ноги гудели от усталости, обледеневшие валенки скользили по снежному насту. Хотелось сесть на бревно и отдохнуть, но этого делать нельзя, можно получить травму.

Короток зимний день. В сумерки притянули дрова к дому. Отец поехал ставить трактор в тёплый гараж, а мы стали снимать металлические тросы с хлыстов. Оставалось сделать совсем «немного», распилить на чурки, поколоть на дрова, перевезти и сложить в поленницу. Дрова всегда готовили с запасом на два года.

Условия жизни в стране постепенно улучшались. В магазинах стали доступными продукты питания, промышленные товары, и даже транспортные средства. В поселковом универмаге появились в свободной продаже мотоциклы марки «Иж». Зять, Косолапов Павел Степанович, загорелся желанием купить мотоцикл любой ценой. Сестра поддержала мужа. Денег на покупку не было, заняли в долг у родителей и знакомых. Мотоцикл купили. Павел лелеял своего железного коня, как ребёнка.

Всё больше прав и свободы действий представлялось гражданам страны. Это не особенно афишировалось, но и не пресекалось. Стали доступны произведения ранее запрещённых авторов: Зощенко, Ильфа и Петрова, Есенина. С их творчеством нас знакомили, к сожалению не преподаватели литературы, а молодой преподаватель черчения и труда. На уроках, когда появлялось свободное время, он нам читал короткие рассказы, полные искромётного юмора из жизни обычных людей. В модных журналах «Новый мир», «Юность» стали печататься хлёсткие стихи молодых поэтов Еvtушенко и Рождественского, проза В. Распутина, Д. Гранина, Ч. Айтматова, Ю. Семёнова и других.

Мы не ведали тонкостей международных отношений, но в народе ходили упорные слухи о возможности новых военных столкновений. Первого мая в Сибири был сбит американский самолёт. Тревожно было на границе с Китаем, в любое время могли начаться военные действия, и не где-то далеко, а рядом, в 40 километрах от посёлка. Круглые сутки слышался шум реактивных двигателей боевых истребителей, взлетающих и идущих на посадку с ближайшего военного аэродрома возле пос. Переясловка.

Закончились занятия в школе. Я перешёл в десятый класс, Тамара в шестой. Выпускники 1960 года готовились получить

аттестаты зрелости. Вручение проходило в поселковом клубе, в торжественной обстановке. Двум десяткам выпускников директор школы вручил аттестаты, а секретарь районного комитета ВЛКСМ – комсомольские путёвки в Черняевский совхоз.

Приехал на летние каникулы Владимир. Год студенческой жизни заметно изменил брата. Кроме искусства, он серьёзно занимался спортом. И, нужно отдать должное, немало преуспел. Долговязый юноша превратился в стройного мужчину, раздался в плечах, как говорили в народе, заматерел. Одет был по последней молодёжной моде. Широкий серый пиджак, сорочка в широкую клетку, брюки в обтяжку, красные носки и ботинки с толстой подошвой. Стрижка под «ёжика». Скорее всего, одежда была куплена на рынке, но имела вполне приличный вид. Оно и понятно, будущие специалисты культуры должны быть на острие моды. В народе, с лёгкой руки партийной пропаганды, молодёжь окрестили стилистами. В этом слове было что-то ругательное. Несмотря на критику и принимаемые ограничительные меры, мода на нестандартную одежду быстро распространялась по стране. Так, наверное, молодёжь выражала молчаливый протест однообразию жизни и стремилась подчеркнуть свою индивидуальность.

Наступила сенокосная страда. Не зря самые напряжённые периоды сельскохозяйственных работ – сенокос, жатву и уборку хлеба в народе называли страдой. В сжатые сроки предстояло выполнить огромный объём работы. Не накопишь вовремя сено, трава огрубеет. Не уберёшь вовремя кошенину – стноишь сено, не смечешь вовремя стог в копнах – треть сена замокнет. Зимой скот кормить будет нечем.

Эти простые житейские истины наши родители впитали с молоком матери и внушили нам. Готовили сено, как всегда на две семьи, сообща. В рабочие дни собиралась бригада из семи человек Владимир, Геннадий, Григорий, Роман, Александр и наши отцы. Уходили рано утром возвращались в сумерках. Вечером, после окончания рабочего дня на производстве в 17 часов, наши отцы, Роман и Михаил приходили нам на помощь. Рабочий день заканчивался на закате, около 22 часов. Последним испытанием была дорога домой, после тяжёлого рабочего дня предстояло одолеть 5 километров по бездорожью.

Шли годы, мы выросли, уезжали учиться, устраивали свою семейную жизнь вдали от дома. Но когда наступало время сенокосной страды, мы с братом старались выкроить время,

приехать и помочь родителям заготовить сено. Ностальгия по отчему дому, сельской жизни, тянула нас в село.

Закончилась сенокосная страда. У нас с братом появилось свободное время. По вечерам, когда спадала жара, на поселковом стадионе собиралась молодёжь. Играли в футбол, волейбол. Володя был фанатом волейбола и привил эту любовь нам. На стадионе была одна волейбольная площадка, а желающих поиграть собиралось много. Играли по очереди. Заканчивались спортивные баталии, порой, в сумерках. Грязные и уставшие мы возвращались домой. Помывшись в баньке и перекусив, отправлялись на танцплощадку.

В начале августа, в день физкультурника, на стадионе посёлка Сита проводилась ежегодная спартакиада Оборского леспромхоза. Организацией проведения спартакиады занимался профсоюзный комитет леспромхоза. Доставка спортсменов и питание во время соревнований финансировались также профсоюзом. Наконец, наступил долгожданный день. Соревнования проводились два дня. Спортивные команды из крупных посёлков: Обор, Дурмин, Сидима, Мухен приезжали утренним поездом, а уезжали вечерним. Питались в столовой по специальным талонам.

Принимала участие в соревнованиях футбольная команда воинской части, дислоцированной в посёлке Обор. Трибуны стадиона были заполнены болельщиками. Спортивные команды, под звуки марша, прошли перед трибунами. Парад принимала судейская коллегия во главе с председателем Дементьевым Владимиром Ивановичем. Разыгрывались по олимпийской системе переходящие кубки Оборского леспромхоза: по футболу, волейболу, лёгкой атлетике, шахматам. О начале и месте проведения соревнований, по громкоговорящей связи объявлял комментатор, он же извещал о спортивных достижениях и победителях во всех секторах.

Владимир возглавлял волейбольную команду посёлка Сита, в перерыве между играми принял участие в толкании ядра и тройном прыжке. Моим «коньком» был бег на короткие дистанции. По итогам соревнований Владимир стал чемпионом в толкании ядра и тройном прыжке, я победил в забеге на 100 и 400 метров, а также в эстафете 4 по 100 метров. При награждении победителей мы с братом получили пять настольных часов, которые подарили родственникам, оставив себе лишь одни.

Закончились каникулы, брат уехал учиться, а мы с Тamarой – в

школу, я в десятый, а она в шестой. Незаметно подошёл новый год. В канун новогодних праздников в семье Косолаповых родилась девочка, назвали Ларисой. Уходящее десятилетие пятидесятых было для нашей семьи благоприятным. Жили мы скромно, на условия жизни не жаловались, полагаясь только на свои возможности.

В сборнике материалов «История Банка России 1860-2010 гг.» профессор В.А.Чесноков, в разделе «Проблемы кредитования экономического развития, 1950 – начало 1960 гг.», так характеризует этот период: «1950 - 1960 годы были золотым веком социалистической административной экономики, хотя в её развитии оставались существенные диспропорции. Этот период был отмечен высокими темпами развития индустрии, превышающей аналогические показатели США. Среднегодовые темпы прироста промышленной продукции в период с 1951 по 1955 годы составил 11.4%, а с 1956 по 1960 гг. – 9.2%. Наибольший прогресс был, достигнут в следующих отраслях: военно - промышленном комплексе (в него вкладывалось до 20% расходной части бюджета), машиностроение, а также производство стали и чугуна. Другие отрасли, химическая, лёгкая, пищевая сильно отставали в своём развитии.

Сельское хозяйство оставалось ахиллесовой пятой советской экономики: несмотря на масштабную механизацию, урожайность и производительность труда в сельском хозяйстве оставалась чрезвычайно низкими. В 1958 году финансирование в отрасль возросло в 2.5 раза к 1953 году, но основные средства были направлены на закупку тракторов и освоение целинных земель. Результат был очевиден, сбор зерна за десятилетие вырос на 40% и составил 121 млн. тонн. (справка в 2017 году только в России собрали 134 млн. т. зерна). Значительным изменением экономической политики государства стало увеличение в два раза жилищного строительства».

Данные свидетельствуют о том, что впервые, с 1920 года, уровень жизни населения значительно вырос. Этому способствовали и другие меры правительства. В частности, введён 7 часовой рабочий день. Произошло масштабное повышение зарплат. Прекращены государственные займы, принудительно расширяемые по подписке. После смерти Сталина была демонтирована система ГУЛАГа. Количество осуждённых сократилось с 5.2 млн. человек до 997 тыс., по статье

«контрреволюция» – с 580 тыс. до 11 тыс.».

Ярким подтверждением успешного развития экономики двух десятилетий является рост населения РСФСР. По данным переписи населения: с 1950 по 1960 годы численность жителей РСФСР увеличилась на 17 миллионов! Для сравнения приведу статистические данные за 1990 по 2010 годы, период перехода к, так называемой рыночной экономике, население России сократилось на 5 миллионов человек.

Мечтам Хрущёва о приближающемся коммунизме не суждено было сбыться. В конце 50-х урожаи на целинных землях резко сократились, а люди, которые, за несколько лет так и не смогли наладить на новом месте свой быт, стали уезжать. В 1960 году в степях разразилась засуха и начались пыльные бури. Ветер унёс плодородный слой с миллионов гектаров. Сбор зерна резко упал. Форсированный рост тяжёлой промышленности привёл к огромным затратам, а продукция не находила сбыта.

Со школьной скамьи на предприятия хлынул поток неквалифицированной рабочей силы. Появилась скрытая безработица. Никак не удавалось наладить производство товаров широкого потребления. К концу 1960 года у Советского Союза действительно были самые мощные бомбы и ракетная техника, но жизнь становилась всё труднее. В городах и рабочих посёлках всё чаще обнаруживался дефицит товаров, а вскоре возникли трудности с продовольствием, и, прежде всего, с хлебом. Власти пошли по традиционному пути, только в трудностях на этот раз обвинили не «врагов народа», а «спекулянтов». Был принят указ «Об экономических преступлениях». Он предусматривал уголовную ответственность за предпринимательскую деятельность, а за незаконные операции с валютой смертную казнь.

Указ «О борьбе с паразитирующими элементами» разрешал принудительно направлять граждан, уклоняющихся от работы в государственных предприятиях и учреждениях, для трудоустройства на предприятия химической и других отраслей промышленности. Под надзором милиции людей направляли на предприятия, где не хватало рабочих рук. В народе их окрестили «химиками». По сути это была ссылка, с щадящим режимом содержания. Они получали заработную плату, как и кадровые рабочие. Свободно передвигались в местах проживания, но ночевать, обязаны были в общежитиях. Все затраты по их содержанию покрывали предприятия. Об эффективности

предложенных мер судить трудно. Известно что «паразитические элементы» работать не хотели, или подавались в бега и растворялись в бесконечных просторах страны.

Чтобы смягчить финансовый кризис, была осуществлена денежная реформа. С первого января 1961 года, старые денежные знаки стали обмениваться по курсу: один новый рубль за десять старых. Мелкие разменные монеты сохранялись прежние, но их номинальная стоимость возросла в 10 раз. За 20 копеек стало возможным купить билет в кино или булку белого хлеба, коробок спичек стоил 1 копейку.

НАШИ УНИВЕРСИТЕТЫ

Наступивший 1961 год был для меня особенно ответственным. Заканчивалось обучение в средней школе, нужно было подтянуться по всем предметам, чтобы не завалить государственные экзамены. Предстояло самостоятельно сделать выбор: в каком учебном заведении продолжать обучение, какой профессии посвятить жизнь. Но до этого ещё предстояло дожить. Пока продолжались обычные школьные будни.

Нашим идейным наставником с пятого класса, бесменно оставался наш классный руководитель Панченко Иван Евменович. В начале 50-х он был демобилизован из рядов советской армии в звании капитана. За плечами было военное училище. Вёл уроки физкультуры и военное дело. Мы уважали его за заботливое отношение к нам. Он никогда не жаловался родителям на наши проделки, и уж, тем более, никогда нас не приводил для разбирательства к директору. Все вопросы решал сам. Я вспоминаю, как после очередного праздничного вечера, куда некоторые ребята пришли «под мухой», он проводил с нами воспитательную работу. Попросил удалиться из класса девочек. Разговор с нами был жёсткий с использованием нелитературной лексики. Закончил свою беседу он неожиданным предложением.

– Я понимаю, вы становитесь взрослыми. Что бы я вам не говорил, вы всё равно будете для «храбрости» на вечере выпивать спиртное. Но нужно же знать меру! Если выпили и смотрите на палец, а вам кажется два – то это предел, хватит. Вы же пьёте до такого состояния, что смотрите на палец, а вам кажется пятерня! Не скажу, что мы стали трезвенники, но наказ классного руководителя запомнили.

Класс был дружный, но в надоевших общешкольных мероприятиях участвовал неохотно. Сбор макулатуры и металлолома нам уже были не интересны. Иван Евменович терпеливо убеждал нас в государственной важности сбора металлолома и макулатуры. Мы молча слушали, не выражая желания заняться сбором. В очередной раз директор школы упрекнул нашего классного руководителя в неспособности организовать работу по сбору вторсырья. Класс не сдал ни одного килограмма. Мы занимались в первую смену, был субботний день.

После уроков Иван Евменович пришёл в класс и стал упрекать нас в лени и неуважении к чести класса. Класс молчал, никаких предложений не поступило, расстроенный нашей апатией Панченко ушёл. Когда за ним закрылась дверь, в классе установилась гнетущая тишина. Все сидели за партами, никто не вставал. Задело нас за живое.

– Нужно выручать Евменовича! – предложил Третьяков Виктор. Консервные банки мы собирать не будем, нужно подумать, где можно взять металл с солидным весом. Давайте устроим субботник. Девчата демонстративно, в знак протеста, встали и покинули классную комнату, видимо у них были свои планы на субботний день.

– Пускай уходят – продолжил Виктор, – всё равно от них нет толку. По итогам коротких дебатов приняли решение вывезти старые обручи с территории закрывающейся базы ОРСа (отдела рабочего снабжения) леспромхоза. Нашли конские сани и вывезли все обручи. На школьной площадке для металлолома выросла огромная гора ржавых обручей, а наш класс стал победителем.

На следующий день, рано утром, наш классный руководитель зашёл в учительскую.

– Поздравляем, Иван Евменович с победой в соревновании по сбору металлолома среди старших классов! – приветствовали его коллеги.

– Издеваетесь, – с обидой парировал он.

– Взгляни в окно, какая куча металлолома выросла за вчерашний день! Действительно треть школьного двора была завалена ржавыми обручами. Мы не думали, можно ли из обручей вообще выплавить металл, но совесть наша была чиста, лом мы собрали, попутно освободив от хлама территорию базы.

Вспоминая школьные годы, я задавал себе вопрос: – Что двигало нами? Тщеславие, желание самоутвердиться, проверить себя на прочность? Наверное, всего понемногу. Важно, что в наших поступках просматривались элементы предпринимательской жилки, способность решать вопросы нестандартно.

Апрель 1961 года запомнился ещё одним историческим событием. 12 апреля был обычным весенним солнечным днём. Закончились уроки первой смены. Пообедав, я готовился к предстоящей консультации по геометрии. Во время перерыва решил отдохнуть. Включил радио, из репродуктора полилась бравурная музыка марша. Неожиданно музыка прервалась.

- Внимание, через несколько минут будет передано важное правительственное сообщение, - прозвучал приятный женский голос. Наступили тревожные минуты ожидания. Радио молчало, слышалось лишь лёгкое потрескивание. В голове роились тревожные мысли: «случилась беда, произошла катастрофа, началась война?».

Тревожные мысли прервал голос Левитана: – В космос впервые полетел человек, гражданин Советского Союза Гагарин Юрий Алексеевич! От избытка положительных эмоций я кричал «Ура», хотелось поделиться потрясающей новостью с друзьями, но рядом никого не было. На следующий день в классе было праздничное настроение. Преподавателей практически не слушали, обсуждали вполголоса подобности полёта, в классе стоял гул, но учитель не мешал нам. Уроки закончились раньше времени, и началась общешкольная торжественная линейка. Директор школы Деев Г.С. рассказал об успешном полёте и благополучном приземлении космического корабля с космонавтом Гагариным Ю.А. и поздравил нас с великой победой наших учёных, инженеров и рабочих, торжеством социалистической системы. Мы кричали «Ура!» и громко аплодировали. Неожиданно слово от учащихся представили мне. Я растерялся, но собрался с мыслями, произнёс несколько предложений. Это было моё первое публичное выступление экспромтом. Разве мог я тогда предположить, что в будущем мне придётся заниматься этим профессионально, а 12 апреля станет международным днём космонавтики.

Школьные годы заканчивались, наступал новый период жизни. Последний звонок, государственные экзамены, последняя районная спартакиада по лёгкой атлетике, получение аттестата зрелости пролетели в одно мгновение. Тревоги, переживания остались позади. Нас ждала новая, ещё не изведанная, жизнь.

Нужно было определяться, выбрать учебное заведение, которое в будущем определит твою профессию на многие годы, или пойти работать на производство. Получить высшее или среднее специальное образование считалось престижным. Оно гарантировало в будущем стабильную работу, определённый достаток, и положение в обществе.

На Дальнем Востоке, в крупных городах, было достаточно много учебных заведений. Но было одно «но»: в высшие учебные заведения принимали вне конкурса молодых людей, уже отработавших на производстве. Шансов поступить было не много. Было ещё одно

веское обстоятельство. Большая часть наших родителей имели низкий заработок, и не имели возможности содержать нас пять лет. Это наложило отпечаток на наш выбор.

Только трое одноклассников: Алексюк Фёдор, Бойчукова Люба и Ковалёва Алла сдали вступительные экзамены, прошли по конкурсу и поступили в ВУЗы. Большая часть ребят поступили в военные училища. В этом была экономическая целесообразность. Обучение в них полностью обеспечивалось за счёт государства, но обязывало посвятить себя военной службе. Семейная жизнь военнослужащих была связана с частой сменой места жительства в военных городках. Житейские неудобства и лишения с лихвой компенсировались более высокой, чем на гражданке, зарплатой и многочисленными льготами. Бесплатное обмундирование, продовольственный паёк, бесплатные путёвки в санатории и дома отдыха, бесплатный проезд в отпуск.

Девчата выбрали: медучилище, индустриальный, финансово-кредитный техникумы. Я долго не мог определиться с учебным заведением. Наконец, выбрал строительный техникум в городе Комсомольск – на – Амуре.

– Куда же ты едешь? – сокрушалась мама, – неужели в Хабаровске не нашёл ничего лучшего. Я стоял на своём. Отец соглашался с моим выбором, ему льстило, что я свою жизнь думаю связать с техникой.

Не все смогли продолжить учёбу: ребят 1942 года рождения и старше, призвали в армию. Некоторые решили закончить обучение, и пошли осваивать рабочие специальности. В те времена все студенты-первокурсники начинали первый семестр в подшефном колхозе или совхозе. Для детей из сельской местности это было привычным делом. Для горожан – тяжелейшее испытание. Жить в приспособленных помещениях, спать на соломенных матрасах на полу, принимать утренний туалет холодной водой из ведра или общего умывальника, питаться в столовой под открытым небом и работать на полях по 12 часов в сутки они были не готовы.

Город Комсомольск-на-Амуре шефствовал над сельским хозяйством Ленинского района ЕАО. Строительный техникум был шефом Биджанского совхоза. Пассажирским поездом нас доставили на станцию Бабстово, в двух километрах от посёлка. Родину наших родителей, в лучах заходящего солнца, я толком не разглядел. Грузовыми машинами, по пыльной дороге нас привезли с село Степное.

Название посёлка соответствовало окружающей местности. Мы впервые увидели приамурские лесостепи. Нам повезло с погодой, за всё время работы не было ни одного дождя. Работали без выходных, за это время не только убрали весь картофель, но перебрали его на семена и засыпали в овощехранилище. Нашей работой руководство совхоза осталось довольным и «по достоинству оценило её», за вычетом на питания, мы получили по 3 рубля 30 копеек заработка! Обсуждая полученный заработок, мы размышляли о сельской жизни.

– Если так дёшево ценится труд колхозника, то кто же изъявит желание работать на селе? Но люди в сёлах жили, довольствуясь небольшими заработками и доходами от подсобных хозяйств. Ломать сложившиеся годами устои они не решались.

Пока мы убрали урожай, в стране произошло крупное политическое событие. Состоялся 22 съезд КПСС, где приняли новую долгосрочную программу завершения строительства коммунизма к 1980 году. Принято решение: тело И.В. Сталина вынести из мавзолея и перезахоронить у кремлёвской стены, демонтировать по стране его памятники.

Вернувшись для продолжения учёбы, мы сразу почувствовали «дыхание приближающегося коммунистического общества». В студенческой столовой со столов исчезли вазы с бесплатным хлебом. Маленький кусочек хлеба стоил теперь 1 копейку. Эта новость разочаровала студентов. В период безденежья, в столовой можно было взять два стакана чая и поесть бесплатного хлеба. В магазинах хлеб стали продавать по спискам, с прилавков исчезли: мука, крупы, батоны, баранки, бублики и т.д. Студенты в список не попали. После студенческих волнений, нас закрепили за одним из городских магазинов.

Завертела, закружила студенческая жизнь. Лекции, лабораторные занятия, практика вождения различных видов транспорта, участие в легкоатлетической секции не оставляли свободного времени. Я осторожно относился к своему положению, присматриваясь к окружающим. С одной стороны, была определённая свобода, никто не ограничивал меня в принятии решений. С другой стороны, было чувство ответственности за изучение новых предметов. Ведь на меня родители надеются. Нужно было расчётливо тратить те небольшие средства, которыми располагал.

Стипендию получил 13 рублей, 10 рублей прислали родители, получилось 23 рубля. Три рубля нужно было платить за прожи-

вание в общежитии. Итого оставалось 20 рублей, по 67 копеек в день – стоимость в столовой одного обеда. Не я один испытывал финансовые трудности. Большая часть студентов подрабатывали по выходным. В воскресенье, рано утром, к нашему общежитию подъезжали автомобили работодателей. Предлагали работу по разгрузке вагонов, барж, кирпича и т.д. За один световой день можно было заработать по 5- 8 рублей. При средней зарплате по стране 80 рублей, это было совсем не плохо. По большому счету, голод студентам не грозил. Конечно, случалось перебиваться на хлебе по случаю непредвиденных расходов.

Второй курс обучения начинался также с трудовой командировки, но не в колхозе, а на осеннюю лососёвую путину в низовье Амура. Наш курс готовился к новому путешествию с радостным настроением. Проплыть на теплоходе, любуясь живописными пейзажами, от города Комсомольска-на-Амуре до Николаевска, бывшей столицы Приморского края в середине 19 века за счёт работодателя, это же сказка!

Небольшой рыбацкий посёлок Нижнее Пронге, расположенный на самой восточной точке правого берега реки Амур, встретил нас ярким солнцем и пронизывающим холодным ветром. Устье реки в месте впадения в Татарский пролив было так широко, что противоположного берега не было видно. Расселили нас в общежитии, рядом с сезонными рабочими, приехавшими на заработки. нас быстро обучились технологии разделки и засолки свежей рыбы. Девчата работали на разделке, а ребята на засолке.

Режим работы был жёстко привязан ко времени поступления партии свежей рыбы. Днём мы могли отдыхать, а вечером, при подходе очередного плашкоута с уловом, приступали к работе. Работали порой всю ночь, пока не переработаем всю рыбу. Питались в столовой. Наш труд оценили достойно. Мы зарабатывали по 150 – 180 рублей, кроме того, запаслись рыбными деликатесами.

После третьего семестра нас перевели на вечернюю систему обучения. Днём мы работали в транспортных предприятиях города Комсомольска-на-Амуре. Проблема денежного обеспечения была решена. Я зарабатывал 70-80 рублей ежемесячно, от родительской помощи отказался, стал помогать старшему брату, высылая по 10 рублей ежемесячно. Размеренная студенческая жизнь заканчивалась. Наступил заключительный период обучения – короткая преддипломная практика, завершение работы над дипломным

проектом и его защита, всё это в течение трёх месяцев. За две недели до защиты прошло распределение без пяти минут механиков по транспортным предприятиям Дальнего Востока и Сибири.

Комиссия с представителями кадровых служб крупных предприятий и краевого управления автотранспорта разместилась в кабинете директора техникума. На доске объявлений был вывешен список предприятий, где требовались специалисты нашего профиля. Студенты сами выбирали место работы.

Существовавшая в стране система распределения выпускников вузов, техникумов и ГПТУ гарантировала молодым людям работу по специальности. Да, она не всегда совпадала с желаниями молодых специалистов и некоторые искали повод уклониться, но большая часть оставалась работать. Жаль, что сегодня этот процесс государством практически не регулируется. Ежегодно сотни тысяч дипломированных специалистов, завершив обучение, пополняют ряды безработных. Не многие находят работу по специальности.

Я сравнил условия обучения и возможность получения образования в вузах и техникумах в шестидесятые годы в СССР и в современной России. Увы, результаты не в пользу современной системы.

В СССР обучение было бесплатным, более того, всем студентам, успешно осваивающим науки, выплачивалась стипендия. Государство гарантировало обеспечение молодых специалистов работой, предоставляя определённые льготы. Количество вузов не гарантировало 100% обучения выпускников школ. При поступлении всегда был конкурс. Существовала система заочного и вечернего обучения, во время сессии представлялся оплачиваемый отпуск.

В современной России все затраты за обучение государство переложило на плечи граждан. Образование стало коммерческой структурой. Как грибы после дождя, появились новые институты, академии и университеты. Многие из них не имели ни материальной базы, ни квалифицированных преподавателей. Главной задачей таких «ВУЗов» была прибыль, знания давались весьма поверхностные, стало процветать взяточничество. Появилась возможность получить диплом высшего образования, даже не обучаясь.

Справка: Стипендия студентов 1964 года (минимальная) 16 рублей, что составляет 18,6 %, от средней заработной платы по

стране (86 рублей). Максимальная стипендия 25 рублей, или 29 % от средней зарплаты.

Стипендия студента ВУЗа, обучаемого за счёт бюджета, в 2018 году – 4000 рублей, или 9.5 % от средней зарплаты по России (42000 рублей). Абсурдным, выглядит переход на двухступенчатую систему обучения. Магистратура ничего нового студентам не даёт, никакой научной работы в этот период не ведётся. Два с половиной года обучения оборачиваются дополнительной тратой для родителей от 100 до 300 тысяч рублей дополнительно.

Службу по защите отечества, из поколения в поколение, несли наши прародители, охраняя далекие от центра России границы Сибири и Дальнего Востока. Строевая служба в казачьих войсках продолжалась 25 лет. Аналогичный срок службы для рекрутов существовал в регулярных войсках. С введением обязательной воинской повинности, срок службы был сокращён до 5 лет.

Во времена советской власти, при мирной жизни, служба по призыву ограничивалась тремя годами в сухопутных войсках и четырьмя на флоте, позже срок службы был уравнен. Мне предстояло служить 3 года. В наше время, служба в армии воспринималась, как почётная обязанность каждого молодого человека. На службу уходили юноши – возвращались из армии зрелые мужчины. Не могу сказать, что все рвались служить, но стремящихся уклониться от службы было не много. В обществе сложилось мнение, если молодой человек не служил в армии, значит большое. Прошедших службу ребят охотно брали на работу. Девчата присматривали среди демобилизованных спутника жизни.

После окончания техникума ребята нашего курса, в том числе и я, получили повестки из военкомата о призыве в армию. Поездом, без сопровождения, нас отправили в краевой военкомат г. Хабаровска. В составе команды из 200 призывников, поездом, перевезли в пересыльный лагерь г. Владивостока. Помыли в бане, всех остригли наголо, переодели в армейскую форму. Одежда, подобранная не по размеру, выглядела мешковато, стесняла движения. Непривычно тяжелы были кирзовые сапоги, после кедр и туфель. Наш внешний вид настолько изменился, что мы с трудом узнавали друг друга. Я был не избалован яствами, в студенческие годы питался скромно, но армейская пища была ужасной. Кто готовил её нам неизвестно, но есть её было невозможно. Кислый, пересолённый борщ и подгоревшая сухая картошка с

тушённой. Голод не тётка – приходилось есть. Сопровождающие нас сержанты успокаивали: в воинских частях кормят лучше. Разместили в палаточном лагере на берегу Амурского залива. Через неделю новобранцев теплоходом Азия (бывший Адольф Гитлер, доставшийся в качестве трофеев после ВОВ), отправили на Камчатку.

Я попал, в отдельный батальон связи знаменитой 24 Чапаевской дивизии. Военный городок располагался на окраине города Петропавловск-Камчатский, на южном склоне невысокой сопки. У её подножия, в одну линию размещались две кирпичные одноэтажные казармы, на 300 человек каждая, штаб батальона с центральным отоплением и большой плац с трибуной. На склоне сопки, рядами разместились деревянные избушки учебных классов и огромная столовая на 300 мест, с печным отоплением. На макушке сопки – армейский магазин и водонапорная башня. Территория военного городка ограждения не имела, караулом не охранялась. Посторонний человек мог свободно пройти на территорию, войти в любое помещение, кроме штаба и казарм. По нынешним меркам – преступная халатность! В середине казарм размещались умывальник, канцелярия командира роты, оружейная комната, каптерка старшины и красный уголок. По обеим сторонам были спальные комнаты на 150 кроватей, в два яруса.

Начался «Курс молодого бойца». Подъём в 7 часов утра, отбой в 22 часа. Весь день расписан по минутам. Свободное время – один час перед сном, когда можно было написать письмо, почистить одежду, пришить чистый воротничок к гимнастёрке. Днём садиться на кровать запрещалось.

Ротой новобранцев командовали два сержанта. Они круглые сутки находились в подразделении. От строгого взгляда наставников невозможно было скрыться. Замечания в наш адрес сыпались, как из рога изобилия.

– Застегните пуговицу, подтяните ремень, выньте руки из карманов, поправьте гимнастёрку, почистите сапоги, – напоминали нам.

Не все выдерживали жесткую дисциплину, но всякое неповиновение пресекалось жёстко. Сержант имел право наказать подчинённого нарядом вне очереди, а по согласованию с командиром роты, – до трёх нарядов. Принцип управления регулировался уставом. На практике использовался армейский

подход: – Не можешь – научим, не хочешь – заставим. Вскоре, мы приняли присягу, и наша учебная рота была расформирована.

Мне предстояло служить в отделении технического обеспечения, по полученной на гражданке специальности. Была ли служба в тягость? Скорее всего нет. Конечно, хотелось вернуться домой, но это было так несбыточно, что не хотелось об этом думать. Все дни были заполнены работой. Утром, после завтрака, мы уходили в парк, где была сосредоточена техника батальона, занимались её обслуживанием и ремонтом. После обеда и короткого отдыха возвращались в парк и продолжали работу до 18 часов. В случае чрезвычайной обстановки приходилось ночевать в парке. Проводимые два раза в год крупные учения, с выездом в район дислокации, были для нас праздником. Живая работа и смена обстановки скрашивали однообразный быт.

В летние месяцы связисты выезжали в лагерь, где отрабатывали профессиональное мастерство в полевых условиях. Палаточный лагерь, с ровными рядами армейских палаток на 20 человек каждая, с печкой буржуйкой, располагался на берегу горной реки у подножия огромного действующего Авачинского вулкана. Он постоянно дымился, часто случались землетрясения небольшой силы. Шум грохочущей воды слышался за несколько километров в округе. Лагерь окружали непроходимые заросли вечнозелёного кедрача, в народе его называли стлаником. Он действительно стелился над землёй в несколько ярусов, был покрыт несметным количеством небольших шишек с вкусными орешками. Под ногами шуршал многометровый слой вулканического пепла. Забора вокруг лагеря не было, но охранялся он круглосуточно.

Условия жизни были спартанские. Спали в палатках, в непогоду приходилось подтапливать печки. Питались в полевой кухне. Котелок – для первого блюда, крышка котелка – для второго, кружка – для чая, питьевая вода во фляжке. Общий умывальник под открытым небом. Раз в две недели помывка в походной баньке. Раз в месяц приезжала кинопередвижка. От передвижного генератора освещался только штаб. В палатках освещения не было. Лагерная жизнь нам нравилась, было меньше муштры и офицеров, чувствовали себя свободнее. В августе возвращались в казармы к своей повседневной службе – наряды, караулы, поддержание в рабочем состоянии техники и коммуникаций батальона. Так проходила воинская служба. На втором году я был назначен командиром отделения, для меня это было неожиданно.

Нужно было учиться подчинять своей воле товарищей. Это тяжёлый психологический барьер.

На последнем году службы произошло, ещё незаметное для других, но памятное для меня событие – я был принят кандидатом в члены КПСС. Мне было интересно разобраться, чем отличаются коммунисты от обычных людей? Какую такую тайну знают они, если на своих собраниях посторонним запрещают присутствовать? Какие особые поручения исполняют коммунисты? Первое собрание, где принимали кандидатом, меня разочаровало. Обсуждали поведение старшего лейтенанта, систематически злоупотребляющего алкоголем. Нас, молодых кандидатов, предупредили, чтобы мы не обсуждали эту тему с сослуживцами. Об этой слабости командира взвода знали все солдаты. На последующих собраниях, никаких тонкостей марксизма-ленинизма не изучали.

– Демобилизуюсь и непременно разберусь, в чём сила марксизма, ленинизма, – решил я. Не думал, что мне предстоит в будущем не только изучать, но сдавать государственные экзамены по этому предмету.

Заканчивалась армейская служба. Три года прожиты не зря. Я стал настоящим специалистом-механиком по обслуживанию автотракторной техники, с большим практическим опытом. Освоил специальности: моториста, электрика, аккумуляторщика, сварщика и освоил первые, скромные уроки управления людьми. Жизненный опыт, полученный за годы службы, стал первой ступенькой в моей будущей карьере.

Служба продолжалась три года и три месяца. Был демобилизован в конце ноября 1967 года. Наступил последний день службы. Последнее построение на плацу, благодарность от командования, вручение памятных часов и пожелание удачи в гражданской жизни. Звучит марш «Прощание славянки»! На душе буря положительных эмоций и ощущение грусти и пустоты. Что-то важное ушло из моей жизни. То, чем ты жил три года ушло безвозвратно. В этом спектакле ты уже лишний, нужно искать своё место в гражданской жизни.

ОТЧИЙ ДОМ

Вернулся в отчий дом в конце ноября 1967 года. Несколько дней наслаждался домашним уютом. После строгого армейского режима безделье тяготило. Нужно было определяться с будущим. Ехать в город Хабаровск, искать работу по специальности, с проживанием неопределённое количество лет в общежитии, или подыскивать работу в посёлке, жить у родителей и готовиться к поступлению в Политехнический институт Хабаровска. Выбрал второй вариант. Хотелось немного пожить в нормальных человеческих условиях. Занялся поисками работы по месту жительства. Свободных вакансий не было, предлагали места разнорабочих.

После нескольких дней хождения по кабинетам, предложили работу мастера производственного обучения в ГПТУ-17. Учебное заведение готовило специалистов для лесной промышленности и мелиорации: трактористов трелёвочных тракторов, бульдозеристов, экскаваторщиков. Курс обучения 10 месяцев. Бытовые условия почти армейские. Проживание в общежитиях казарменного типа, умывальник с холодной водой, туалет на улице. Раз в неделю помывка и бане. Обычные условия сельской жизни. В жилых помещениях, мастерских, столовой, гаражах – печное отопление, в учебном корпусе – центральное. Мне предстояло обучать будущих механизаторов основам слесарного мастерства. Дело для меня знакомое, я быстро освоился и чувствовал себя равным в среде преподавателей. Учить мальчишек было интересно.

За прошедшие шесть лет моего отсутствия на моей малой родине многое изменилось. Посёлок преобразился. Появились новые магазины, библиотека, аптека, новое здание поликлиники, железнодорожный вокзал. Появилось несколько новых улиц жилых домов. В центре посёлка, на месте старых бараков, построили кирпичные здания: конторы леспромхоза и несколько двухэтажных жилых домов с центральным отоплением. Поселковые улицы приведены в относительный порядок – многочисленные колдобины, засыпанные гравием, стали пригодны для проезда автомобильного транспорта в период распутицы. Сменилось поколение молодых людей. Мои сверстники разъехались по всей стране после окончания учебных заведений. Нужно было заново заводить знакомства и связи, встраиваться в

ритм поселковой жизни.

Происходили изменения и в нашей семье. Брат Владимир, уволился из средней школы в г. Хороль, переехал в поселок Сита. В местной школе стал вести предметы черчения и рисования, спортивную секцию волейбола. Вскоре познакомился с молодым врачом-пульмонологом местной больницы Поповой Ириной. Осенью 1964 года они поженились. Ирина переехала из общежития к нашим родителям. Это был союз зрелых людей, твердо стоящих на своих ногах, имеющих профессию и стабильный заработок. Радость родителей была недолгой. В следующем году они переехали на постоянное жительство в город Хабаровск, к родителям Ирины. Володя устроился художником-оформителем в краевую студию телевидения, Ирина в краевую больницу. В 1965 году у них родился сын, назвали Евгением. Я был рад появлению на свет первого племянника, продолжателя род нашей семьи.

Благополучно складывалась жизнь старшей сестры Валентины. Скудную работу учётчика в мастерских она сменила на бухгалтера в конторе Оборской железной дороги. Муж, Павел Степанович, успешно продвигался по служебной лестнице в отделе рабочего снабжения леспромхоза: товаровед, ревизор, заведующий складом, начальник базы.

В годы тотального товарного дефицита в стране, торговля была злачным местом, обеспечивающим достаток в семье и уважение окружающих. Семья себе ни в чём не отказывала. Вскоре переселилась в новый, срубленный из бруса, дом. Увеличился семейный парк транспортных средств. К мотоциклу с коляской, производства Ижевского завода, добавился малолитражный автомобиль марки «Запорожец». Через несколько лет малолитражку поменяли на новые «Жигули». Семья жила зажиточно, на зависть соседям и родственникам.

Младшая сестра Тамара, окончила школу в 1967 году. У неё была заветная мечта – посвятить себя юриспруденции, получить образование и безжалостно бороться с нарушителями закона. Успешно сдала вступительные экзамены в юридический институт, но не прошла по конкурсу. Пришлось искать работу. В ремонтных мастерских требовались сварщики. Вместе с подружкой Надеждой оформились учениками сварщиков. Освоили тонкости непростой мужской профессии и были аттестованы. Работа девушкам нравилась. Профессии токарей, фрезеровщиков, сварщиков, электриков считались элитой в ремонтных мастерских. Они

свысока смотрели на ребят слесарей в спецовках, пропитанных машинным маслом.

Красивые, общительные девушки были окружены вниманием мужчин. Возле них часто появлялись молодые парни, предлагающие помощь. Девчата поддерживали с ними хорошие отношения, не отказывались от помощи, но никому не давали повода на глубокие чувства. В свободное от работы время Тамара с головой окунулась в спортивную и культурную жизнь посёлка. Продолжала традиции старших братьев: ходила на лыжах, играла в волейбол, настольный теннис, регулярно участвовала в соревнованиях районного и краевого масштаба. Была активной участницей самодеятельности поселкового клуба. На активную комсомолку обратили внимание в районном комитете комсомола. Ей предложили работу в райцентре. Известие о возможном отъезде дочери расстроило родителей, но они не препятствовали, понимая, что это перспектива роста. Тамара жила в общежитии и приезжала только на воскресенье.

Размеренная жизнь в нашей семье текла своим чередом. Отец продолжал работать в мастерских мотористом. Работа грязная и плохо оплачиваемая. Зарабатывал по 70 – 90 рублей в месяц. Этого едва хватало на питание. Частенько выпивал, подрывая и без того тощий семейный бюджет. Выручало подсобное хозяйство и небольшая пасека. Трудоустройство Тамары, моё возвращение после службы, заметно пополнило семейный бюджет. В доме появилась новая мебель, радиола, улучшилось питание.

Сестра быстро ввела меня в круг своего общения. Так я познакомился с молодыми преподавателями местной школы. Общение в среде местных интеллектуалов, ещё не обременённых семейными узами доставляло истинное наслаждение, я попал в общество единомышленников. Мы часто встречались в поселковом клубе на танцах и в кино, устраивали скромные застолья.

Постепенно, дружеские отношения с одной из подруг сестры с необычным именем Богдана, становились более тёплыми. Мы стали встречаться регулярно. Подготовку к поступлению на заочное отделение в Политехнический институт я забросил. Вступительные экзамены, с треском провалил.

Это было знаковое событие, кардинально изменившее мое будущее. В училище мне предложили перейти на преподавательскую работу, вести предметы: материаловедение,

электротехнику и черчение. Оказалось, что работа преподавателя достаточно тяжёлый труд, кроме знания предмета требовалось выполнять массу канцелярской работы. Этот учебный год для меня был самым тяжёлым, нагрузка была большая, к занятиям, зачастую, готовился по ночам.

Предполагая возможное появление в семье невестки, отец развернул бурную деятельность по благоустройству усадьбы. Перестелил тротуары во дворе и на улице, заменил ворота, сарай отгородил от двора забором, сделал отдельный коридор для выхода скота за пределы усадьбы. Завёз лес для строительства тёплого сарая.

Осенью 1968 года я сделал предложение моей девушке выйти за меня замуж, она согласилась. В октябре состоялась свадьба. Моей женой стала Ластовецкая Богдана Юрьевна. Жить решили у моих родителей. Условия жизни для молодой семьи были благоприятные. Не нужно было беспокоиться о питании, отоплении, других коммунальных проблемах, их решали родители, мы иногда оказывали помощь. Наши родители поддерживали добрые родственные отношения, иначе не могло быть, жили они на одной улице.

Ничто не мешало сложившемуся укладу жизни. Беда пришла неожиданно. В первых числах апреля 1969 года, когда таяли последние остатки снежных сугробов, на чердаке дома, залило водой электрический кабель. Произошло короткое замыкание, и случился пожар. Крыша, покрытая сухой дранкой из лиственницы, в течение нескольких минут превратилась в огромный костёр. Пожар случился в середине дня, во время обеденного перерыва. Родители были дома. Прибежали на помощь соседи. Все помогали тушить огонь водой и остатками снега. Но огонь не отступал. Кто-то, вызвал пожарную машину. Быстрый приезд пожарных решил исход сражения, пламя струёй воды было сбито, пожар потушен. Видимо Бог пожалел нас. Но не только по велению Всевышнего удалось справиться с огнём. Потолок избы, при строительстве, был засыпан толстым слоем глины, она и спасла от возгорания сруб дома. Как не крути, а казачья технология!

Я в это время, как обычно, вёл урок. В дверь постучала уборщица и сообщила мне о пожаре в доме родителей. Отпустив ребят, я бросился домой. В голове роились самые жуткие мысли.

– Что там с родителями? Где же теперь жить? Если сгорели вещи, то погибли и документы? Подбегаю к дому, кроны тополей

и грушевого сада скрывают постройки, определить последствия пожара невозможно. Вот и калитка, открывшаяся панорама несчастья меня несколько успокоила. Дом от пожара пострадал незначительно, но вместо крыши, торчали остатки обгоревших стропил и высокая печная труба, сохранилась покрытая снегом кровля коридора. Вокруг лежали дымящиеся головешки и остатки сломанного забора. Во дворе стояли ещё не оправившие от стресса отец с мамой, родители жены и соседи.

– Не расстраивайся, – успокоил отец, – могло быть и хуже, мебель вещи, документы сохранились, только вымокли.

Зашёл в дом. Окна и двери были открыты, дым уже выветрился, но все было пропитано водой и запахом гари. С потолка капала вода, на полу, на мебели, лежали куски мокрой штукатурки. Удивительно, но сохранилось остекление окон, лишь местами потрескалось.

Устраняли последствие пожара в квартире при открытых окнах, до позднего вечера. Жарко натопленная печь подсушила стены и потолок, выветрился угарный газ, влага, условия проживания приблизились к норме. При свете керосиновой лампы, разложили мокрые вещи на табуретках, мебели, спинках кроватей. Заснули за полночь.

Внешне дом выглядел неказисто, но жить было можно. Смущало отсутствие крыши. В случае дождя повторился бы потоп. Помогла администрация Оборского леспромхоза: за счёт собственных средств выделила пиломатериал, шифер, крепёж, направила бригаду плотников. Кровлю восстановили за неделю.

Дом нуждался в более серьёзном ремонте. С наступлением теплых дней, мы с Богданой перебрались жить в новый сарай для скота, а родители в кладовую, из дома всё вынесли. Предстояло заменить подгнивший оклад, подоконники, полы, перебрать печь, оштукатурить. Огромный объем работы к концу июня был закончен, и мы заселились в отремонтированные комнаты. Большую помощь в ремонте оказали ближние родственники.

В конце июня у нас родился сын. Через неделю я забрал Богдану из больницы, малышу дали имя Валерий. В нашем полку прибило. Теперь, главным в жизни семьи была забота о ребёнке. В воспитании сына помогали бабушки: Феодосия Александровна и Прасковья Дмитриевна.

Заканчивался последний год десятилетия. Мирная жизнь, положительно сказалась, на развитие общества. Численность

населения Российской Федерации выросла на 10 млн. человек. Промышленное производство удвоилось. Больше внимания стали уделять выпуску товаров народного потребления. В свободной продаже появились холодильники, стиральные машины, телевизоры, радиолы, магнитофоны. Социальная система государственного управления сделала доступными образование, здравоохранение, социальное обеспечение, инфраструктуру, позволяющую свободно передвигаться по необъятным просторам страны.

*Отец, мама дети. Владимир, Валентина,
на руках Александр. Ситинск 2. 1948г.*

Бобров Роман Григорьевич

*Боброва (Шохирева)
Феодосия Александровна*

п. Сита. Наша усадьба. Вид из грушевого сада.

*Место ссылки м.п. Ситинский 2. 1942-1948 г.г. Ученики
начальной школы. Боброва З.М. вторая слева 1 ряд.
Бобров Г.М. Бобров В.Р. Боброва В.Р.*

Гости в семье Безденежных

Дом детства

Поленницы

Пасека

Роман Григорьевич Бобров

*Родители Богданы.
Ластовецкие Прасковья Дмитриевна и Юрий Семёнович*

*Отцы Юрий Семёнович Ластовецкий
и Роман Григорьевич Бобров*

Отец на своём подворье. п. Сита

Отец, Лесозаготовки

Владимир, Валентина, Тамара, Александр, Геннадий 1956 г.

*У отчего дома. Владимир, Валентина, Тамара, Александр.
На первом плане племянница Галина. 1963 г.*

Елизавета Фёдоровна Шохирева 1960 г.

В гостях у бабушки и дедушки п. Сита

В гостях у дедушки п. Сита

На крылечке

*Родственники, приехавшие на похороны мамы Феодосии
Александровны Бобровой.*

Дедушка Роман Григорьевич с внуками

*Ластовецкие Прасковья Дмитриевна и Юрий Семёнович.
Украина, Львовская обл. п. Стебник. 1992г.*

Сенокосная пора

Ситинская средняя школа 10 класс. Выпуск 1961 г.

Старшеклассники

Ноябрьская демонстрация в п. Сита. 1960 г.

Волейбол. п. Сита

*Летняя спартакиада оборского леспромхоза. 1960 г.
Финальный забег. Средний Бобров А.Р.*

На школьном стадионе. п. Сита

Спартакиада. п. Сита

Проводы в армию. Сита 1964г.

Армейская служба

*Камчатка. Отдельный батальон связи 1966 г.
Первый слева А.Р. Бобров*

Камчатка. Солдатские будни

*Дипломники строительного техникума
г. Комсомольска-на-Амуре. Третий справа А.Р. Бобров*

Александр Бобров 1966 г.

Богдана с сыном Валерой

сын Валера

*Железнодорожный вокзал п. Сита Оборской ж.д.
Богдана с детьми*

*Богдана, Тамара
и сын Валера*

Слава и Валера

«ЗАСТОЙНЫЕ» СЕМИДЕСЯТЫЕ

Наша жизнь в родительском доме была комфортной. Не нужно было беспокоиться о питании, отоплении, уходе за животными и так далее. В основном это делали родители, мы только оказывали помощь. Казалось, чего беспокоиться? Смушала маленькая зарплата и отсутствие перспективы роста. Главный работодатель, Оборский леспромхоз, заканчивал свой производственный цикл. Основные богатые лесные угодья были вырублены. Участки лесорубов перемещались всё дальше, на восток. Протяжённость территории предприятия превысила 100 км. Объёмы заготовки древесины сократились на порядок. На дальних лесных массивах уже создали два новых леспромхоза: Мухенский и Сукпайский. Нужно было определяться с новым местом жительства. Остановились на городе Биробиджане. Во время зимних каникул посетили родственников. Город понравился: спокойный, компактный, ухоженный, с необходимой социальной инфраструктурой. Родителей обескуражило наше решение о переезде, но они не препятствовали. В августе, с минимальным количеством вещей приехали в город, остановились у родственника, Иван Григорьевич, старший брат отца, жил в своём доме один. Жена умерла, взрослые дети жили отдельно, своими семьями. С трудоустройством проблем не было. Я оформился главным механиком в грузовое автопредприятие, Богдана преподавателем английского языка в школу № 9. Ребёнка устроили в ясли. Казалось, основные проблемы решены, но по ряду причин, пришлось срочно менять место жительства. Обратился по месту работы.

Администрация автобазы выделила нам старенькую времянку на окраине города. После небольшого ремонта мы в ней и поселились. Зима показала, что это не очень пригодное для жизни помещение: печь топили круглые сутки, а на полу вода замерзала. Так начались наши первые месяцы городской жизни.

В апреле 1971 года у нас родился сын, назвали Станиславом. Хлопот по уходу за детьми прибавилось. Управляться одной с двумя маленькими детьми в тесной времянке Богдане было тяжело, дети часто болели, а я не мог ей помочь, поскольку работал в другом конце города и возвращался поздно вечером. В июле к нам в гости приехали на автомобиле родственники: сестра Валентина,

с мужем, дочкой и братом Владимиром. Разместить всех гостей на ночлег во времянке не было возможности. Мужчины коротали ночь в автомобиле, женщины расположились у родственников.

Я продолжал поиск работы, где могли представить квартиру. Устроился в автобазу «Сельхозтехника». В ноябре, нам выделили квартиру в деревянном аварийном бараке, с печкой и двумя большими комнатами. Мы были рады и этому, тем более, это был почти центр города, рядом с работой. Запаслись дровами и углем, перезимовали благополучно. Через год вновь сменил место работы, мне предложили должность начальника мастерских на автобазе треста «Дальтяжстройтранс» и обещали благоустроенное жильё. В канун нового 1972 года мы въехали в однокомнатную благоустроенную квартиру малосемейного дома треста «Биробиджанстрой». Богдана покинула школу, сочетать воспитание детей с учительской работой не получалось. Оформилась корректором в редакцию газеты «Биробиджанская звезда», рабочий день был не нормированный, начинался вечером, заканчивался, порой, за полночь.

В октябре 1975 года в моей профессиональной деятельности произошло кардинальное изменение. Мне предложили работу инструктора в городском комитете КПСС. Я долго отказывался, но меня убедили. Из убеждённого технаря нужно было перестроиться в партийного чиновника. Встраивался в бурную партийную работу тяжело, недоставало элементарных знаний. Поступил на заочное обучение Хабаровского отделения «Высшей партийной школы ЦК КПСС». Дети подросли, Богдана устроилась на работу в отдел кадров треста «Биробиджанстрой» с нормальным режимом работы.

В жизни сестры Тамары происходили знаковые изменения. Она уволилась из районного комитета комсомола, переехала в город Хабаровск и поступила учиться в педагогический институт. Жила в общежитии. В ноябре 1970 года вышла замуж за односельчанина Алексея Безденежных. Весёлую свадьбу сыграли в родительском доме. Алексей устроился работать в Хабаровский нефтеперерабатывающий завод. Жили в съёмной квартире. Через год завод выделил молодой семье комнату в коммунальной квартире, в полуподвале пятиэтажного дома.

В трехкомнатной квартире размещались три семьи. Квартира Тамары, стала перевалочным пунктом. Многочисленные родственники, приезжая в Хабаровск часто навещали моло-

дождёнов, иногда и ночевали. Хозяйка радушно принимала гостей, порой, ущемляя себя. В феврале 1972 года в семье молодожёнов родилась дочка, назвали Лианой. Опекун за воспитанием малышки взяла бабушка Феодосия Александровна. Большую часть времени ребёнок находился в деревне, родители приезжали на выходные.

Устоявшуюся, спокойную жизнь изменило несчастье. В мае 1973 года, на автобусной остановке в посёлке Сита во время посадки пассажиров в автобус Алексея сбили с ног, он оказался под колесом машины. В результате, тяжелейшая травма, длительное лечение, и инвалидность. Нужно отдать должное мужеству и воле Алексея, преодолевая трудности, он искал своё место в жизни и вскоре нашёл – в мастерской по ремонту радиотехники. В 1974 году Тамара получила высшее педагогическое образование и была принята на должность заместителя директора по воспитательной работе в одной из средних школ города. Для молодого специалиста это высокое доверие, и она его достойно оправдывала, опираясь на опыт работы в районном комитете ВЛКСМ. Семья Безденежных, стала местом притяжения коллег по профессии. В праздничные дни, да и не только, здесь собиралась весёлая компания единомышленников.

В семейной жизни брата Владимира, в Хабаровске, не предвиделось особенных перемен. Условия проживания в трёхкомнатной квартире родителей жены были достаточно комфортными, хотя и возникали порой определённые трения с родителями. Возможности получить квартиру и жить отдельно в городе, в обозримом будущем, не было. Предлагали работу и представляли жильё многочисленные общесоюзные стройки.

На Волге, возле города Куйбышев (ныне Самара), строился гигантский нефтехимический комбинат с городом - спутником. Требовались специалисты многих специальностей, предоставлялось жильё. Связались по телефону с кадровой службой комбината. Им подтвердили наличие вакансий врача и учителя рисования и дали согласие на переезд. В конце 1969 года приняли решение о переезде.

Радушно встретила новосёлов волжская земля. Ирина оформилась врачом терапевтом спортивно-оздоровительного комплекса, Володя – преподавателем в городскую художественную школу. Получили долгожданную квартиру. Сына Женю определили в детский садик. Постепенно приобретали мебель, заводили новых знакомых. Смутила скромная зарплата, дальне-

восточных надбавок не было, оклад и редкие премии. Приобрели дачный участок на богатых волжских чернозёмах. Жизнь удалась. Для карьерного роста не доставало высшего образования. Володя поступил на заочное обучение художественно-графического отделения Хабаровского педагогического института. Странно, что он не сделал этого, проживая в городе. В 1970 году родилась дочка, назвали Зоей, в семье добавилось хлопот по уходу за ребёнком. Решили перебраться на Волгу и родители Ирины. Первой приехала мама, Елизавета Григорьевна, она взяла на себя заботы по уходу за ребёнком, а Ирина вышла на работу. Вскоре, продав квартиру в Хабаровске, приехал отец. Родители купили жильё и жили отдельно. Раз в год Владимир приезжал в Хабаровск, сдавал зачёты и экзамены за целый курс. Во время сессии жил у Тамары. Заезжал проводить родителей на малой родине. Получив высшее образование, продвинулся по служебной лестнице. Новая должность директора школы пришлась по душе, быстро освоился, коллеги радушно приняли нового руководителя. Тоска по малой родине не давала покоя, часто писал родителям письма, регулярно приезжал в гости.

В семье сестры Валентины шла размеренная жизнь, с налаженным бытом. Дети успешно учились в средней школе, показывая пример усердия и высоких знаний.

Родительский дом опустел, мы разъехались, создали свои семьи. Что поделаешь, таков удел всех родителей, нужно подстраивать свою жизнь к изменяющимся условиям. Отец уволился с работы, в связи с выходом на пенсию. Купил мотоцикл с коляской, серьёзно занялся пчеловодством, продажа мёда обеспечивала определённый достаток. Зимой подрабатывал кочегаром в котельной. Мама стала получать социальную пенсию в размере 40 рублей. Жизнь текла своим чередом, уменьшили количество скота на подворье, сократили на половину огород. Финансовых трудностей родители не испытывали, более того, по возможности, материально помогали нам.

Дети не забывали родителей. Частыми гостями были Косолаповы, их младшая дочка Лариса стремилась каждую субботу и воскресенье ночевать у бабушки. На воскресный день часто приезжала с семьёй Тамара. Мы приезжали не часто. Летом к бабушке с дедушкой привозили внуков. Валера, Слава, Лина доставляли немало хлопот родителям, но они были рады, внуки скрашивали одиночество. Гостили родители и у нас, как правило,

в межсезонье: бабушки, Феодосия Александровна и Прасковья Дмитриевна, дедушки, Роман Григорьевич и Юрий Семёнович. Постоянная связь поддерживалась регулярными письмами или по междугородной телефонной связи через почту.

Не только положительные изменения происходили в семьях родственников. В семидесятые годы ушли из жизни многие родные и близкие нам люди. Летом 1973 года похоронили Екатерину Даниловну Боброву, маму отца и нашу бабушку, несмотря на все пережитые тяготы и лишения, она прожила 92 года. Вслед за матерью ушли в мир иной её дети, братья отца. Михаил Григорьевич в 1975 году, на 65 году жизни, Александр Григорьевич в 1976 году, на 72 году жизни, Иван Григорьевич в 1977 году, в 73 года. В июне 1972 года умерла Елизавета Фёдоровна Шохирева, наша бабушка по линии матери, ей исполнилось 86 лет, похоронили её рядом с дедушкой Александром Васильевичем на кладбище в Биробиджане.

Либеральные политики называют семидесятые годы застойными. Не думаю, что это объективная оценка реального состояния дел. Да, темпы роста экономики сократились, но 4,5% прироста в год – сосем не плохо. Для современного правительства, при капиталистической системе хозяйствования – неосуществимая мечта. Население РСФСР увеличилось на 8,5 миллионов. Не буду называть великие стройки союзного значения. Остановлюсь на стройках Хабаровского края: БАМ, ТЭЦ – 3, заводы алюминиевых конструкций, металлоконструкций, крупнопанельного домостроения. В городе Биробиджане чулочно-трикотажная фабрика, комбикормовый завод, элеватор, авторемонтный завод. Перечень можно продолжить. Заметно выросло материальное благосостояние советских людей. Средняя заработная плата, выросла почти на 40%. У дальневосточников выше, в связи с введённой 30% доплатой к заработку за выслугу лет. К сожалению, данных уровня инфляции в стране за этот период я не нашёл.

Последний год был омрачён началом военных действий в Афганистане. В конце декабря 1979 года СССР ввёл ограниченный контингент войск в соседнюю страну, для предупреждения гражданской войны. Непродуманное решение советского руководства обернётся для страны тяжёлыми материальными, политическими, и людскими потерями в последующие годы.

ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Новое десятилетие страна начинала с всемирного спортивного праздника – летних Олимпийских игр. Столица заканчивала подготовку к их проведению. Западные страны к этому событию тоже «готовились» и объявили бойкот олимпийским играм. Команды спортсменов десятков стран на олимпиаду не приехали, но праздник спорта состоялся. Советская команда была несомненным фаворитом.

В 1982 году, началась чехарда, со сменой высшего руководства СССР. Ушедшего из жизни Л. И. Брежнева, сменил 68 летний Ю.В. Андропов, прежде возглавлявший КГБ. Народ ожидал от нового лидера прогрессивных перемен. Первые шаги генсека вселяли надежды. Принятые законы об укреплении трудовой дисциплины, о трудовых коллективах, народом были поддержаны. Неожиданно генсек умер, его сменил 73 летний К.У. Черненко, но через полгода и он ушёл из жизни.

Страна подвергалась многочисленным ограничениям, экономическим и политическим санкциям со стороны США и европейских стран, выезд за границу, гражданам Советского Союза, был закрыт. Народ ожидал смены высшего руководства молодым энергичным лидером. Избрание Генеральным секретарём ЦК КПСС в 1985 году 54 летнего Горбачёва М. С. гражданами страны было воспринято положительно. В народе он почему-то сразу получил кличку «Мишка меченый». Кто в то время мог предполагать, что молодой, обаятельный лидер коммунистов через пять лет разрушит до основания и партию и государство. Период его правления, со слов генсека называли «Перестройкой».

Но это произойдет позже. А пока народ жил обычной размеренной жизнью, трудился на государственных предприятиях и в учреждениях, регулярно оказывал безвозмездно шефскую помощь колхозам и совхозам, воспитывал детей, содержал небольшие подсобные хозяйства или дачные участки.

Бывшие спецпереселенцы посёлка Сита постепенно уезжали на новые места жительства. Многие возвращались на свою родину, в западную часть СССР. Центрами притяжения на Дальнем востоке были города: Хабаровск, Владивосток, Комсомольск-на-Амуре,

Амурск, Уссурийск, Биробиджан и другие.

В 1980 году переехали в город Биробиджан мои родители. В доме жилищного кооператива, в одном дворе с нашей пятиэтажкой, им подобрали однокомнатную квартиру. Кооператив строился за счёт государственного кредита, оплатить пришлось только треть стоимости, остальная часть суммы погашалась ежемесячно, в течение 15 лет, что было возможным оплачивать из пенсии. К сожалению, оказать материальную помощь родителям я не мог, зарплата рядовых партийных работников была скромной, сбережений в сбербанке наша семья не имела. Переезд родители перенесли спокойно, быстро привыкли к городской жизни, о селе с удовольствием вспоминали на даче. К сожалению, они часто ссорились. Отец обижал маму. Пришлось родителей развести. Младшая сестра Тамара забрала маму в свою семью в Хабаровск, отец остался с нами.

Сестра жены Богданы – Слава, с мужем Василием, после выхода на пенсию вернулись на Украину. Купили уютный домик с богатым садом и небольшим огородом в городке Стебник. Посёлок был газифицирован, дешёвый газ избавлял от тягот поиска топлива, но жильё требовало серьёзного ремонта. После его завершения они забрали к себе родителей – Юрия Семёновича и Прасковью Дмитриевну.

В конце семидесятых в пригород города Биробиджана, посёлок Птичник, переехал с семьёй двоюродный брат Шаталов Юрий Александрович. Недавно созданному предприятию для мелиорации заболоченных земель остро требовались специалисты, представлялось жильё. Юрий устроился шофером, а жена, Валентина Павловна – экономистом. Здесь они проработали до пенсии.

В 1981 году старшая дочь Валентины, Галина, после окончания Хабаровского медицинского института проходила интернатуру в областной больнице Биробиджана. После успешного окончания интернатуры, ей предложили работу терапевта в районной больнице и представили благоустроенную квартиру в пригороде Биробиджана, в посёлке Валдгейм. К этому времени она вышла замуж за Бибченко Александра Дмитриевича, бывшего одноклассника и земляка, вскоре у молодожёнов родилась дочка, малютку называли Ларисой.

Младшая дочь Валентины, Лариса, успешно закончила обучение в Хабаровском экономическом институте в 1982 году, получила

распределение в город Находка Приморского края. Молодой специалист пришёлся ко двору в таможенной службе. Знакомство со статным командиром пограничного судна Бойковым Юрием, завершилось свадьбой и сменой места жительства на город Корсаков, на острове Сахалин. В начале 1987 года в семье родился сын Алексей, в конце 1988 года – дочка Виктория.

Шла своим чередом наша семейная жизнь. Дети, Валера и Слава, учились в школе, мы с Богданой работали. Скромные заработки вынуждали считать каждую копейку. Ежегодно выращивали на арендованных участках картофель, хранили в подвале. Со свежими овощами было плохо. В государственной торговле их можно было купить лишь в августе – сентябре. Предприятия сельского хозяйства страны выращивали их в достаточном количестве, но сохранить не могли. Значительная часть собранного урожая портилась в вагонах и овощехранилищах, не имеющих должной вентиляции и кондиционирования. Крупные тепличные хозяйства делали первые шаги.

Государство вернулось к проверенному методу пятидесятых годов: всем желающим разрешили бесплатно выделить по 6 соток земли, для садоводства и огородничества, и представили возможность обеспечивать себя самостоятельно. Наступил дачный бум, тысячи горожан ринулись осваивать целину, строить по возможности домики, где можно было укрыться от непогоды. На сотнях гектаров в пригородах Биробиджана выросли десятки дачных посёлков, садово – огородных товариществ.

Получила участок и наша семья в посёлке Шукинка, в 15 километрах от города. Поселок пересекала небольшая речушка с аналогичным названием. Приобретение участка изменило сложившийся уклад семейной жизни, выходные и праздничные дни, вместе с детьми, стали проводить на даче. Рядом обустроивал участок двоюродный брат Шаталов Юрий. Работа спорилась, земля была раскорчёвана, огорожена забором, забиты скважины для воды, поставлены стандартные дощатые домики и туалет. Минимальные условия пребывания созданы. Трудно было с транспортом, личного автомобиля, естественно не было, работа общественного транспорта только налаживалась, более двух километров приходилось одолевать пешком, с тяжёлыми сумками. Но желание увидеть выращенное своими руками нас не останавливало. Вскоре в рационе питания семьи появилась зелень, овощи.

Предстояли серьёзные изменения в моей трудовой жизни. После завершения курса заочного обучения в Хабаровском отделении ВПШ при ЦК КПСС мне предстояло выбрать сферу будущей деятельности – остаться в системе партийных органов, или перейти на хозяйственную работу. Я выбрал последнее.

Подбором и расстановкой кадров занимались партийные органы. Предложили должность заместителя председателя по заготовкам областного кооператива «Крайрыболовпотребсоюза». Решение не случайное, в горкоме партии я курировал работу по оказанию шефской помощи совхозам и колхозам. Шефская помощь и реализация сотен тысяч тон сельхозпродукции – вещи неслучайные, но отказаться я не мог, совесть не позволяла, государство вложило немалые средства за моё обучение.

Приступил к исполнению обязанностей в августе, с началом массового сбора урожая. Разбираться с тонкостями логистики приходилось самостоятельно, исколесил область вдоль и поперёк. Сложившаяся годами система кооперации, работала как посредник между производителем и покупателем. Помещений для длительного хранения овощей и картофеля не имела. Совхозы и колхозы располагали, как правило, небольшими складами для хранения семенного фонда. Мощные овощехранилища имела торговля, но и здесь эффективной вентиляции и холодильного оборудования не доставало. Основная тара для овощей – деревянные ящики и бочки, для картофеля – мешки и сетки. Продукция, отгружалась в обычных вагонах при температуре воздуха днём + 25-30 градусов. Рефрижераторов для перевозки овощей и картофеля не выделялось, не доставало их для перевозки скоропортящейся продукции. Таким образом, от выращенного на полях урожая – до потребителя реально доходило, в лучшем случае, не более 70%. Сегодня можно спокойно рассуждать о недостатках системы хозяйствования, а тогда нужно было решать задачи имеющимися возможностями.

За два сезона заготовки приобрёл определённый опыт, появились мысли изменения существующей системы. Не могу знать, как оценили мою работу, но в декабре 1983 года мне неожиданно предложили должность заместителя председателя исполнительного комитета города Биробиджана, но я отказался. На следующий день, второго декабря, меня пригласил на беседу первый секретарь горкома КПСС Корсунский Б.Л., меня ожидал неприятный разговор. После долгого ожидания в приёмной

мне разрешили войти, первый беседовал с начальником главка «Дальшвейпрома» Кириловой Р.А.

– Вот вам директор фабрики, Раиса Александровна, – представил меня секретарь.

Я с недоумением посмотрел на секретаря и на начальника главка – предварительно со мной об этом никто не разговаривал.

– Но я не знаю технологии швейного производства, – пытался возразить.

– На первых порах этого от вас и не требуется, для этого есть главный инженер, технологи, механики, а остальное вам знакомо, – возразил Борис Леонидович.

Он был прав, нужно соглашаться и впрягаться в тяжёлую, ещё неизвестную работу. В 17 часов меня представили активу фабрики. Предстояло вникнуть в новую для меня отрасль, выявить узкие места, переломить негативную тенденцию падения производства.

Первое беглое знакомство произвело тяжёлое впечатление. Пошитая продукция не пользовалась спросом, ей были забиты склады, свободные помещения клуба, администрации, но её продолжали производить. В спортивном зале хранилось несколько тысяч метров искусственного меха низкого качества, неоплаченного поставщику. Как следствие – недостаток оборотных средств, зарплату платить нечем. По сегодняшним меркам – банкротство.

Советская власть не могла допустить этого, помогла кредитом. Положение дел стало медленно поправляться. Фабрика работала в две смены, мой рабочий день по 10-12 и более часов, стал нормой.

На собственном опыте оценил тяжесть шефской помощи, оказываемой фабрикой сельскому хозяйству, строителям, энергетикам, школе, детскому дому. В летний и осенний период ежедневно отвлекалось более 100 человек, с сохранением средней зарплаты на предприятии. Работа в экстремальном режиме подорвала мое здоровье, тяжёлый приступ астмы выбил из рабочего режима почти на 9 месяцев. Так непросто начиналась моя деятельность в легкой промышленности, которая продолжалась плодотворно более 11 лет.

Семейная жизнь текла своим чередом, дети получили среднее образование и продолжали учиться в ВУЗах. Старший Валерий, поступил на художественно-графический факультет Хабаровского педагогического института, но ещё на первом семестре был призван в армию. После двух лет службы продол-

жил учёбу. Младший, Станислав, подал документы в высшее мореходное училище им. Макарова г. Владивостока. Первое знакомство с армейскими порядками его разочаровало. Осознав ошибку в выборе профессии, забрал документы и поступил в Хабаровский институт железнодорожного транспорта на отделение ПГС (Промышленное и гражданское строительство). В институте была военная кафедра, что гарантировало обучение без перерывов. Служить Отечеству и ему придётся, но немного позже.

Сын брата Владимира – Евгений, первый из большой семьи Бобровых, впервые после 1917 года, решил посвятить свою жизнь службе в советской армии. После окончания высшего военно-технического училища города Ульяновска в 1986 году, выбрал местом службы Дальний Восток. Местом его службы стал ракетный дивизион в пос. Приамурский на берегу реки Амур, в Еврейской автономной области. Служба молодому лейтенанту пришлась по душе. В 1988 году женился на дочке командира части Татьяне Привар, молодоженам выделили квартиру. Через год родилась дочка, назвали Оксаной. Армейская служба проходила успешно, росло количество звёздочек на погонах, поднимался по служебной лестнице. В 1990 году Евгения перевели в Управление тыла Дальневосточного военного округа, с повышением в должности.

Серьёзные изменения происходили в жизни сестры Тамары. В 1984 году, после непродолжительной работы заместителя главы администрации по социальным вопросам Кировского района Хабаровск, ей предложили работу в районном комитете партии. Огромный, многопрофильный участок работы взвалила на свои плечи сестра, однако, богатый жизненный опыт позволял ей успешно справляться. Статная молодая женщина, с красивой причёской, всегда модно одетая, с прекрасно поставленной речью, производила приятное впечатление. Ненормированный рабочий день не оставлял времени на воспитание дочери, этим больше занимались отец Алексей и бабушка Феодосия.

В октябре 1987 года неожиданно умерла наша мама, Феодосия Александровна, тяжёлую полостную операцию её организм не выдержал. Похоронили, по её просьбе, в посёлке Сита, где она провела большую часть своей жизни. Для нашей семьи это была тяжёлая утрата. Ушёл из жизни самый дорогой нам человек, посвятивший свою жизнь детям и внукам. Проводить маму в последний путь

приехали многочисленные родственники близкие ей люди.

Ещё ничего не предвещало катастрофы, но могучее в прошлом государство постепенно деградировало. Проводимая либерализация власти по западному образцу, создавала обстановку вседозволенности. Высшим органом стал Съезд народных депутатов СССР. Принят ряд законов, снимающих ограничения в области экономики. Разрешена работа кооперативов, принят закон об индивидуальной трудовой деятельности, повышена самостоятельность предприятий. Начался вывод советских войск из Афганистана. Создана государственная комиссия по реабилитации жертв политических репрессий. Прошли всесоюзные выборы в Совет народных депутатов СССР, региональные и местные Советы. Большинство избранных делегатов Совета были сторонники реформ, правда, никто толком не знал каких, много было и демагогов, далёких от политики.

Руководство крупным предприятием обязывало меня участвовать в политической жизни. Баллотировался в депутаты краевого и городского советов, уверенно победил. Депутатская деятельность отнимала немало времени, но открывала двери к первым лицам города, области, края. Мероприятия по реконструкции фабрики были поддержаны. Помощь оказывалась не деньгами, а лимитами на материалы, строительные работы, научные разработки и т. д. Прежде всего, была отремонтирована кровля на производственных помещениях, что обеспечило бесперебойную работу швейных цехов во время дождя и таяния снега. Реконструирована система вентиляции (в летнее время температура на рабочих местах достигала + 35 - 45 градусов). Появились филиалы фабрики в области и за ее пределами, численность персонала выросла на треть. Стали открывать фирменные магазины. На свободных площадях организовали производство синтепона, первое в РСФСР. Запустили переработку обрезков ткани на ватин и матрасы для мягкой мебели.

Совместно с Ленинградским институтом легкой промышленности велись работы по разработке и запуску производства клеевой паутинки (первой в СССР). Установлены контакты с московским и ленинградским домами моделей. Прежде убыточное предприятие стало приносить прибыль, появились средства для решения социальных вопросов коллектива. По итогам соревнования между предприятиями легкой промышленности 1988 года, фабрику наградили переходящими

красные знаменами Биробиджана, Еврейской автономной области и Хабаровского края.

Положив руку на сердце, признаю, что своими успехами я обязан моей спутнице жизни, любимой жене Богдане Юрьевне. Она всегда поддерживала мои начинания, жертвовала своей карьерой и посвятила свою жизнь семье, воспитанию детей и внуков. Я уходил на работу, когда дети ещё спали, возвращался, когда они уже спали. Многочисленные длительные командировки, восемь лет заочного обучения, выезды на сессию дважды в год. Все житейские проблемы были на её плечах.

НОВАЯ РОССИЯ

Между тем, в обществе назревала напряжённость. По стране прокатилась серия случайных и рукотворных катастроф. Авария на черновыльской АЭС, землетрясение в Армении, пожары на военных арсеналах, межнациональный конфликт в Закавказье, шахтерские забастовки в Сибири и т.д. На предприятиях, дома на кухне, бурно обсуждается будущее страны. Шатким становится положение единственной партии КПСС. Прошедшая Всесоюзная партийная конференция оптимизма не добавила, авторитет партийных лидеров стремительно падал. Я помню встречу партийного актива города в библиотеке обкома партии с Геннадием Зюгановым, где им была высказана мысль о кардинальном изменении состава ЦК КПСС, или создании новой партии, но время было упущено.

В действующей конституции существовал пункт о праве наций на самоопределение и добровольном выходе из состава СССР. Первый Съезд народных депутатов внес в конституцию изменения, позволяющие союзным республикам самим определять своё государственное устройство. Маховик по развалу державы был запущен. В апреле 1990 года председателем Верховного Совета СССР избран Б. Ельцин (пустили козла в огород).

Между Горбачёвым и Ельциным развернулась смертельная борьба за власть, а дальше «случайные совпадения». Тринадцатого июля открывается 27 съезд КПСС, где Ельцин заявил о выходе из членов партии, а на следующий день, в Москве, проходит «случайно» 400 тысячный митинг под лозунгом «Долой КПСС».

Чтобы предупредить развал экономики, ещё в 1988 году руководители крупных промышленных предприятий страны объединились, полагая не без согласия правительства, в Союз товаропроизводителей. Был создан совет во главе с директором крупного машиностроительного завода А. Тизяковым. От предприятий легкой промышленности я был избран в состав совета. Раз в квартал нас собирали в Москве, мы обсуждали проекты документов, подготовленных для рассмотрения депутатами Верховного Совета СССР, вносили свои предложения.

Неизвестно, учитывалось ли наше мнение, но юридической силы они не имели. Помню, как с программой 100 дней, выступал Егор Гайдар в малом зале Белого дома. После третьего вопроса, на

который он внятно не смог ответить, автор реформы скрылся за кулисами под свист публики. Мы не поддерживали М. Горбачёва, но и отвергали авантюристическую позицию Б. Ельцина. После неудачной попытки путча, союз распустили. Наиболее активные его участники подверглись репрессиям. Первичная организация нашей области сохранилась и продолжала работу до конца девяностых, затем была переименована в «Союз промышленников и предпринимателей».

Вожди предали рядовых коммунистов, а народ, в очередной раз, поверил обещаниям демагогов о сладкой жизни при рыночной экономике.

Я из рядов партии не выходил. Предстояла кардинальная ломка всей государственной системы управления. Референдум «О сохранении СССР», прошедший в марте 1991 года, подтвердил желание народа сохранить страну, 76% сказали: «Да». На прошедших в июне выборах президента РСФСР победил Ельцин. Власть союзного государства под руководством Горбачёва, Бориса тяготила, как в сказке А.С.Пушкина «О рыбаке и рыбке». Через полгода президенты России, Белоруссии и Украины, без проведения референдума, тайно подписали «Беловежское соглашение», плюнули на чаяния народа. Великой державы не стало. Горбачев ушёл в отставку. Ельцин расставил на важные государственные должности «своих» людей, Гайдар назначен главой правительства.

Развал СССР негативно сказался на работе промышленности всех республик. Сложившиеся годами цепочки взаимной поставки комплектующих деталей и материалов между предприятиями стали разрушаться. Введение с 1 января 1992 года свободных цен добавило хаоса в отношения между предприятиями, неконтролируемый рост цен привел к финансовому коллапсу. Кредит в банке можно было взять под 200-300 процентов годовых! Первыми пострадали машиностроительные предприятия, производящие самолеты, автомобили, строительную и сельскохозяйственную технику, судостроение и т.д. По стране прокатилась волна сокращений, или перевода рабочих на неоплачиваемый отпуск, некоторые предприятия закрывались. Зарплату стали выдавать производимой продукцией. Жалкое существование владели инфраструктурные отрасли: транспорт, энергетика, связь, коммуналка.

Об уровне инфляции в стране можно судить по купюрам денежных знаков. В 1990 самая «дорогая» – 100 рублей, в 1991 – 1000р, 1992 – 5000 р. ,1995 – 500000р. Основная масса людей стала

«миллионерами». Внеочередной 9 съезд Народных Депутатов РФ 23 марта 1993 года расценил действия президента и его команды, как попытку государственного переворота. Страна стояла на грани гражданской войны.

Когда людям становится плохо, они обращаются к Богу, поэтому естественным стало возрождение православия в эти годы. Впервые в истории города, в аварийном деревянном доме открылся православный приход Хабаровской епархии и быстро приобрёл популярность у верующих, кстати, тогда единственный в области. Прихожане, чем могли, помогали обустроить церковь, сделать это было сложно, слишком ветхим было здание. Меня попросили помочь. На швейной фабрике готовилось к сносу старое двухэтажное помещение детского сада. Я показал его иерею Сергию, предложил отремонтировать и передать безвозмездно приходу. Правление фабрики поддержало меня. Так родился приход Святителя Пантелеимона. Вскоре при нём была открыта небольшая поликлиника. Через пару лет, рядом с приходом на средства прихожан и при участии правительства области, построили из добротной сосны храм Святителя Николая, по всем православным канонам. Сегодня в нашей области своя епархия.

Закон о реабилитации казачества вызвал всплеск русского патриотизма, стихийно возникали хуторские и станичные казачьи организации во всех районах области. В официально зарегистрированных числилось более 3 тысяч потомков казаков. Но эйфория быстро прошла, на голом энтузиазме создавать новую структуру не получалось, так называемый базис – отсутствовал.

По мере возможности я оказывал помощь. В доме культуры швейной фабрики выделили помещение для штаба, организовали казачий хор, передали часть готовой продукции под реализацию, но этого было крохи, реально использовать казачью энергию не было возможности. К этому нужно добавить и безработицу. С охраной границы прекрасно справлялись погранвойска, кроме того, пришедшие в казачьи структуры парни не знали казачьих традиций и обычаев, военным искусством не владели. Казаки собирались, проводили круг, избирали атамана и на этом всё заканчивалось. Губернатор стал назначать наказных атаманов из состава глав муниципальных образований и даже начальника МЧС, но состояние дел не менялось.

Наконец, в 2010 году в правительстве принят пакет законов, регулирующих деятельность казачьих структур. Правительством

области была создана специальная комиссия по возрождению казачества, во главе с заместителем губернатора Антоновым Г. А. Была разработана специальная программа. Год напряженной работы позволил создать хуторскую и станичную структуру Средне Амурского казачьего войска. Сегодня казачество позитивно развивается, активно сотрудничает с правительством области, местной православной епархией, силовыми ведомствами.

Вот в это тревожное время закончили обучение в ВУЗах наши дети, молодых специалистов никто не ждал, уровень безработицы в стране превысил 30%, найти работу было не просто. Валерий устроился в рекламный отдел швейной фабрики, но эту службу вскоре сократили, перевёлся специалистом в коммерческий банк. Пришлось поступить на заочное отделение Хабаровского института «Экономики и права». Станислав некоторое время работал в частной строительной компании, она обанкротилась. Занялся торговым бизнесом, но неожиданно был призван на службу в армию.

Дочка Тамары, Лиана, попробовала свои возможности стюардессой «Аэрофлота», библиотекарем. Володина дочь, Зоя, устроилась работать по профилю – экономистом. Природа подталкивала молодёжь к исполнению естественных человеческих обязанностей. Наши дети друженько, практически в одно время, обзавелись семьями. Зоя вышла замуж за болгарина Бойко Динёва. В советское время, на крупные стройки привлекали из стран социалистического лагеря специалистов. Большая группа строителей работала в Новокуйбышевске, но стройка закончилась, строители уехали на родину, а Бойко остался.

Лиана Безденежных решила связать свою жизнь с молодым футболистом Валерием Харламовым, племянником знаменитого хоккеиста Валерия Харламова. В 1994 году, в Москве, в армянском православном храме состоялось венчание и богатая свадьба, с участием знаменитых гостей, звезд хоккея 70-х годов: Михайлова, Петрова, Якушева. Мне случилось присутствовать на этом торжестве. Всё складывалось удачно, молодым предложили комнату в квартире бабушки, Лиана продолжила обучение в политехническом институте. К сожалению, союз не выдержал испытание прозой жизни, через год молодые развелись.

Этот год стал богатым на свадьбы. В октябре, в доме культуры швейной фабрики сыграли свадьбу Станиславу, его избранницей стала Ирина Александровна Холкина, дочь офицера пограни-

чника. Молодожёнам вскоре была выделена квартира, а муж уехал на 11 месячные курсы, в город Санкт-Петербург.

В ноябре о предстоящей женитьбе объявил старший сын Валерий, свадьба прошла по обкатанной программе. Спутницей его жизни стала Оксана Анатольевна Бакулина, из семьи государственных служащих. Первое время они жили с нами, в начале следующего года переехали в однокомнатную квартиру в бывшем общежитии фабрики.

Не прошло и года, как дети порадовали нас внуками. В апреле 1995 года в семье Валеры родилась девочка, назвали Дариной. В июле у Станислава родился мальчик, назвали Максимом. Так в 50 лет мы, с женой Богданой, получили почётное звание – бабушка и дедушка. Рождение внуков стало праздничным событием, появились дополнительные приятные заботы о малютках. По субботам и воскресеньям у нас собиралась большая весёлая компания. Приятно осознавать, что твоя скромная помощь нужна молодым семьям. Рад был правнукам и прадед, долгожитель Роман Григорьевич Бобров.

Жизнь суровая штука, часто испытывает человека на прочность, и нужно иметь силы и мужество пережить их и не сломаться, сохранить свои принципы жизни. В текущем году ждали и трудности и меня. На прошедшем отчетно-выборном собрании акционеров швейной фабрики, в страстную пятницу, меня, что называется – «прокатали».

Было обидно выслушивать, зачастую необоснованные, обвинения директора во всех бедах фабрики. Полагаю, это было решение недальновидное, принятое на волне борьбы с «красными» директорами. Смена руководства в такое тяжёлое время привело предприятие к логическому концу, через два года фирма обанкротилась. Последнюю точку поставил конкурсный управляющий, сдав, что было возможно, в металлолом. Как ни странно, но я почувствовал облегчение, с моих плеч сняли тяжелейшую ношу. Спасибо Господу, что это случилось и сохранило мне жизнь. Для чего-то я ещё был нужен.

Полтора месяца я «отдыхал» на даче. В начале июня меня пригласил на беседу губернатор Н.М. Волков и предложил возглавить недавно созданное областное отделение Пенсионного Фонда России, я согласился. На следующий день прибыл в Москву, для утверждения у председателя правления Фонда Барчука В. В. Он хорошо знал нашу область, поскольку долгое время работал

начальником финансового управления Хабаровского края, а область входила в его состав. Мы нашли общий язык, предстояла большая работа по обустройству новой структуры.

Тяжело переживала разруху наша малая родина, посёлок Сита. Главный кормилец населения, работодатель, Оборский леспромхоз был признан банкротом. Железная дорога (более 100 километров) разобрана и сдана в металлолом, к этому приложил руку бывший губернатор Хабаровского края Фургал. Тысячи рабочих лишились работы. Пассажирское сообщение автобусами работало с перебоями, приехать и уехать из поселка стало проблемой. Население массово стало покидать обжитое место, уезжали, как правило, семьями продавая за бесценок дома. Покинула поселок и переехала в Биробиджан семья Косолаповых: старшая сестра Валентина, муж Павел и кошка Мурка. Квартуру купили в соседнем квартале, от места проживания отца. Средств на покупку нового жилья не доставало, отложенные на чёрный день сбережения в Сбербанке пропали, решить проблему помогла младшая дочь Лариса. В нашем полку прибыло.

Приближалось эпохальное событие – завершение двадцатого столетия и второго тысячелетия от Рождества Христова. Многие «провидцы» и «оракулы» предрекали возможные катаклизмы и катастрофы, создавая в России нервную обстановку. Другая группа мошенников, типа Кашпировского и Чумака, «лечила» всё население страны с экранов телевизоров. Народу было от чего нервничать, по городам покати́лась волна террористических актов, прогремели взрывы в московском комплексе «Манеж», в многоэтажных жилых домах, в жилом доме в Волгограде, погибли десятки людей.

Неожиданным приятным сюрпризом для населения России в канун нового года стала добровольная отставка главного разрушителя страны, создателя олигархического государства президента Б. Ельцина. Временно государство возглавил глава правительства В. В. Путин, народ вздохнул с облегчением.

К счастью, апокалипсиса не произошло, но жизнь в третьем тысячелетии не улучшилась. Развал экономики продолжался, повально банкротились предприятия, миллионы людей лишались работы, население нищало, возросла смертность, средняя продолжительность жизни упала до 64 лет (уровень 1955 года). Государственная казна была пуста, задерживались выплаты зарплат военным и служащим государственных учреждений,

пенсии и социальные пособия пенсионерам. Страна пожинала плоды резкого перехода к рыночной экономике. Государство снимало с себя ответственность за многие социальные вопросы. Большая часть государственных предприятий приватизировалось. Государственные коммунальные квартиры передавались безвозмездно в собственность владельцев, с возложением на их плечи ответственности за содержание и ремонт. Резко изменился спрос на рабочую силу, невостребованными оказались инженеры, многие рабочие профессии. Новые места работы требовали дополнительных знаний, приходилось вспоминать студенческие годы, заочно, в платных институтах поменявших вывески на академии и университеты.

Старший сын Валерий получил второе высшее экономическое образование по профилю «Финансы и кредит» и устроился на работу в филиал Сбербанка. Жена Оксана, получив юридическое образование в Хабаровской академии экономики и права, нашла работу в областном отделении Фонда социального страхования.

Младшему сыну Станиславу, после окончания военной службы, предложили работу в отделение Центрального банка ЕАО. Новое место работы требовало юридических знаний, закончил Московскую заочную юридическую академию. Жена Ирина решила сменить профессию стоматолога и посвятить себя юриспруденции. Закончила заочно Хабаровскую академию, поработала некоторое время юристом, помощником судьи в суде Биробиджанского района, прошла конкурс и была назначена судьёй, а затем заместителем председателя районного суда.

Сын Владимира Евгений поступил в военно-техническую академию, защитил диссертацию, получил звание «кандидат технических наук» и перешёл на преподавательскую работу в институт погранвойск в г. Хабаровска. Второй раз женился.

Сестра Тамара получила второе высшее образование в Хабаровской академии государственной службы. Я, в связи со сменой работы, закончил двухгодичные обучение в Финансово-экономической академии при правительстве России в Москве, когда мне уже перевалило за пятьдесят. Обзавелась автомобилем Москвич 412 и наша семья.

Никто из наших родственников не смог заниматься коммерческой деятельностью. Любой бизнес начинается с первоначального капитала, а его не было, небольшие сбережения в Сбербанке были «заморожены», оставались только криминальные варианты,

кража, мошенничество, взятка и т. д., но это не наш метод. Так уж устроен человек, какие бы трудности не возникали, он всегда ищет способ приспособиться к новым условиям. Все наши близкие нашли себе место работы, за пособием по безработице никто не обращался. В жизни страны стали происходить положительные изменения. Магазины наполнились продуктами питания, одеждой, мебелью, сложной бытовой техникой, появились супермаркеты. Стало возможным купить автомобиль, в том числе, зарубежного производства. Рыночная экономика начала приносить свои плоды. Сократилась безработица, выросли зарплаты, пенсии и прочие социальные платежи выплачивались регулярно. Население отреагировало, ростом рождаемости. В семье сына Валерия родился сын, назвали Денисом, у племянника Евгения дочка, дали имя Екатерина, у племянницы Лианы дочка, окрестили Елизаветой.

Отцу исполнилось 93 года, он мужественно боролся с многочисленными недугами, старался больше двигаться по квартире. Мы, как могли, поддерживали его. Внучка Галина регулярно устраивала ему профилактические курсы лечения в районной больнице. В октябре, в день Покрова Пресвятой Богородицы, мы, как всегда, поздравили отца с днём рождения. Но годы брали своё, зиму переживал тяжело, в феврале 2005 года его не стало. Похоронили на городском кладбище Биробиджана. Ушли из жизни и другие близкие нам люди. В 2011 году, на 73 году жизни, умер двоюродный брат Бобров Геннадий Михайлович, похоронен на кладбище Хабаровска. В 2014 году, после тяжёлой болезни, скончался двоюродный брат Бобров Николай Михайлович, в возрасте 64 лет, похоронен по месту жительства в пос. Хурба, недалеко от Комсомольска-на-Амуре. Летом 2019 года, на 79 году, ушла из жизни двоюродная сестра Трубникова Зинаида Михайловна. В 2019 году, после полостной операции, в онкологическом центре города Самара, на 82 году жизни неожиданно скончался мой старший брат Бобров Владимир Романович. Крепкий мужчина, спортивного телосложения никогда не жаловался на здоровье, не лежал в больнице и вдруг, эта нелепая смерть. Похоронили на кладбище города Новокуйбышев, в пригороде областного центра. Светлая всем память и Царствие Небесное.

Стремительно летит время, причём, с возрастом мне кажется, что этот процесс ускоряется. Наше поколение уходит на заслуженный отдых, дети продолжают трудиться, внуки, получив образование, разлетаются по бескрайней стране, а то и за границу.

Старшей сестры Валентины внучка Лариса Бибченко, получив два высших образования, несколько лет проработала в местном отделении ПФР, затем переехала в город Белгород, работает по специальности. Вышла замуж за инженера Андрея Лукьянова. Внучка Виктория Бойкова, после окончания Дальневосточного государственного университета, связала свою судьбу с Дмитрием Цвиркун, специалистом информационных технологий, вскоре родилась дочка Яна. Владивосток оказался маловат для фантазии молодых, решили покорить Аргентину. Гордая страна не сдавалась. Пришлось вернуться на родину. Город радушно принял беглецов, сняли квартиру в одном подъезде с родителями, в семье родилась дочка Вера. Всё складывалось удачно. Неожиданно, семьёй перебралась в столицу родины город Москву. Внук Алексей Бойков, получив высшее образование, остался работать во Владивостоке, семьёй пока не обзавелся.

Старшая внучка брата Владимира Оксана, получила высшее образование в Хабаровской академии экономики и права. Работает в краевой прокуратуре, вышла замуж за Печевистова Игоря, инженера железных дорог. В семье родился сын, назвали Ярославом. Младшая, Катерина, тоже закончила эту академию, поехала по туристической путёвке в ФРГ, где неожиданно вышла замуж за русского эмигранта Брацель Даниила. Сын брата, Евгений, уволился из армии в звании полковника, получил сертификат на квартиру, переехал на постоянное место жительства в тёплый город Анапу.

Дочь Тамары, Лиана Белонович, с мужем Евгением и дочкой Елизаветой переехали в Санкт-Петербург, определились с местом работы, купили по ипотеке квартиру. Тамара продала квартиру в Хабаровске, переехала ближе к дочке.

Дочь нашего старшего сына Валерия, моя внучка Дарина, получив образование в Хабаровской академии экономики и права уехала покорять Москву. Сын Валерия Денис продолжает обучение в колледже Хабаровского института связи.

У младшего сына Станислава единственный потомок – Максим. Закончив Хабаровскую академию экономики и права, получил предложение служить в вооружённых силах страны. После прохождения специальных курсов, в звании лейтенанта служит в органах безопасности. Сам Станислав в настоящее время принимает участие в восстановлении банковской системы нового региона России Донбасса.

Субботник на швейной фабрике

Наша дружная семья 1975 г.

Горкомовские будни

1992 г. В центре А.Р. Бобров

Демонстрация на швейной фабрике. 1988 г.

Швейная фабрика

Первая делегация руководителей министерства легкой промышленности России в Японии. 1991 г.

*Первая делегация руководителей легкой промышленности
Дальнего Востока в Китае. 1989 г.*

Делегация из Биробиджана. Бивертон, США.

Депутаты краевого совета от ЕАО. 1990 г.

1992 г. Хор ветеранов швейной фабрики

Оксана и Валерий

Ирина и Станислав

*Биробиджан, 2003 г. Орден Почёта
вручает губернатор Н.М. Волков.*

ГУ ОПФ РФ по ЕАО

В гости приехал брат Владимир

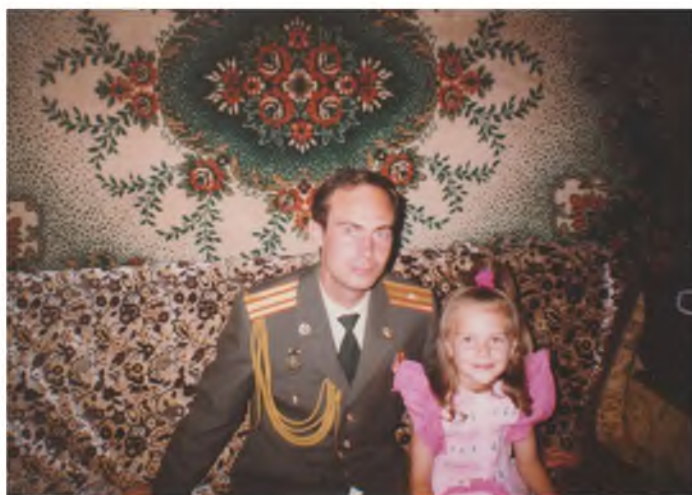
Встреча выпускников 1961 года, г. Хабаровск 2011 г.

Мы, с Богданой. Счастливые бабушка и дедушка

Брат Володя

сын Владимира Евгений с дочкой Оксаной

*Бобровы 2015. Александр, Богдана, Валерий,
Оксана, Ирина, Станислав*

2018 г. Юбилей Галины Павловны

Возле родных могил

**Штогрин С.И. секретарь ГК КПСС, настоятель прихода св.
Пантелеймона отец Сергей, Бобров А.Р. управляющий ОПФР
РФ по ЕАО - член попечительского совета прихода**

Брат Володя, сестра Валентина и брат Александр

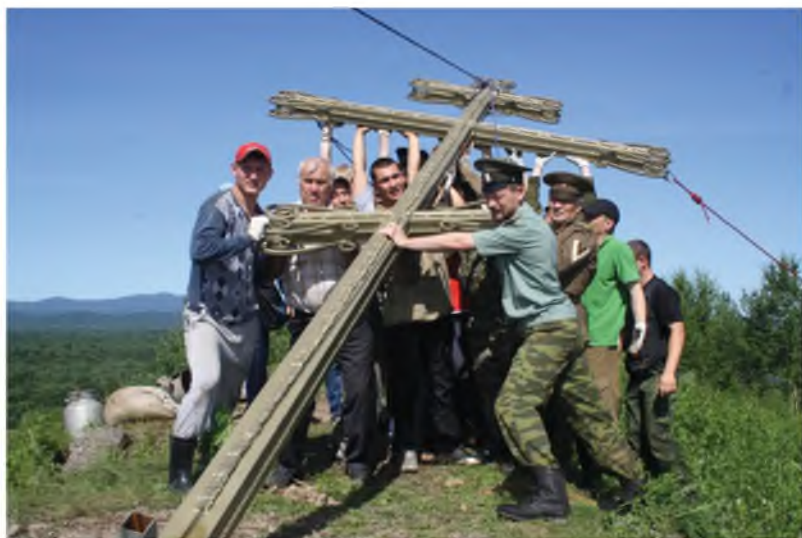
Семья Бойковых

Родные и близкие

*Клуб п. Сита 2012 г.
Здесь прошла наша юность*

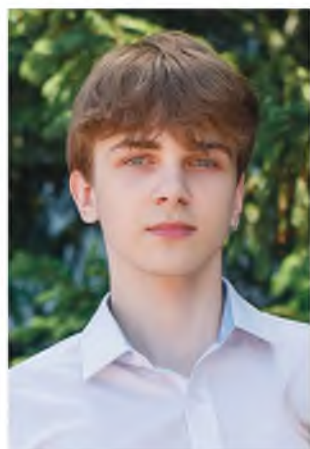
Установка памятного креста на Казачьей сопке

Служба в казачьем храме

*Храм Святителя Николая г. Биробиджан.
Первый полноценный христианский храм, построенный в
области после советской власти*

Наши внуки: Денис, Максим и Дарина

На этом я заканчиваю своё повествование о жизни и судьбе большой династии семьи Бобровых, начало которой положено славными предками-казаками, приехавшими покорять Приамурские земли в 18 веке, и положившими на алтарь Отечества судьбы свои и нас, их потомков.

Жизнь идёт, одно поколение Бобровых сменяет другое, вписываясь в историю своей Отчизны, принимая на себя все её взлёты и падения.

Мои воспоминания – не только дань прародителям, родным и близким. Это правдивая история нашей Родины, с её взлётами и падениями, перегибами в политике и героическими народными подвигами.

Жизнь казаков Бобровых крепко вплелась в канву истории России, её дальневосточных рубежей, стала частью страны. Надеюсь, что потомки нашей фамилии также станут трудиться и творить эту историю. А я буду продолжать жить на родной Приамурской земле и ждать правнуков, чтобы было кому род казаков Бобровых продолжать.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора.....	3
Наша фамилия.....	5
Сибирское казачье войско.....	6
Первые сведения о наших прародителях.....	10
Освоение Амура.....	17
«Батюшка жребий».....	24
Станица Михайло – Семёновская.....	30
Село Бабста.....	42
Конец мирной жизни.	
Пограничный конфликт 1900 – 1901 гг.....	58
Короткий мир и новая война.....	73
Государственный переворот.....	78
Колхоз дело «добровольное».....	90
От сумы, да от тюрьмы не зарекайся.....	94
Специальные поселения.....	106
Сладкое слово свобода.....	144
Эпохальное потрясение.....	164
Оттепель.....	172
Будем строить коммунизм?.....	185
Наши университеты.....	196
Отчий дом.....	207
«Застойные» семидесятые.....	236
Последнее десятилетие советской власти.....	241
Новая Россия.....	249

ИСПОЛЬЗУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- 1 Семёнов А. В. Край земли. г Хабаровск 1975 г.
- 2 Алексеев А.И. Дело жизни. г. Хабаровск 1972 г.
- 3 Стрелкова И.И. Хотелось бы всех поименно назвать. г. Хабаровск 1989 г.
- 4 Книга памяти жертв политических репрессий на территории ЕАО. Г. Хабаровск 1995 г.
- 5 Лунтовский Г.И. История банка России 1860- 2010 г. Москва Росслэн 2010 г.
- 6 Лаврук С.В. Жили, были на Амуре. г. Хабаровск Риотип 2008 г.
- 7 Галушко Ю. Казачьи войска. г. Москва «Русский мир» 1993г.
- 8 Переселенческое управление главного управления землеустройства и земледелия. Азиатская Россия. Санкт – Петербург 1912 г. (переиздан в 2010 г.)
- 9 Крюков В.В. Амурское казачество: вчера и сегодня. Г. Хабаровск Риотип. 2008 г.
- 10 Алексеев А.И. Колумбы земли Русской .г. Хабаровск 1989 г.
- 11 Соколовский Ю.М. Цари и министры. г. Санкт – Петербург «Голцион» 2000 г.
- 12 Чёрный А.К. Очерк истории Хабаровской краевой организации КПСС. г. Хабаровск 1979 г.
- 13 Журнал «Социус» № 8 1992 г. г. Москва « Наука»¹
- 14 Князев В.Ф. Казачья сотня. г. Москва «Воениздат»1992 г.
- 15 Крюков В.В. Краткая история Амурского казачьего войска. г. Благовещенск 1912 г. « переиздан в 2009 г.
- 16 Данилов В.П. Ивницкий Н.А. Документы свидетельствуют. 1927 – 1929. 1929 – 1932. г. Москва 1989г.
- 17 Шуддяков В.А. Гибель Сибирского казачьего войска 1920 – 1922. Г. Москва «Центрополиграф» 2004 г.
- 18 Шведов Г.В. Махинов А.Н. Российское землепроходческое движение в Приамурье в 17 веке. Г. Москва 2011 г.
- 19 Соловьёв С.М. История России с древних времён. Санкт – Петербург 1879г. (переиздано в г. Москва в 2019 г.)
- 20 Брокгауз Ф.А. Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Санкт – Петербург 1889 г.(переиздано в г. Москва в 2007г.)
- 21 Данильченко П.Г. Россия. Полный энциклопедический словарь. г. Москва ОЛМА- ПРЕСС 2002г.

А.Р. Бобров
«КАК “БАТЮШКА-ЖРЕБИЙ”
КАЗАКОВ ИЗ СИБИРИ НА АМУР СОСЛАЛ»
Роман-эпопея
277 страниц

Книга Отпечатано в ООО «Издательский дом «Гранд Экспресс»
680000, Хабаровск, Уссурийский бульвар, 9-а
Тел., факс (4212) 30-99-80, e-mail: root@habex.ru
тираж 100 экземпляров

Редактор
Татьяна Васильевна Мошкина

Художественная вёрстка и дизайн
Алексей Геннадьевич Тщедушнов

